

Порик Кенни

ЖЕСТЯНКА

ЖЕСТЯНКА

Порик Кенни

Порик Кенни

ЖЕСТЯНКА

Порик Кенни — ирландский писатель. «Жестянка», его дебютный роман, сразу ворвался в топ «Книга месяца» и стал лауреатом нескольких международных премий.

В мире, где живет двенадцатилетний Кристофер, существуют механизмы, наделенные сознанием — механиклы. Они могут выполнять тяжелую работу, разговаривать, даже... испытывать эмоции — хотя одушевлять их, применяя «принципы улучшенной активации», категорически запрещено законом. Ослушавшихся инженеров ждет суровое наказание. Но некоторые все же рискуют и создают механиклов, абсолютно похожих на людей...

Потеряв при пожаре родителей, Кристофер попадает в ученики к инженеру-неудачнику, механиклы которого просто разваливаются на ходу, — и именно они, нелепые и простодушные, становятся для него новой семьей. Но однажды, после жуткой аварии, открывается тайна, которая рушит привычный мир.

*Подростковый стимпанковский коктейль
из «Пиноккио» и «Северного сияния».*

12+

Все книги издательства «Качели»
на www.labirint.ru

тел. +7 (495) 745-95-25
Бесплатный телефон для регионов РФ:
8-800-500-95-25

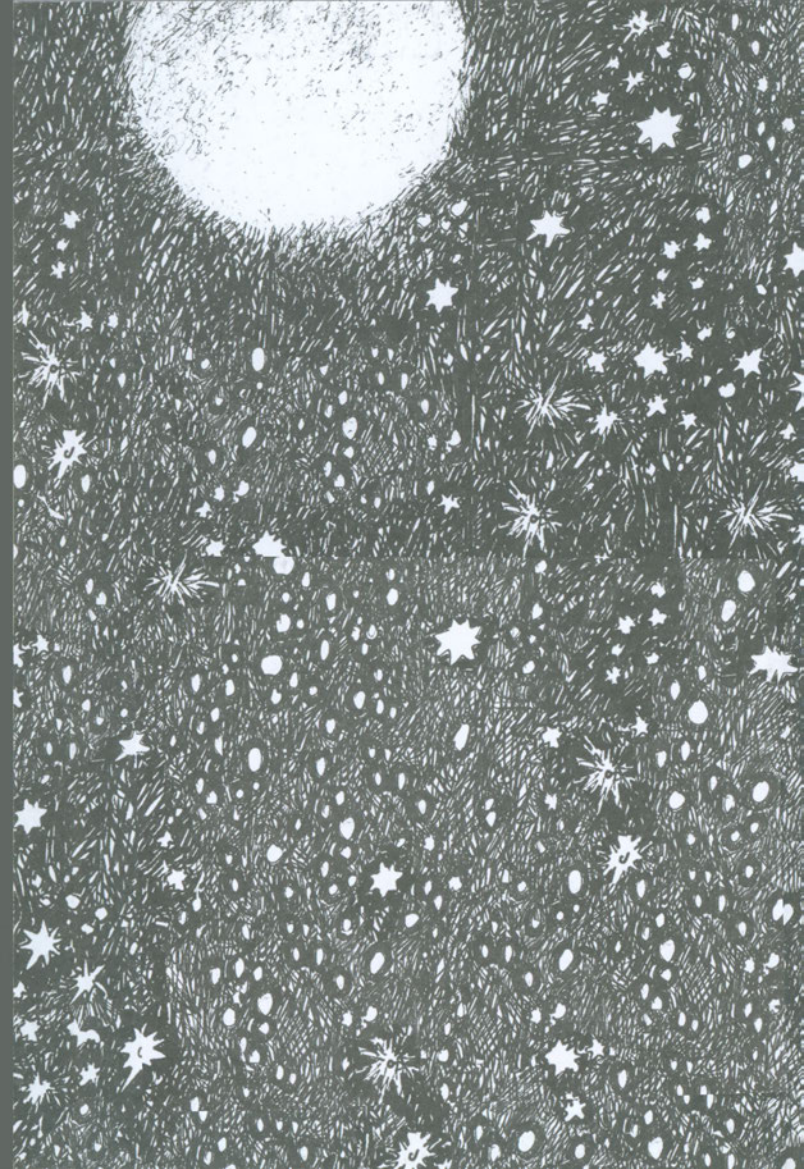
качели
издательство

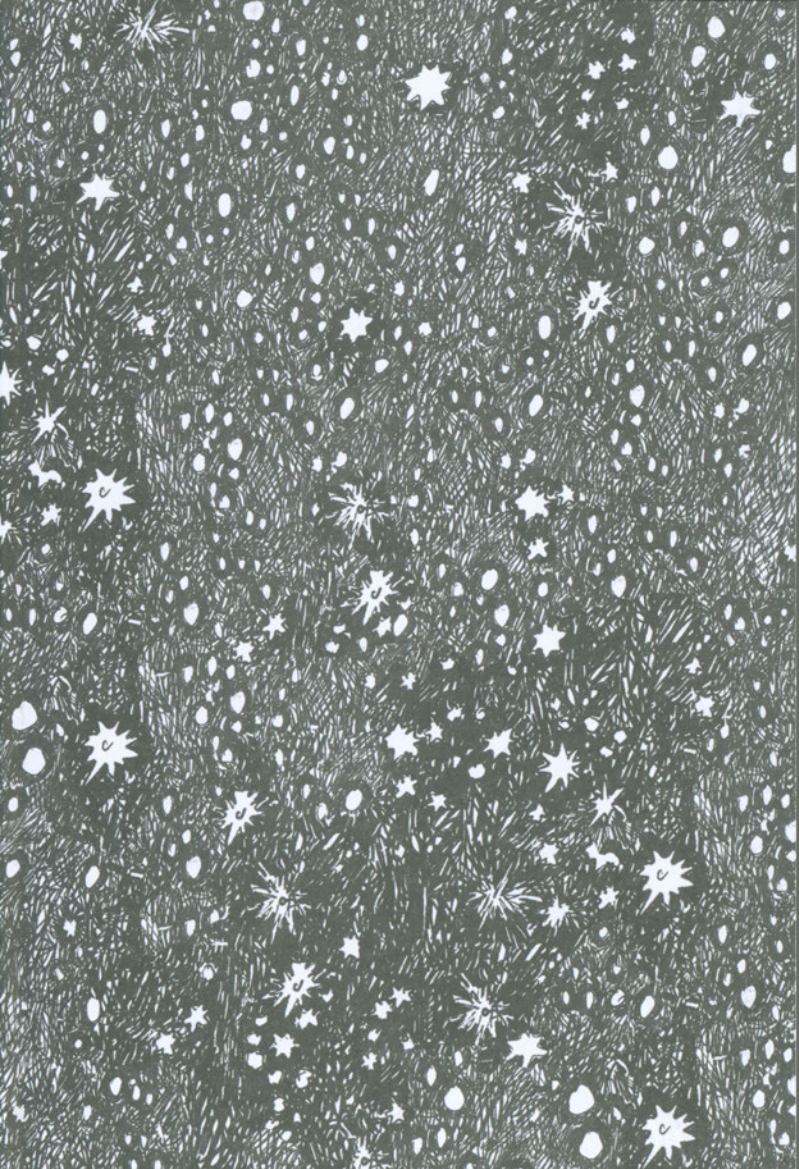
EAS

9 785907 142169

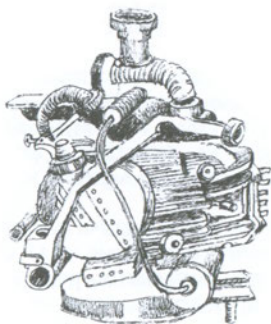

Для Кэролайн,
Лохланн, Садбх,
Тадхг и Тиган

Порик Кенни

ЖЕСТЯНКА

Перевод с английского *Евгении Бутенко*

Иллюстрации *Ирины Горбуновой*

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К33

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency
за содействие в приобретении прав

ISBN 978-5-907142-16-9

Original English language edition first published in 2018 under the title
TIN by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS
Text copyright © PÁDRAIG KENNY © 2018
The Author has asserted her moral rights.
All rights reserved.

© Е. Бутенко, перевод, 2019
© И. Горбунова, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство Качели», 2019

ЗАКОНЫ МЕХАНИКИ

**1. ЗАКОННОЕ ПРАВО ОДУШЕВЛЯТЬ
МЕХАНИКЛОВ ИМЕЮТ ТОЛЬКО
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ИНЖЕНЕРЫ,
ИМЕЮЩИЕ НА ТО ЛИЦЕНЗИЮ.**

**2. ЗАПРЕЩАЕТСЯ НАДЕЛЯТЬ ЖИЗНЬЮ
И СОЗНАНИЕМ ЗАГОТОВКИ, КОТОРЫЕ
СООТВЕТСТВУЮТ ОБЩЕПРИНЯТЫМ
СТАНДАРТНЫМ РАЗМЕРАМ ВЗРОСЛОГО, ИЛИ
«НАСТОЯЩЕГО», ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА.**

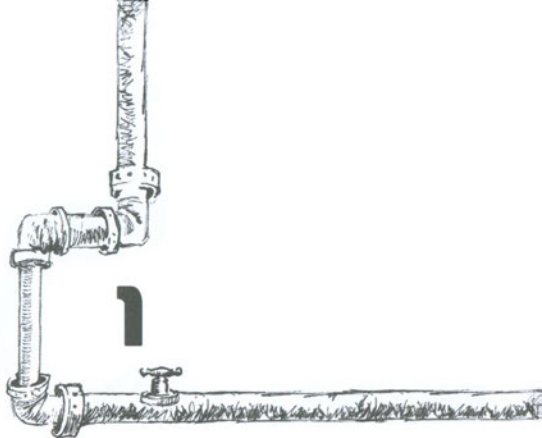
**3. ВСЕ МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ
ПРИСПОСОБЛЕНИЯ, НАДЕЛЕННЫЕ «ЖИЗНЬЮ»,
ДОЛЖНЫ СОЗДАВАТЬСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ПРИНЦИПОВ БАЗОВОЙ АКТИВАЦИИ И
МЕХАНИЗМА ГЛИФОВ.**

**4. СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ НАДЕЛЯТЬ
ЖИЗНЬЮ МЕХАНИКЛОВ, ПРИМЕНЯЯ
ПРИНЦИПЫ УЛУЧШЕННОЙ АКТИВАЦИИ,
ИЛИ «ОДУШЕВЛЕНИЯ».**

С ночного неба падал снег, все вокруг промерзло и притихло, слышен был только монотонный металлический скрип суставов Джека. Кристофер глянул на механика, но тот шагнул, устремив взгляд вперед, не обращая внимания на режущие слух звуки. Первым шел Абсалом, тонкий плащ пузырился у него на спине.

Скрип-скрип.

Кристоферу хотелось, чтобы этот мерзкий звук прекратился.

Скрип-скрип.

Абсалом по-паучьи развернулся, выпрямил спину и встал в полный рост.

— Кажется, я велел тебе смазать его, прежде чем мы выйдем со двора, — бросил он, буравя помощника сердитым взглядом.

— Я смазал, мистер Абсалом.

Однако сказать по правде, в суматохе, вызванной перспективой продажи, он совсем забыл выполнить распоряжение босса.

— Поправь волосы, — распорядился Абсалом, махнув рукой Джеку.

Механикл потуже натянул на голову парик и осклабился, глядя на Кристофера. Мальчик слабо улыбнулся в ответ. С того момента, как Абсалом сообщил им, что в Айлесбери наклонилась реальная продажа, у Кристофера в груди возникло тяжелое чувство.

Абсалому уже очень давно не удавалось найти покупателей ни на одно из своих творений, за исключением огородных пугал, которые были слеплены из чего попало самым постыдным образом. Последнее из созданий Абсалом покинуло поле и было найдено через три месяца в десяти милях от места установки лежащим в реке вниз лицом.

Но на этот раз Абсалом сказал: «звезды сошлись», продажа дело верное, карта легла как надо — и, с ликованием проскакав по кабинету, велел Джеку сменить его обычный парик цвета лисьей шерсти на каштановый, «потому что никто не покупает слабосильных на вид рыжих». Джек не имел ничего против. Он втайне радовался перспективе быть проданным. Кристофер заметил, как механикл улыбался, пока они ехали в грузовике.

Украдкой взглянув на Джека, когда они уже шли по улице, Кристофер снова приметил на его губах тихую улыбку, но на этот раз его тревожный взгляд был замечен. Кристофер быстро отвернулся.

— Что случилось? — спросил Джек.

— Ничего, — ответил Кристофер.

Настроение Абсалом улучшалось. Он восторженно глядел на падающий снег.

— Прекрасно. Я не мог бы устроить лучше, если бы сам все планировал.

На половине пути, проходя вдоль ряда красных кирпичных домов, он подал знак остановиться, хлопнул в ладоши и улыбнулся.

— Вот мы и на месте. Дом номер десять — он-то нам и нужен. Не забудь, что мы репетировали, Джек.

— Не забуду, мистер Абсалом.

— Кристофер.

— Да, мистер Абсалом?

— Выпрями спину и сделай лицо поумнее. Помни, что ты — помощник величайшего инженера в Англии.

— Да, мистер Абсалом.

Они стояли перед темно-зеленой дверью с простым медным дверным молотком. Босс приосанился, взялся за колотушку и три раза уверенно стукнул, после чего, не оборачиваясь, скомандовал:

— Улыбайтесь, ребята.

Несколько мгновений стояла тишина, беззвучно падали рыхлые снежные хлопья. Потом послышался звук отпираемого засова. Дверь открылась, и Абсалом расплылся в широчайшей улыбке.

Из двери высунулась курчавая голова мужчины лет тридцати с лишком.

— Да? — сказал он.

Абсалом слегка поклонился.

— Мистер Чепмен, позвольте представиться. Я — мистер Грегори Абсалом, создатель заготовок, манекенов, механиклов и машин всевозможных модификаций, разной степени одушевленности и двигательной активности.

Он взмахнул рукой — в ней появилась визитная карточка. Мистер Чепмен не успел сообразить, что происходит, но карточку взял и озадаченно на нее уставился. Потом поднял взгляд, так дернув головой и заморгав глазами, будто его только что ударили по лицу.

— Я... простите меня, но в чем дело?

Абсалом сложил ладони в молитвенном жесте и принял торжественный вид.

— До меня дошел слух, сэр, о вашем личном горе. Примите мои самые искренние соболезнования, хотя, возможно, и запоздалые.

Мужчина побледнел.

— Кто сказал вам? Откуда вы... Что вам нужно? — с легким возмущением в голосе проговорил он.

Кристофер вдруг занервничал и попытался встретиться глазами с боссом, но все внимание Абсалом было направлено на Чепмена, которого он гипнотизировал взглядом одновременно сочувственным и хищным.

— У меня есть знакомые в поселке, мистер Чепмен. По доброте сердечной они пришли ко мне и рассказали о вашем несчастье.

Мистер Чепмен воззрился на незваного гостя широко раскрытыми глазами и ухватился рукой за дверной косяк, будто стараясь не упасть.

— Сколько времени прошло, мистер Чепмен? — спросил Абсалом, склонив голову набок; взгляд его смягчился, глаза увлажнились от заученного сострадания.

Мистера Чепмена на мгновение охватил трепет, а потом хозяин дома проговорил сиплым, сдавленным голосом:

— Шесть недель.

— И он был вашим единственным ребенком.

Мистер Чепмен кивнул.

Кристофер почувствовал, как у него запылали жаром лоб и щеки. Он-то думал, это будет обычная продажа, понятия не имел, какие обстоятельства ей сопутствуют, и теперь злился на Абсалом за то, что тот пытался извлечь выгоду из несчастья этого человека. Мальчик собрался было выйти вперед и что-нибудь сказать, однако инженер, даже не глядя на своего помощника, проворно вскинул руку и ткнул паренька в грудь, чтобы тот не высовывался.

— Весьма прискорбно, да, действительно, весьма прискорбно, — проговорил Абсалом, вздыхая и покачивая головой. Кристофер заметил лукавый блеск в его глазах. — Как бы вы отреагировали, сэр, если бы я сказал вам, что могу немного облегчить вашу боль и страдания?

Мистер Чепмен беззащитно таращился на инженера. Кристофер понимал, что Абсалому почти удалось довести клиента до нужного состояния.

Босс театральным жестом указал на Джека.

— Позвольте продемонстрировать вам мою самую лучшую модель. Смею сказать, это одно из моих изысканнейших творений.

Джек вышел вперед и улыбнулся мистеру Чепмену. Потом склонил голову, как учил его Абсалом, и посмотрел на хозяина дома смиренным, исполненным надежды взглядом. Кристоферу стало тошно.

— Мы зовем его Джек, но, разумеется, имя можно изменить, если вы решитесь на покупку. По внешнему виду и способностям он полностью соответствует мальчику того возраста, на который выглядит. Веселость...

Джек улыбнулся и исполнил танцевальное па, покачав локтями взад-вперед, как комик из мюзик-холла.

— Превосходный ум в сравнении со сверстниками.

Джек приложил руку к подбородку, возвел глаза к небу и прищурился с видом мудреца:

— Триста девяносто пять умножить на шестьсот семьдесят два равняется двести шестьдесят пять тысяч четыреста сорок.

— Прекрасная подвижность и членораздельная речь.

Джек сделал колесо, а за ним стойку на руках. Суставы его скрипнули, и босс не упустил случая обвиняюще глянуть на помощника. Кристофер ответил ему свирепым взглядом. Абсалом мгновенно сменил выражение лица и вновь с улыбкой обратился к ошарашенному мистеру Чепмену.

— Как видите, сэр, это наиболее достойная вашего внимания модель, чудо инженерного искусства, и, могу вас заверить, цена тоже будет наидоступнейшая, если вы решитесь на приобретение.

— Роберт, кто там? — донесся голос из дома. — Кто пришел?

Мгновение длилась ледяная тишина, потом за спиной мистера Чепмена появилась женщина с растрепанными волосами, пустыми глазами и серым от недосыпания лицом.

— Кто это, Роберт? Чего они хотят?

Мистер Чепмен почувствовал неловкость.

— Ничего, ничего, Рут. Иди в дом.

Абсалом совершил хлесткий бросок гремучей змеи.

— Миссис Чепмен, — затараторил он, подлетая к порогу дома, — я приносил вашему супругу свои самые искренние соболезнования. Я узнал от наших общих знакомых, что ваш сын Уильям...

Кристофер увидел, как мистер Чепмен болезненно сморщился. Рука его жены подскочила ко рту.

— ...был прекрасным и достойнейшим молодым человеком.

В конце фразы голос Абсалома дрогнул. Инженер промокнул глаза платком.

— Я показывал вашему супругу нашу последнюю модель, которая, надеюсь, сможет приблизительно сойти за вашего сына. Этот экземпляр способен восполнить эмоциональную пустоту и дать вам ощущение семьи в это наиболее благословенное время года.

Джек ходил колесом по кругу. Миссис Чепмен взглянула на него с каким-то нервным изумлением и потянулась вперед, чтобы лучше рассмотреть акробата.

Тот вспрыгнул на ноги и в первый раз поглядел на миссис Чепмен. Потом подошел к ней с выражением искренней симпатии на лице.

— Это Джек, миссис Чепмен, — мягко пояснил Абсалом и подтолкнул механикла вперед, взяв за плечи.

Настала великая тишь. Фоном ей служило глухое и печальное подвывание ветра.

— Рут... — окликнул супругу мистер Чепмен.

Но она, казалось, не слышала мужа. Голова ее тряслась. Когда Джек оказался рядом, женщина наклонилась ниже.

— Одно из моих лучших творений, миссис Чепмен. Механикл, который весьма искусно приближен к человеческому существу по внешнему облику и внутреннему наполнению. Джек может быть работником, другом, компаньоном...

Абсалом сделал паузу, глаза миссис Чепмен широко раскрылись.

— ...сыном.

Женщина тихо вскрикнула. Мистер Чепмен опустил голову и издал жалобное:

— Рут, не надо...

Джек придвинулся еще ближе. Сердце Кристофера сжалось — он увидел в глазах миссис Чепмен выражение мучительной надежды. Абсалом широко раскинул руки:

— Подумайте, вот сейчас падает снег, и как хорошо, как правильно было бы собраться всей семьей на Рождество. Украшение елки, улыбки, радостные предчувствия, запах мандаринов и специй в воздухе, мелодичные звуки рождественских гимнов. С кем еще разделить все эти чудесные моменты, как не со своим отпрыском? Как славно побыть семьей, связанной узами любви, радостью и ожиданием прихода Санты!

Абсалом небрежно заговорил о ценах, обрисовывал различные возможности аренды или покупки. Кристофер пытался заглушить в себе жгучее, тошнотворное чувство злобы. Он посмотрел на миссис Чепмен — ее глаза до краев наполнились слезами, болью и надеждой. Мистер Чепмен повесил голову, как человек, смилившийся с неизбежностью. Голос Абсалома набирал силу и высоту. Ноздри его раздувались, будто он уже чувствовал, как деньги переходят из рук в руки. Это зрелище вызвало у Кристофера приступ отвращения.

Хватило одного слова, чтобы все рухнуло.

Джек сделал шаг вперед и с надеждой в глазах улыбнулся. Всего одно слово.

— Мама? — сказал он.

И вдруг снег вокруг мистера Чепмена словно завертело неистовым вихрем. Кристоферу показалось, что воздух сгу-

стился и устремился к хозяину дома, как будто частицы вещества, расщепленные разрядом молнии, вновь сцеплялись друг с другом. Ему еще ни разу в жизни не доводилось видеть человека в таком гневе.

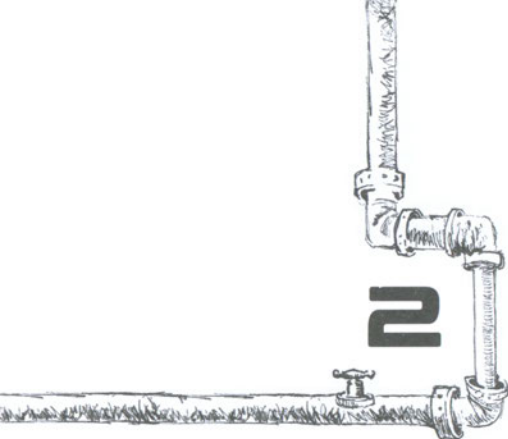
— НЕТ! — заорал мистер Чепмен и толкнул Джека в грудь.

Механикл отлетел назад и повалился на землю, издав металлический лязг.

Мистер Чепмен утащил жену в дом и захлопнул дверь перед носом Абсалома.

Наступила тишина. Бесшумно падал снег.

2

Сев в грузовик, Джек стянул с головы каштановый парик, засунул руку под сиденье, вытащил из-под него свой привычный, рыжий, и нацепил его. Водворив на место прическу, он поерзал на сиденье, запихнув руку под одну из своих ног, и нахмурился:

— Думаю, я помял себе зад.

Кристофер прыснул со смеху. Джек присоединился к нему. Они продолжали хихикать, пока Абсалом яростно вертел руль, разворачивая грузовик. Молодежь не унималась. Босс больше не мог вынести этого безудержного веселья.

— А ты! — прорычал он, оборачиваясь к Кристоферу, который тут же перестал веселиться.

— Я? Что я сделал?

— Ничего — вот что ты сделал. Ни-че-го.

— А что я должен был делать?

— То, чему тебя учили. Помогать мне при продаже, вот что! Вставлять реплики, добавлять замечания, расхваливать *товар*.

— Его зовут *Джек*, — сказал Кристофер и посмотрел на Абсалома.

Глаза их встретились. Они продолжали бы общение в том же духе, если бы упомянутый выше «товар» не прервал поединок, указав на кое-что более существенное:

— Мистер Абсалом, смотрите на дорогу!

Инженер резко мотнул головой, и как раз вовремя, он едва успел вывернуть руль и тем уберег грузовик от неизбежного скатывания в кювет. Водитель выругался, и компания продолжила поездку в молчании. Мучительный скрип-стон дворников перемежался сердитым бормотанием Абсалома.

Груды хлама на заднем дворе уже успели покрыться толстым слоем снега, когда незадачливые торговцы вернулись домой. Кругляк Роб поджидал их у дверей мастерской (она же — контора Абсалома). Вид у него был такой же испуганный, как и пару часов назад, когда они уезжали. Однако, когда Роб углядел на пассажирском сиденье Джека, на его круглой физиономии отобразилось заметное облегчение. Рядом стояла Марта, она держала Кругляка за руку, а другой прижимала к груди своего неразлучного друга — плюшевого медвежонка.

Джек и Кристофер, довольные, вылезли из грузовика. Кипящего гневом Абсалома они оставили в кабине — босс продолжал бурчать себе под нос что-то о несправедливости мира.

— Он тебя не продал! — радостно встретил Джека Кругляк Роб, ковыляя к ним так быстро, как только мог.

Джек отрицательно покачал головой. Роб улыбнулся и приложил руку к выпуклой груди. Тело Кругляка было сделано из старого кухонного котла. Абсалом использовал эту особенность конструкции механикла к собственной выгоде: Роба можно было сдавать в аренду настоящим детям, чтобы те катали его с горок во время праздников и пикников.

Кристофер заметил пучок обтрепанного светлого меха, нависавший над правым глазом Кругляка, и почувствовал странный укол вины.

Марта подбежала к Кристоферу и обняла его ногу. Подросток усмехнулся.

— Нас не было всего пару часов, Марта.

— Мы беспокоились, — пролепетала девчушка.

Улыбка у нее была кривая, а коричневый кудрявый парик сидел на голове косо. Левый глаз крупнее правого, правая нога короче левой. Это расстраивало Кристофера, и он без конца надоедал Абсалому вопросом, когда тот сделает ей нормальную ногу. У инженера имелась на этот случай стандартная отговорка, которую он считал очень остроумной, мол, дело затянулось, потому что ему никак не прийти к окончательному решению: удлинить Марте правую ногу или укоротить левую. После этого замечания Абсалом издавал свой фирменный мерзкий смешок, и Кристофер уходил от него с чувством глубокого разочарования и отвращения.

Хлопнула дверца грузовика, все обернулись. Абсалом шагал к конторе, за спиной у него трепыхались полы плаща.

— Что случилось, мистер Абсалом? — подал голос Роб.

Босс развернулся.

— Ничего, Роберт, абсолютно ничего — и все благодаря этим двоим.

— Неправда! — воскликнул Кристофер. — Мы даже не знали, что вы затеяли, пока не оказались на месте.

— И это очень хорошо, — отозвался Абсалом, грозя пальцем, — в противном случае вы начали бы морализировать, юный Кристофер. Морализировать, как обычно, забывая при этом, что...

— Бизнес есть бизнес, — закончил за него Кристофер.

— Именно, — уверенно подтвердил Абсалом. Он все еще был слишком зол, чтобы заметить сарказм в тоне своего помощника.

Перепапку прервало ритмичное клцанье — из-за груды старого железа появился Гриппер.

Абсалом любил с гордостью называть его «первороденным». Этот механикл был самым старшим во дворе, даже старше Марты, и, кроме того, самым крупным — ростом больше восьми футов, с бочкообразной грудью, которая сужалась к талии. У него были ноги толщиной с древесный ствол и огромные плоские, подсакивающие на ходу ступни. Мощные руки Гриппера — переплетение проводов и трубок, заклепанных сверху металлом в форме мускулов — заканчивались гигантскими кистями, которые работали и как совки, и как дробилки. Челюсти великана были похожи на метельник¹ паровоза, нижняя сильно выступала вперед, что придавало Грипперу туповатый вид.

Создавать обладающих самосознанием механиклов размером с настоящего взрослого человека было запрещено. И Абсалом намеренно сделал Гриппера огромным, рассчитывая тем самым вывести его за определенные законом рамки. Он рассуждал так: Гриппер настолько «исключителен», что его создателя не смогут ни в чем обвинить и не начнут преследовать за нарушение установленных правил.

У большинства механиклов глифы, которые придавали им подвижность и наделяли сознанием, были вырезаны на черепках, у Гриппера же графические символы покрывали все тело, к тому же они были крупные, зубчатые. Кристофер считал это разумным: чтобы привести в движение такое мощное создание, необходимо больше магической силы. И все же, несмотря на грозный облик и предполагаемую свирепость, темные глаза механического гиганта излучали тепло и доброту. Хотя Гриппер и был первым, то есть старшим по возрасту из творений Абсалом, Кристофер считал его во многих отношениях самым невинным из всех.

---

¹ Метельник — путеочиститель, приспособление в форме выступающей вперед углом решетки или щита, смонтированное на передней части локомотива; предназначено для сброса с железнодорожного пути посторонних предметов.

Гриппер пожевал челюстями, раздался громкий металлический скрежет. Для непосвященных это был просто неприятный звук, но Кристофер и остальные знали, что Гриппер так разговаривает.

— Абсалом пытался продать Джека, — сказал Кристофер гиганту.

Гриппер снова заскрежетал что-то, обращаясь к инженеру.

— Да, пытался, — ответил тот. — Но ничего не получилось.

Испуганный гигант сделал шаг назад и приложил руки к груди в покаянном жесте.

Абсалом уже пошел к мастерской, но остановился, посмотрел на небо, а потом на Гриппера.

— Ты завтра мне понадобишься. Наверняка будут заказы на уборку снега.

Механик медленно кивнул.

Абсалом перевел взгляд на Кристофера, сказал:

— Заработаем хоть немного денег, — и ухмыльнулся.

Кристофер вздохнул и пошел вслед за боссом в контору.

Абсалом, едва переступив порог, вдруг застыл на месте. Последовала краткая пауза, затем он поднял руки в приветственном жесте и произнес:

— Здравствуй, Эстель.

Босс двинулся дальше, и Кристофер проскользнул за его спиной в контору. У стола стояла Эстель. Как и Кристофер, она была *настоящей*. Девушка носила пальто из ткани в елочку, которое было ей велико, как минимум, на размер. Овальное лицо обрамляли темные волосы, из этой рамки на хозяина мастерской в упор глядели большие глаза.

— Я сделала то, что вы просили, мистер Абсалом, — сказала Эстель.

Инженер мгновение пристально смотрел на нее. Девушка была спокойна и серьезна, ее вообще нелегко было вывести из себя. «Эстель ведет себя как взрослая! — про себя восхитился Кристофер. — А ведь она всего на пару лет старше меня».

— Спасибо, Эстель. Я, как обычно, преисполнен благодарности и знаю, что работа выполнена на высочайшем уровне. Мне даже смотреть не нужно, — ответил Абсалом.

Эстель шагнула вперед и вздохнула:

— Израсходовано четыре ярда¹ кожи. С вас четыре шиллинга².

Девушка вытянула правую руку. Абсалом посмотрел на раскрытую ладонь, потом в глаза Эстель. Взгляд у него был хитрый, расчетливый.

— Я думал, мы сошлись на трех.

— По шиллингу за ярд. Как обычно.

Эстель продолжала стоять с протянутой рукой.

Наконец Абсалом со вздохом запустил пальцы в карман побитого молью, заляпанного маслом жилета и вытянул оттуда маленький кошелек. Он отсчитывал монеты и клал их в ладонь Эстель трясущимися пальцами, всем видом показывая, что расставание с деньгами причиняет ему жгучую боль.

— Спасибо, Эстель, — произнес он дрожащим, полным жалости к себе голосом.

Девушка буркнула в ответ что-то неразборчивое, положила монеты в карман и направилась к двери.

— Может, останешься? — бросил ей Кристофер.

Эстель взглянула на него и нахмурилась.

— Ночь будет холодная. Я подумал, ты могла бы... если вы не против... Мистер Абсалом?

Он с надеждой взглянул на босса, но тот потерял интерес к происходящему и занялся разборкой всякого хлама на своем столе.

— Спасибо, Кристофер, — сказала Эстель, — у меня есть место для ночлега.

---

¹ Ярд — английская мера длины, равная 91 см.

² Шиллинг — английская монета, бывшая в обращении до перехода на десятичную систему в 1971 году; 1 шиллинг равнялся 12 пенсам и составлял 1/20 часть фунта стерлингов.

— Ты так и живешь у миссис Барнаби? — не поднимая головы, спросил Абсалом.

— Так и живу, — ответила Эстель.

— Приятная женщина, такая почтенная, с изысканными манерами. Удивлен, что ты можешь позволить себе жилье такого класса, Эстель.

Абсалом самодовольно ухмыльнулся и поджал губы, будто стараясь сдерживать усмешку.

Эстель сжала челюсти и одарила инженера убийственным взглядом, которого тот, впрочем, не заметил. Потом она развернулась и вышла, впусив в комнату струю холодного воздуха, прежде чем захлопнуть дверь.

Кристофер нахмурился.

— Вы должны платить ей больше, мистер Абсалом.

Босс хмыкнул.

— Она хорошо делает свое дело. Но и я хорошо забочусь о ней. И Эстель это известно. Кроме того, работать на такого искусного мастера, как я, — это честь.

При словах «искусный мастер» Кристофер вскинул брови. Он сильно сомневался, что настоящий мастер стал бы работать в таких условиях. Беспорядок царил не только на столе Абсаломы. Весь сарай, называемый конторой, был забит всевозможным хламом: начиная от колес с детских колясок и заканчивая пустыми консервными банками. Повсюду стояли и лежали как попало старые рукомыльники и раковины; корпуса от часов, выпотрошенные ради пружин и шестеренок; металлические листы; мотки и обрезки медной проволоки. Воздух был пропитан запахами машинного масла, ржавчины и пота самого мистера Абсаломы. Все, что не уместилось на забитых до отказа, трескавшихся под тяжестью груза полках, грудами валялось на полу.

В дальней части мастерской слева от входа на стене криво висела большая картина. Местами она почернела от пятен плесени, но, если приглядеться, можно было рассмотреть, что на ней изображен мужчина в костюме восемнадцатого века. Он

стоял, положив обе руки на рукоять трости. Рядом с ним была изображена деревянная фигура мальчика, сплошь покрытая резными рунами и глифами. Абсалом спас это полотно из мусорной кучи. Иногда он останавливался под картиной, уперев руки в бока, и улыбался, глядя на мужчину с портрета, будто знал его и приветствовал как равного.

Абсалом часто сравнивал себя с легендарными инженерами прошлого. Однако Кристофер знал его как облупленного и не считал великим инженером.

— Что вы намерены делать дальше, мистер Абсалом? — спросил он.

Босс взял со стола два стеклянных глазных яблока и энергично потер о свой жилет.

— Ох, я не знаю. Думаю, на этот раз поплыву по течению. Пусть муза приведет меня куда сможет. — Он обвел комнату взмахом руки. — У меня есть новая партия голов, и одна из них увенчает славой мое последнее творение.

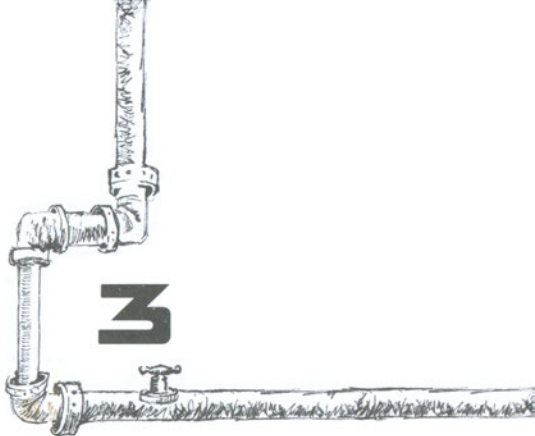
Кристофер оглядел мастерскую. Действительно, голов в ней прибавилось, но все они были какие-то уныло серые, плохо сформованные и обшарпанные. На некоторых виднелись вмятины, и, зная Абсалом, как знал его Кристофер, можно было заключить, что эти изъяны никуда не денутся, даже когда головы обзаведутся телами, ногами и обретут способность передвигаться. При этой мысли у него что-то болезненно сжалось внутри.

Дурное настроение Абсалом, похоже, улетучилось, пока он расхваливал сам себя. Но вот инженер повернулся к помощнику, и Кристофер заметил в глазах босса следы недовольства загубленной сделкой.

— Тебе пора ложиться спать, мальчик мой. Загони всех в мастерскую. Завтра у нас трудный день.

— Да, мистер Абсалом, — отозвался Кристофер.

Снаружи его ждали Джек, Роб, Марта и Гриппер.

Вместе они направились в мастерскую, которая находилась на другой стороне двора, напротив сарая Абсаломы. Снег валил гуще, горы металлолома были погребены под толстым и мягким белым одеялом.

На половине пути через двор Кристофер слышал ужасный скрипучий звук, за которым последовал гулкий лязг. Он обернулся и увидел, как лишенное головы тело Кругляка Роба, судорожно дергаясь, движется к мастерской. Вдруг оно резко устремилось вперед, дважды обернулось вокруг себя и рухнуло на землю. Кристофер вздохнул. У Кругляка вечно отваливалась голова. Иногда они даже спорили, как долго его тело сможет продолжать двигаться в безголовом состоянии. Рекорд был тридцать секунд.

Кристофер повернул назад и поднял голову Роба. Гриппер сгреб с земли выпавшие из железной башки детали. Кругляк улыбнулся. Кристофер скривился, снова заметив нависавший над его глазом пучок волос. Почему-то этот изъян во

внешности механикла вызывал у него бóльшую досаду, чем постоянно отваливающаяся голова.

В мастерской Эстель собирала в холщовую сумку инструменты. На металлической раме был растянут новый кусок кожи, который она изготовила для Абсаломы. Судя по легкому блеску девичьих глаз, Эстель была довольна своей работой.

Иногда Кристофер замечал такое же выражение у нее на лице, когда она готовила в большом черном котле свое варево. Девушка склонялась над котлом, рамка ее волос принимала форму сердечка, губы при этом всегда были плотно сжаты. Эстель сосредоточивалась, глаза ее темнели и неотрывно глядели на содержимое горшка. Она что-то подмешивала в белую массу, мяла ее и месила, как тесто, — и вдруг та приобретала телесный оттенок.

Трюк состоял в том, чтобы вытащить из горшка варево в нужный момент. Если сделать это слишком рано — оно растечется, потеряет форму и прольется на пол, снова приобретя молочный цвет. Стоит запоздать с выниманием — и масса загустеет, станет комковатой.

Кристофер не знал, помогает ли Эстель интуиция, или она добилась успеха путем многократного повторения одной и той же процедуры, однако ей всякий раз удавалось вынимать массу из котла вовремя.

Джек рассматривал натянутую на раму кожу.

— Выглядит хорошо, Эстель. Но не так здорово, как твоя лучшая работа. Вот здесь. — И он выставил вперед подбородок, демонстрируя девушке свое лицо, потом оттянул пальцами кожу на правой щеке и подергал ее.

Коже́вница¹ тонко усмехнулась и покачала головой.

— Спокойной ночи, Джек. — Она закинула сумку с инструментами на правое плечо и вышла из мастерской, сопровождаемая хором пожеланий доброй ночи.

---

¹ Коже́вник — специалист по выделке кож; раньше это была исключительно мужская работа, так что в русском языке у этого слова нет женского рода, пришлось его изобрести. — Прим. пер.

Кристофер вытащил из-под кровати ящик с инструментами и стал приделывать голову к телу Роба. Когда работа была закончена, он взял ножницы и отрезал надоедливый пучок волос, который нависал над глазом Кругляка. Механикл сказал другу спасибо и одарил его смущенной, но благодарной улыбкой. После этого Кристофер смазал винты на руках Джека и посоветовал всем своим подопечным соблюдать осторожность, когда идет снег, чтобы уберечься от ржавчины. Джек шутливо отдал ему честь. Кристофер перевел взгляд на короткую ногу Марты и сморщился, заметив следы коррозии на коленном суставе. Он снова сделал мысленную заметку: надо еще попилить Абсалома, чтобы все исправил.

Тем временем Гриппер раскачивался на стропилах, как горилла. Кристофер велел ему слезть, балки могли не выдерживать такую тяжесть. Гриппер послушно отцепил руки от стропил и с грохотом приземлился на пол перед своим приятелем. Кристофер пожурил механического гиганта, но тот так явно был доволен собой, что мальчишке пришлось сдерживать улыбку. Он сел на свою кровать и стал снимать ботинки.

— Кажется, я помял себе зад, — вздохнул Джек.

— Да кто станет на него смотреть, — отозвался Кристофер.

Кругляк Роб захихикал.

Джек нахмурился.

— Что случилось? — спросил Кристофер.

— Ну, я вроде как надеялся, что меня купят. — У Джека был слегка виноватый вид.

Роб испуганно заскулил. Марта и Гриппер уставились на Джека. Кристофер был ошарашен.

— Почему? — спросил он.

Механикл опустил глаза в пол и буркнул:

— Не знаю. Наверное, ну, мне просто хочется быть настоящим, как ты. Я хотел бы понять, каково это — дышать, иметь настоящую кожу. Да, настоящую. Мне хочется почувствовать, что такое быть маленьким и постепенно расти. —

Джек посмотрел на Кристофера в упор. В глазах его сверкал сердитый огонек. — Я хочу быть как ты, ощущать обычные, но важные вещи.

Кристофер потерял дар речи. Ему вдруг стал неловко, он не мог смотреть Джеку в глаза.

— Важные вещи — такие, как понимание, что значит иметь отца и мать, — добавил Джек.

— У меня нет ни отца, ни матери, — пробормотал Кристофер, — теперь нет.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — возразил механикл.

— Расскажи нам, как это было, Кристофер. Давай, расскажи нам, — попросил Роб.

— Как было что, Роб? — спросил Кристофер.

— Ну, как у тебя была семья.

Кристофер почувствовал, что взгляды всех механиклов прикованы к нему. Он привык к их вопросам о его прошлом и был не против поведать какую-нибудь историю. Но иногда, рассказывая, он чувствовал себя немного странно.

— Я не особенно много помню, — сказал Кристофер.

— Ну и ладно. Мне нравится то, что ты помнишь, — сияя глазами, сказал Кругляк Роб.

Марта приосанилась. Даже Гриппер, казалось, заинтересовался. Кристофер вздохнул.

— Я помню какие-то краткие моменты, вроде отдельных картинок.

Марта улеглась на пол, подперла руками подбородок и во все глаза глядела на него.

— Расскажи нам еще раз, Кристофер. Ну же.

Все хором стали упрашивать его. Кристофер покачал головой и улыбнулся, а потом со вздохом согласился:

— Ну хорошо.

Марта хлопнула в ладоши, а Роб крикнул:

— Ура!

Кристофер сел на краю постели, засунув ладони под бедра, уставился в пол и попытался вызвать в памяти образы

прошлого, стараясь выводить их на поверхность медленно и осторожно, из опасения растерять, если приложит слишком большое усилие.

Он увидел лицо женщины. Она была на кухне и улыбалась. Кристофер почувствовал разливающееся по груди знакомое тепло.

— У моей мамы были светлые волосы, — сказал он, — очень мягкие, и...

Женщина обернулась. Ее волосы блестели и слегка колыхались, как волны света. Кристофер сглотнул.

— ...они были как мед и словно освещали все вокруг.

— Она была красивая? — спросила Марта.

— Очень. — Кристофер улыбнулся.

— Очень... — вздохнул Роб.

Даже Джек, казалось, был заморожен рассказом.

— Она пекла самые вкусные пироги, — продолжил Кристофер.

Теперь он видел на женщине передник в красно-белую клетку. Ее волосы рассыпались по спине, на носу и щеках — мучные полосы.

— А твой отец? — спросил Роб.

Карие глаза, подумал Кристофер, у него были карие глаза. Но больше он ничего не помнил, а потому поступил как обычно: остальное придумал. Привычная история включала упоминание о том, как хорошо отец умел делать все руками. Он изготавливал разные вещи из дерева — игрушки, столы, стулья. У него была мастерская.

— Но не такая, как у мистера Абсаломы? Лучше? — предположил Роб.

— Да, — подтвердил Кристофер, и он улыбнулся, заметив выражение восторженного умиления на лице Кругляка, однако при этом ощутил легчайший укол вины.

Он рассказал своим механическим друзьям, каким сильным был его отец и каким красивым, как он каждый вечер це-

ловал сына в лоб, желал ему спокойной ночи и рассказывал перед сном разные истории.

— Как ты сейчас, — заметила Марта.

Кристофер кивнул.

— Расскажи нам еще раз о доме, — попросил Роб.

Кристофер взглянул на него и улыбнулся, но лишь для того, чтобы скрыть болезненный спазм, который вдруг сдавил ему грудь. Снова этот жар. Внезапное потрясение оттого, что языки пламени лижут воздух прямо перед ним — жгучие, ярко-рыжие. И еще запах дыма, треск горящего дерева и рев, жуткий рев пожираемого огнем воздуха...

Он на мгновение зажмурился и втянул ноздрями воздух. Последовала короткая пауза, все ждали.

— Не сегодня, — сказал Кристофер, — может, в другой раз.

— Тяжело вспоминать? — сочувственно предположил Роб.

— Немного, — ответил Кристофер.

А про себя подумал: *«Очень. Очень тяжело помнить так мало и при этом испытывать такую боль».*

— Никогда нам не быть настоящими, — мрачно проговорил Джек.

— Но мы можем стать лучше, — радостно заявил Кругляк Роб. — Только вчера мистер Абсалом обещал, что сделает мне новый торс.

Джек и Кристофер переглянулись. Роб этого не заметил.

— Он много раз это говорил, — сказал Джек.

— Но скоро мы получим деньги, — не унимался Роб.

Джек попытался изобразить на лице оптимизм, но это было нелегко.

— Только представь, — продолжал Роб, — новый торс. Может быть, даже новые ноги. Нас всех усовершенствуют. Может, мы дойдем до уровня моделей «Зефир» или даже «Пилкингтонов».

— «Пилкингтонов» больше не делают, — сказал Джек.

— Тогда «Хокни» второго поколения, — продолжал фантазировать Роб.

— Я однажды видел оригинального «кормьера», — поделился впечатлением Джек.

— Ничего ты не видел, — возразила Марта.

— Видел, — настаивал Джек. — Мы с мистером Абсаломом были в Восточном Гримстеде в магазине, и туда вошла девушка с родителями. У нее были золотистые локоны, просто отличные волосы. И вообще она была чудо как хороша!

— Да неужто?! — не поверил Роб.

— Элли Локвуд. Да. Мистер Абсалом сказал, что это она.

— Не может быть, чтоб Элли Локвуд! — ахнула Марта.

Элли Локвуд была самым известным механиком во всей Англии. Говорили, что ей уже пятьдесят лет, а выглядит она так, будто сделана только вчера. Элли посещала лучшие вечеринки, и о ней писали во всех газетах. Ходили слухи, что она даже встречалась с королем.

— А волосы у нее похожи на настоящие? — поинтересовался Роб.

Джек кивнул.

— Могу поспорить, что глаза у нее одинаковые, — вздохнула Марта.

— И к тому же голубые, — добавил Джек, — а кожа самая лучшая. Говорят, она даже умеет краснеть.

— Я тоже краснею, — заявил Роб, плотно сжал губы и начал издавать какие-то визгливые звуки.

— Ты не можешь дышать, — напомнил Кругляку Кристофер.

Роб перестал пыжиться.

— Ах, верно, я и забыл.

Марта захихикала.

— Представляете, каково это — быть самой продвинутой моделью высшего ранга, иметь родителей и все прочее. Быть ближе всего к настоящим людям, — проговорил Джек.

Кристофер заметил мечтательное выражение в его глазах и пожалел о том, что вырвалось у него следом:

— Они ей не родители, Джек, а владельцы.

Механикл был слегка раздосадован этим замечанием.

— Я знаю, и все же...

— Высший ранг, — вздохнул Роб.

Все замолчали. Дверь слегка дребезжала под порывами ветра.

— Нам нужно поспать, — сказал Кристофер.

— Это тебе нужно, Кристофер, — заметил Роб, — а нам нет.

Он приподнял правую бровь, и она тут же отвалилась. Кругляк попытался наклониться и поднять ее, но не смог дотянуться, свалился на пол и покатился по кругу. Марта засмеялась, к ней присоединился Гриппер, от удовольствия гигант даже захлопал себя по бедрам огромными лязгающими кистями. Джек поставил Роба на ноги, поднял отвалившуюся бровь и протянул ее хозяину. Кругляк же с выражением надежды протянул меховую полоску Кристоферу на раскрытой ладони.

Кристофер в шутливом возмущении выкатил глаза и стал рыться в ящике с инструментами. Найдя клей, он приделал бровь на место, погладил Кругляка по голове и сказал:

— Скоро мы добудем тебе новые брови.

— Кормьеровского класса, — вставил Роб, — такие пушистые, чтобы их можно было приглаживать маленькой расчесочкой.

Кристофер усмехнулся.

— Да. Кормьеровского класса. Никак не меньше.

Кругляк Роб пристроился в углу среди груды металлолома. Марта села на стул. Гриппер опустился на пол у стены, а Джек небрежно прислонился к дверному косяку и стал слушать завывания ветра.

Кристофер лег в постель и натянул на себя одеяло. Он повернулся на правый бок лицом к стене. Перед глазами возникло видение — языки пламени и дым. Кристофер зажмурился, стараясь прогнать неприятные образы.

— Вот что я вам скажу, — произнес Джек. — Эта Элли Локвуд, конечно, хороша, но много о себе воображает.

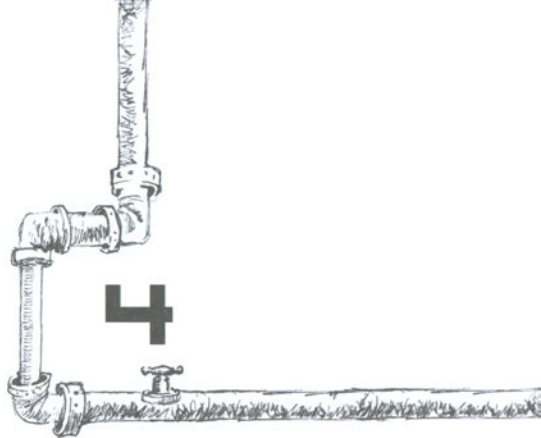
Кристофер ничего не ответил. Языки пламени с шипением растворились во тьме. Он погрузился в сон.

Иногда в темноте появлялся теплый свет. Кристофер чувствовал, что рвется к нему. Свет становился золотым, а мир зеленым.

Он очутился в саду. Солнце стояло на небе низко. Слышалось пение птиц. Он сидел на траве и чувствовал тупую боль в бедре после падения. Провел рукой по лицу, и она увлажнилась от слез. В панике быстро огляделся. Золотисто-зеленое видение начинало расплываться. Он вскрикнул и вслепую протянул руку вперед и вверх. На него упала чья-то тень, кто-то позвал его по имени...

Предсказания Абсалом подтвердились. Проснувшись на следующее утро, Кристофер обнаружил, что заваленный ломом двор усыпан снегом. Он пересек его и посмотрел в зеленовато-голубое небо, припорошенное хлопьями клочковатых облаков. Руки пощипывало морозцем, пар от дыхания белесым туманом клубился в воздухе.

Абсалом стоял рядом с верстаком в своем сарае. Он снова вошел в роль экспансивного, словоохотливого, продуманно хитрого человека, которого все они так хорошо знали.

— Что я тебе говорил, мальчик мой? — сказал инженер, указывая на окно. — Уже был один звонок по поводу расчистки дороги. И будут еще. Целый день работы за полную оплату. Пора тебе возглавить войско.

Босс повернулся к верстаку и начал ссыпать в карманы винты и гайки, запасася отверткой.

— Мистер Абсалом?

— Да, мой мальчик?

— Я думал о родителях. Вы считаете, они сильно мучились в огне?

Абсалом на миг замер. Кристофер ожидал услышать от него что-нибудь ужасное, но босс ответил на удивление беззаботным, ободряющим тоном:

— Ты не должен забивать свою юную голову такими вещами. Леди из приюта заверила меня, — поворачиваясь к помощнику, продолжил инженер, — что переход из этого мира в потусторонний произошел для них быстро и безболезненно. Да покоятся они с миром.

— Но откуда она знает?

Абсалом протянул руку к коробке с болтами.

— Очевидно, имелись свидетели. Люди, которые вытащили тебя из огня.

— Почему я ничего этого не помню?

Босс посмотрел в окно.

— Думаю, это последствия удара по голове. По крайней мере, так сказали врачи.

— Мои воспоминания начинаются с того момента, как я оказался здесь.

— И что это за чудесные воспоминания! — воскликнул Абсалом, широко раскинув руки, будто обращаясь к полному залу зрителей.

— Но мне хочется вспомнить, что было до этого.

Инженер кивнул, приняв серьезный и рассудительный вид.

— И мне тоже, мальчик мой, и мне тоже. — Он вздохнул.

— Воспоминания когда-нибудь вернутся ко мне?

Абсалом взмахнул рукой и снова воззрился на верстак.

— Кто знает? Кто знает?

— Мне бы этого хотелось. Хотя иногда мне кажется, я вижу...

— Слушай, Кристофер, друг мой, — слегка сварливо проворчал Абсалом. — Нам сегодня действительно нужно много сделать, и у меня нет времени на пустые разговоры.

— Хорошо, мистер Абсалом. — Кристофер кивнул.

Босс улыбнулся ему, но по тому, как грубая кожа натянулась на его лице, Кристофер понял, что улыбка эта вынужденная.

— Ты мой любимчик и знаешь это, верно?

— Да, мистер Абсалом.

— Хороший мальчик.

Инженер похлопал по карманам плаща, засунул под мышку коробку с инструментами и направился к двери, попутно взъерошив Кристоферу волосы.

— Самый лучший.

Сидя на пассажирском сиденье в грузовичке, Кристофер глядел на покрытые снегом склоны холмов и причудливое переплетение серых древесных ветвей, которые резко выделялись на фоне бледно-голубого неба. Неистовая снежная буря, бушевавшая ночью, сменилась тишиной и покоем, которые окутали все словно ватным одеялом.

Проехали мимо краснокирпичного здания фабрики. Из нескольких труб валил черный дым. Вдалеке на стенах Кристофер заметил солнечные зайчики, видимо, лучи света отражались от чего-то металлического. Наверняка это какие-то механиклы работали на улице, а им подобные, находясь внутри здания, не давали остановиться колесам индустрии.

— Потребуется время, чтобы раскидать этот снег, — сказал Абсалом и самодовольно усмехнулся себе под нос.

Кристофер посмотрел на склонившегося над рулем босса — глаза расширены от предвкушения наживы, и, похоже, даже холода не чувствует, вот уж точно — маньяк.

— Это правда, что вы с Джеком видели Элли Локвуд? — спросил Кристофер.

— О чем ты? — рывкнул Абсалом.

— Джек говорит, вы с ним видели Элли Локвуд в Восточном Гримстеде.

Босс нахмурился.

— Может, и видели, я точно не припомню.

— Говорят, она — творение Кормьера.

— Люди много чего болтают. Возможно, ее сделал классный специалист, разве всех упомнишь? Единственный известный мне настоящий творец, — кроме меня самого, конечно, — это Ричард Блейк. Вот был мастер так мастер. Его модели отлично сконструированы, сбалансированы, двигаются плавно, уверенно и способны вести себя почти безупречно — совсем как настоящие люди.

Кристофер ненадолго задумался. Он много слышал о Ричарде Блейке. Его превозносили как лучшего последователя знаменитого Филиппа Кормьера, и многие считали его лучшим инженером после окончания Великой войны¹. Он обедал с королями и королевами и, по слухам, даже давал советы самому премьер-министру.

— А верно ли то, что говорят про его отца, Чарльза? — спросил Кристофер.

— Что именно?

— Что его убил механик.

— Чарльз Блейк был хорошим инженером. Хотя и не так хорош, как он думал. Вероятно, Блейк перенапряг свои ограниченные способности на службе своей стране.

— Значит, это правда?

Абсалом облизнул губы и сглотнул. Голос его стал чуть тише.

— Некоторые инженерные практики и приемы теперь справедливо поставлены под запрет именно из-за того, что сделал Чарльз Блейк.

— Вы имеете в виду улучшенную активацию? Одушевление? — спросил Кристофер.

Босс сморщил нос и сказал:

— Есть такие дела, о которых лучше помалкивать.

Кристофер откинулся назад на сиденье и нахмурился. Он решил перевести разговор на другую тему.

— А правда, что Ричард Блейк сошел с ума?

---

¹ Великой войной в Европе называют Первую мировую (1914–1918).

— Ничего подобного, он просто исчез, — сказал Абсалом. — Люди любят говорить о его помешательстве, потому что им нравится думать, будто гениальность приводит к сумасшествию. Но если это верно, почему тогда я до сих пор остаюсь разумным, рассудительным, не лишенным здравого смысла человеком, которого ты видишь?

Кристофер не ответил.

— А вот мистер Кормьер немного повредился умом после инцидента, который привел к гибели Блейка-старшего. А как иначе? Он ведь играл главную роль в этом темном деле. — Абсалом снова понизил голос. — Вот почему улучшенная активация запрещена.

Кристофер кивнул. Эстель рассказала ему кое-что из того, что знала об этом ужасном происшествии.

Ходили слухи, будто Филипп Кормьер открыл новый способ наделения машин сознанием и назвал его улучшенной активацией. Он использовал такие слова, как «психоническое сцепление», «сущностная переброска», и другие вымышленные термины, но в действительности все это означало перенос души в механическое устройство. Кормьер взял себе в помощники Чарльза Блейка, и во время публичной демонстрации, которая за этим последовала, механиклы убили людей, в том числе и самого Чарльза Блейка.

— Вот почему Кормьер отправился в добровольное изгнание в Айронхэвен¹, — продолжил рассказ Абсалом. — Говорят, он расплавил большинство своих самых замечательных произведений. Разбил на куски, разобрал и расплавил. Поэтому-то сохранившиеся оригинальные изделия Кормьера сейчас так высоко ценятся. Никогда не стоит сбрасывать со счетов работы безумца.

— Я слышал, он изготавливал и взрослые модели.

Абсалом покачал головой и изобразил на лице презрение.

— Никто не изготавливал взрослые модели со времен Ранкибла. Это противозаконно.

---

¹ Айронхэвен — в буквальном переводе «Железное небо». — Прим. пер.

— Но, может быть, он создал их ненамеренно? Такое ведь могло случиться?

Абсалом ничего не сказал, крепко ухватившись за руль и неотрывно смотря на дорогу. Потом прищурил один глаз, провел тыльной стороной ладони по носу и очень громко фыркнул. Кристофер поглядел на босса и попытался выбрать наилучший способ для продолжения разговора.

Ему хотелось действовать осторожно, однако слова вылетели изо рта раньше, чем он успел подумать, что говорит:

— Как в случае с Настоящим Бобом?

Абсалом повернулся к помощнику с такой злостью, что машину едва не занесло.

— Я ГОВОРИЛ ТЕБЕ!!! ЧТО Я ГОВОРИЛ ТЕБЕ!!! — орал он, брызжа слюной.

Лицо босса побагровело, глаза выкатились из орбит от ужаса и ярости.

— Простите.

— Ни слова об этом, я сказал! Ты ничего не знаешь! Этого не было!

Но это было. Кристофер сам видел. Все произошло больше года назад. Абсалом готовил к сезону своих пугал. Одно он сварганил из всяких обломков, которые собрал на свалках за зиму. Оно было не меньше шести футов¹ ростом. Абсалом посадил его на стул в мастерской, голова пугала откинулась назад, рот перекосялся, медные локти и колени торчали из дыр в одежде, которую инженер нацепил на свое творение. Мастер как раз делал последние штрихи — подкручивал винты и гайки, как вдруг пугало зашевелилось. Это не было необычным, а вот то, что оно вдруг произнесло: «Привет!» — выходило за рамки заурядного.

---

¹ Фут — английская мера длины, равная примерно 30 см.

На мгновение Абсалом оцепенел. Пугала не должны вступать в разговоры. Не для того их делают. Самое большое, на что они способны, — это нести всякую околесицу, полную чушь. Остальные наблюдали, полагая, что это какой-то небольшой сбой, заскок. Но потом пугало подняло голову, огляделось и задало вопрос:

— Где я?

У Абсалома подкосились ноги, рука машинально взлетела ко рту, из-под ладони донеслось приглушенное: «Боже милостивый...»

Кристофер первый нашелся с ответом:

— В мастерской, — сказал он.

Пугало по-детски простодушно взглянуло на него и повторило:

— В мастерской. — Потом посмотрело в пол, на Абсалома и улыбнулось.

Тут босс наконец опомнился и заорал:

— Джек! Принеси «Руководство»!

Джек тут же притащил со стола Абсалома увесистый том в кожаном переплете. Это был стандартный текст, которым пользовались все инженеры: «Руководство Ранкибла по глифам, знакам и символам для оживления безжизненного».

Абсалом лихорадочно листал страницы, а пугало тем временем все осматривалось и продолжало улыбаться. Оно поглядело на потолок. Потом на пол. Обвело взглядом по очереди всех, кто был в комнате, улыбнулось и повторило: «Привет». Все сразу прониклись к нему симпатией.

— Что случилось, мистер Абсалом? — поинтересовался Кристофер, пока Марта и Роб жали пугалу руку.

— Это весьма тонкое искусство, мальчик мой, — отозвался босс, в голосе которого слышалось паническое напряжение, страницы руководства так и мелькали под пальцами. — Невозможно свести акт создания произведения искусства к одной краткой фразе. Это гораздо сложнее, и объяснять слишком долго.

— Вы сами не понимаете, да?

Абсалом закинул голову и взвыл от досады.

— Кажется, оно осознает себя, — глядя на пугало, сказал Кристофер.

— Я это и без тебя вижу, парнишка, — бросил ему раздраженно Абсалом.

— И оно размером со взрослого, — заметил Кристофер.

Инженер отчаянно замахал руками, давая понять, что его это совсем не волнует.

— Значит, оно вне закона, мистер Абсалом, — вставил Джек.

— Благодарю тебя, Джек! — заорал босс. — Благодарю за это невероятно уместное и своевременное замечание относительно законности статуса нашего нового друга, находящегося здесь. Где бы я вообще был, если бы не имел возможности пользоваться благами твоих обширных познаний в юриспруденции.

— Я просто сказал, — проворчал Джек.

Наконец Абсалом вышел из мастерской, отдав строгое распоряжение ни при каких обстоятельствах не выпускать пугало на улицу.

— И еще кое-что, — добавил он уже от дверей. — Не смейте, я повторяю, *не смейте* давать ему имя!

В ответ все торжественно кивнули. Джек даже перекрестился.

Они называли его Настоящий Боб.

Имя предложил Роб: «Потому что оно похоже на Роб. И он выглядит почти как настоящий взрослый».

Имя прижилось, несмотря на то что Настоящий Боб не был на самом деле настоящим, как человек.

Они решили проверить, сможет ли их новый приятель ходить. Джек с Кристофером подхватили его под мышки и по-

могли встать со стула. Боб шатался, и ноги у него дрожали, как у новорожденного олененка.

— Мастерская, — проговорил он, неуверенно шагая по комнате и восхищенно разглядывая самые обыкновенные вещи.

Они говорили ему, кого как зовут, Боб повторял и улыбался:

— Кристофер. Роб. Марта. Джек.

Он посмотрел на Кругляка:

— Ты мне нравишься, Роб.

— И ты нам нравишься, Боб, — ответил Кругляк.

Марта от радости захлопала в ладоши, и даже ворчун Джек выглядел довольным.

В течение следующих трех дней Абсалом почти не появлялся в мастерской. Кристофер не сомневался, что босс вынашивает план избавления от Боба, но не представлял себе, как инженеру удастся добиться желаемого, ведь Гриппер категорически отказался причинять вред пугалу. Тем временем Настоящий Боб был принят в их семью.

К несчастью, вскоре стало ясно, что Абсалому ни к чему утруждать себя заботами об устранении Боба. То, что ему удалось сделать вопреки собственному желанию, имело ограниченный жизненный срок. Прошел день, и Бобу стало трудно ходить. Движения его замедлялись, утрачивали четкость. Еще через день он начал терять речь. Паузы между словами удлинялись, будто у механической игрушки кончился завод. Кристофер поймал на себе встревоженный взгляд Джека, который сразу сообразил, что происходит. А вот Роб и Марта опасных изменений не замечали.

На третий день Боб сел на стул и застыл. Он не шевелился, сколько Роб с Мартой ни дергали его, и вскоре голова пугала начала запрокидываться назад. Боб уставился в потолок и продолжал улыбаться, пока не настал конец. Последними с его губ слетели слова:

— Это... было... при... ятно...

Потом исчезла улыбка, и Настоящий Боб, издав прощальный вздох, затих.

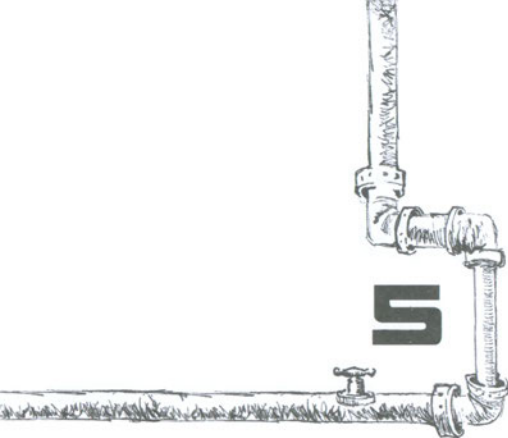
Хуже всех перенес это Роб, он проплакал много дней.

Кристофер повернулся к боссу, который нависал над рулем и беспокойно ерзал.

— Простите, мистер Абсалом, — снова заговорил он, — мне не следовало упоминать об этом.

К назначенному месту они прибыли на двадцать минут позже. Работа их состояла в расчистке шоссе в двух милях от маленькой деревушки. Абсалом уже предвкушал, как они раскидают снег, прошагают по свободному от завалов пути и возьмут с местных жителей достойное вознаграждение за обеспечение им доступа к внешнему миру.

Дорога сбегала вниз по крутому холму и там раздваивалась. Они скатились с горки на душераздирающей скорости, машина дико тряслась и подскакивала. Кристофер машинально вцепился в боковины сиденья, а босс, похоже, и не думал о грозящей им опасности.

Внизу он остановил грузовичок с таким резким разворотом и визгом тормозов, что даже Гриппер панически взвыл. Не успели его подручные опомниться, как Абсалом уже выскочил из кабины и начал выкрикивать распоряжения.

Люди из местной управы уже поджидали их с лопатами — молодой человек в шерстяном пиджаке, который был ему великоват, и мужчина постарше в форменной фуражке и жилете. Несмотря на холод, рукава его рубашки были закатаны.

— Кроме нас, больше никого не нашлось, — сказал Абсалому старший.

Босс договорился с ним о цене.

Небо посерело, тусклый свет навевал на всех уныние. Но Абсалому это только раззадорило. Он кричал, чтобы они поторапливались. Но Кругляк Роб не слишком умело орудовал лопатой, а Марта вообще была к этому делу непригодна. Прихрамывая, она перебралась через дорогу и, напевая под нос какую-то песенку, очень довольная, лепила снеговика. Джек и Кристофер кое-как справлялись, но большую часть работы выполнял Гриппер. Он загребал лопатой целые кучи снега и легко перекидывал их через живую изгородь.

День клонился к вечеру. Сумрак сгустился. Абсалом начал нервно расхаживать взад-вперед, отдавая команды механикам и двум запаренным мужичкам.

Кристофер решил передохнуть, оперся на черенок лопаты и огляделся.

Поле сверкало белизной, над ним нависало свинцовое небо. Несколько толстогрудых ворон надменно взирали на тружеников с ближайшего дерева. Вселенная как будто спала. Тишину нарушали лишь приглушенное кряхтение борцов со снежной напастью да равномерное чавканье врезающихся в сугробы лопат.

— Ты все еще жалеешь, что тебя не продали, Джек? — спросил Кристофер.

Тот нахмурился:

— И да, и нет.

От такого ответа у Кристофера потеплело на душе.

— Надеюсь, никого из вас не продадут. Когда-нибудь я стану инженером, заработаю кучу денег и куплю вас всех. И мы останемся вместе.

— Навсегда? — раздался откуда-то из-за спины радостный голос.

Кристофер обернулся и увидел Кругляка Робба, который с надеждой смотрел на него, стоя по колено в снегу. Он заулыбался и ответил:

— Навсегда.

Кругляк Роб осклабился и снова взялся за лопату, хотя его действия не приносили особой пользы.

Джек продолжал хмуриться:

— Тебе надо много учиться, чтобы стать инженером.

— Вот я и буду учиться, — ответил Кристофер.

Джек глянул на Абсалома.

— Если выучишься, будешь работать законно, не то что мистер Абсалом.

Кристофер посмотрел на босса, который стоял с запрокинутой головой и глядел в небо, уперев руки в бока. Его деятельность была не совсем легальной, но все знали, что Агентство теперь не так строго следит за инженерами без лицензии, как это было раньше.

— Нужно много времени, чтобы по-настоящему выучиться.

Кристофер пожал плечами.

— Нас могут продать раньше. Или мы состаримся.

— Я этого не допущу, — заявил Кристофер.

Джек мгновение глядел на него с таким видом, будто собирался что-то сказать в ответ, как вдруг до них донесся тоненький голосок:

— Посмотрите, что я сделала!

Кристофер обернулся и увидел Марту — она ковыляла к ним через дорогу в своей обычной манере — выбрасывая вперед правую ногу и плечо, чтобы ускорить шаг. Это требовало больших усилий — со своего места он слышал скрип ее суставов. Уловил он и еще какой-то звук, но слабо осознал это, разглядывая толстого снеговика с косо поставленными черными глазами и кривой улыбкой.

— Очень хорошо, Марта. Я таких красивых снеговиков еще никогда не видел.

Марта заулыбалась, снова выбросила вперед ногу и уронила на дорогу плюшевого медвежонка Тэда, которого несла под мышкой.

— Марта, Тэд упал, — сказал, указывая на игрушку, Кругляк Роб, но подруга его не услышала. Она продолжала лущиться от счастья, переживая похвалу.

А слабый звук, который услышал вдалеке Кристофер, становился громче. Марта сделала еще пару шагов и только тут заметила пропажу медвежонка. Именно в этот момент Кристофер понял, что это за шум.

Из-за гребня холма показалась машина.

Марта разворачивалась, чтобы забрать медвежонка.

Кристофер попытался крикнуть, предупредить девушку — но получился какой-то сдавленный лай, ноги одеревенели, и горло перехватило. Кругляк Роб широко раскрыл рот от ужаса. Джек стукнул Кристофера по руке.

— Она собирается... она...

Кристофер пригнул голову и кинулся на дорогу. Он проклинал снег за то, что по нему почти невозможно бежать. Он проклинал водителя машины за то, что тот не включил фары. Он снова попытался окликнуть Марту, но запыхался от потраченных усилий, и на громкий возглас у него не хватило дыхания. За спиной слышались крики, все перекрывал истерический визг Абсаломы:

— Нет, Кристофер! Не-е-ет!

Марта подобрала Тэда, повернулась — и вдруг внезапно увидела машину, которая находилась уже на середине холма и неслась вниз с безумной скоростью. А резкий уклон еще ускорял спуск. Марта, неспешно, будто в замедленном кино, отвернулась от грузовика, и, когда она заметила стремящегося на выручку Кристофера, выражение страха на ее лице сменилось печатью вины.

Он издал рык ярости и досады, надеясь, что это придаст ему сил, но ноги упорно вязли в снегу. За спиной слышалось клацанье и скрип. Это Джек?

Кристофер кричал Марте, чтобы та убиралась с дороги, но девушка снова растерянно обернулась и посмотрела на машину, будто забыла, для чего у нее ноги. Он издал еще

один дикий вопль и сумел рывком преодолеть расстояние, остававшееся между ними. Кристофер схватил Марту за руку и дернул с такой силой, что бедняжку отбросило назад и она шлепнулась лицом в снег в стороне от дороги. Он едва сознавал, что приложил слишком большое усилие и оторвал своей механической подружке руку. Потом увидел Джека — тот, пошатываясь, шел к Марте, — посмотрел на оторванную конечность, которую крепко сжимал пальцами, услышал ревущий звук — сигнал автомобильного рожка.

Времени хватило только на то, чтобы обернуться и увидеть несущуюся прямо на него машину и белое от ужаса лицо водителя над рулем.

Грузовик безуспешно попытался вильнуть в сторону. Кристофер ощутил какое-то жутковатое спокойствие. Он знал: времени уйти с дороги у него нет. Качнулся на пятках, поджал пальцы ног. Не было ни паники, ни страха, только одна простая мысль: *«Сейчас ударит меня»*.

Почему-то вся эта ситуация вдруг показалась ему забавной. Он подавил смех.

И вдруг — БА-БАХ.

Удар.

Скрежет.

Визг тормозов.

Мир вокруг Кристофера завертелся: белый снег, серое небо, белый снег, серое небо.

Вороны закаркали и разлетелись. Возникла жгучая боль — мир качнулся...

Темнота.

«Я умер, — подумал во тьме Кристофер. — Я... ум...»

Когда Кристофер очнулся, то обнаружил, что смотрит на потолок в мастерской. Темную комнату освещал только маленький газовый рожок в углу. Он понятия не имел, какой сегодня день, и подумал лишь: *«Такое уже случалось»*.

Он поморгал и попытался заговорить, но сумел издать лишь сухой хрип, который эхом отразился от стен пустого помещения.

Рядом никого не было.

«Такое уже случалось».

— Прекрати, — раздраженно приказал он себе и удивился, услышав звук собственного голоса. Повернул голову направо, чтобы сориентироваться, но вдруг зрение вспышками молний затмили картины, которые он вспомнил.

Плачущее лицо Кругляка Роба, его руки на своей груди.

«Не умирай, Кристофер, — всхлипывал Роб, — не умирай».

Рядом стоит Джек, на лице у него шок, и смятение, и что-то еще.

Страх.

Страх?

«Взгляните на его руку», — сказал Джек.

— Нет, — вслух произнес Кристофер.

«Взгляните на это...»

— НЕТ! — закричал он.

Тишина вокруг. Кристофер заставил себя успокоиться. Он чувствовал внутри какой-то зуд. Ему не хотелось делать этого, но нужно было. Просто чтобы увидеть.

Один быстрый взгляд.

Ведь это не повредит, правда?

Он поднял левую руку. Ощутил в ней жжение. На нем была свежая одежда. Манжеты рубашки не застегнуты.

Он закатывал рукав вместе с джемпером, медленно, осторожно. И смотрел на руку.

Поморгал, чтобы удостовериться, что зрение его не обманывает. Плоть на кисти руки была бледной до самого запястья. Выше запястья она становилась немного темнее и была не такой гладкой. Он стал задираť рукав выше. Пятно темного цвета заканчивалось чуть ниже локтя. Оно было неровное, продолговатой формы и, невозможно ошибиться, отличалось тоном от остальной кожи руки. Кристофер собрался с силами

и сел на постели. Раздался всхлип, однако он прозвучал как чужой. Он не понимал, он не хотел понимать.

И все же...

Пальцы правой руки, будто наделенные собственной волей, добрались до предплечья левой и впились ногтями в то место над запястьем, где начиналась более темная кожа. Кристофер сжал челюсти, зажмурил глаза. Вдавил пальцы глубже, издал яростный крик и... оторвал кожу с предплечья.

Под ней обнаружилась блестящая хромированная поверхность.

«Никакой крови», — подумал он.

«Разумеется, *никакой крови*, глупое ты создание», — произнес голос у него в голове.

«Крови нет, потому что я не...»

Ноги стали будто чужие. Шаркая по полу, он дотащился до двери. Появились слезы.

«Слезы? Как я могу плакать? Откуда слезы, если я не...»

Он почти упал на дверь и уперся в нее правым предплечьем. Снова уловил краешком глаза свою левую руку. В животе забурило, захотелось, чтобы вывернуло наизнанку.

Он подергал ручку двери — бесполезно. Потянул со всей силы — дверь не поддавалась. Заперта снаружи.

Кристофер начал колотить в нее кулаками и орать:

— Мистер Абсалом! Мистер Абсалом!

Никакого ответа. Тишина была как насмешка, и, несмотря на страх, пленник вдруг ощутил жгучую ярость, которая придала ему силы. Он бросился на дверь, издав бешеный звериный рык.

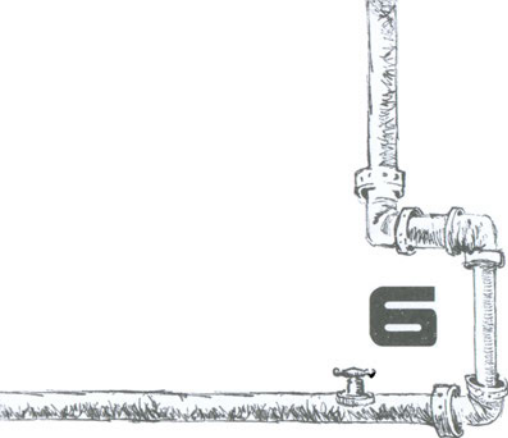
В голове вертелся один вопрос.

Всего один.

Кристофер закричал:

— Кто сделал меня, мистер Абсалом?! Кто меня сделал?

Испуганный Абсалом стоял за столом в своем сарае, в ужасе таращился на дверь и заламывал руки.

Яростные крики Кристофера неслись в ночи через зава-
ленный ломом двор. Их слышали все, кто находился в комна-
те. Эстель собирала свои вещи. Она нервничала и как будто
чего-то стыдилась. Марта плакала, а Кругляк Роб, не уступая
Абсалому в выразительности жестов, выкручивал сцепленные
пальцы. Один только Джек оставался холодным и отстранен-
ным, как будто блуждал мыслями далеко-далеко.

— Мы должны что-то предпринять, — сказала Эстель.

Абсалом закивал:

— Да, верно, должны. Нужно оставаться здесь и не выхо-
дить на улицу, вот что нам следует делать.

Эстель хмуро глянула на босса. Тот немедленно начал
обороняться:

— Это самое лучшее для всех, кто причастен к делу.

— Почему? — спросил Джек и заморгал глазами, будто
только что проснулся. — Почему это самое лучшее для всех
причастных к делу?

Абсалом глянул на него так, словно тот был камнем, который вдруг заговорил.

— Просто так лучше, и все тут, Джек.

Механикл недоверчиво взглянул на него.

Босс начал хлопать себя по карманам.

— Полагаю, ты хочешь получить плату, Эстель.

Все остолбенели. Абсалом никогда не предлагал заплатить сам, его всегда нужно было просить об этом. Девушка удивленно взглянула на него.

— За что?

— За его руку, — рассеянно пояснил Абсалом. — Я уверен, ты все сделала отлично.

— Нет! — Сердитый крик Эстель испугал и босса, и всех его подопечных. — Нет, — повторила она. Ее трясло от ярости.

Глаза Абсалома в панике заметались из стороны в сторону, челюсть отвисла.

— Ты ведь никому не скажешь, Эстель? Да? — взмолился он, нервно потирая руки.

— А что? Что тогда? Да и кому мне говорить? — продолжала девушка.

Абсалом облизнул верхнюю губу и сглотнул.

— Никому, совсем никому не говори. Особенно тем, кто может заинтересоваться...

Глаза Эстель потемнели от злорадства:

— ...заинтересоваться незарегистрированным механиком?

— Прекрати, Эстель! Прекрати сейчас же! — взвизгнул Абсалом.

Джек заметил испуг в глазах своих приятелей. Босс кусал ноготь на большом пальце правой руки, глаза его перескакивали с одного на другого. Все молчали. Слышались вопли Кристофера, доносившиеся до них через двор.

Кругляк Роб посмотрел в окно и прошептал:

— Он ненастоящий. А я думал — настоящий.

— Очевидно, так же думал и сам Кристофер, — сказала Эстель, укоризненно глядя на Абсалома.

— Мы должны его выпустить, — решительно заявил Джек.

— Нет! — крикнул босс.

— Джек прав, — поддержала механикла Эстель. — Надо его выпустить.

Кругляк Роб кивнул, и даже Марта издала тихий просительный вздох.

Абсалом посмотрел на них, как на безумцев.

— Мы не можем его выпустить.

— Почему? — спросил Джек.

— Потому... Потому что... — бормотал Абсалом, сцепляя и расцепляя перед грудью скрюченные пальцы, словно ответ находился в воздухе и его нужно было только как-то извлечь оттуда.

— Потому что, если вы его отпустите, вы отправитесь в тюрьму, — подсказала Эстель.

Абсалом жалобно пискнул. Глаза девушки были мрачными и сердитыми. Джек заметил, как инженер слегка качнулся вперед, но стол не дал ему упасть. При виде выведенного из равновесия босса механикл ощутил легкий трепет злорадного удовольствия.

— Этого не случится, Эстель, — сказал Абсалом, вызывающе выпятив вперед нижнюю челюсть. — Я не сделал ничего дурного.

— Тогда выпустите его, — парировала девушка.

Абсалом помотал головой и повернулся к ней спиной, как надувшийся ребенок.

— Где вы его взяли? — спросила Эстель.

— В сиротском приюте.

— В каком?

— Бартлеби.

— Вы говорили мне, это был приют Святого Габриэля.

— Нет-нет, я точно говорил Бартлеби.

— Кто отдал его туда?

Абсалом прищурил один глаз.

— Няня...

— Какая? Как ее звали?

— Ее звали... ее звали... звали...

— Вы говорили мне про двух нянь, мистер Абсалом, — с широко раскрытыми невинными глазами вставил словечко Кругляк Роб.

— Роберт! — рявкнул на него босс.

Эстель фыркнула.

— Вы лжец. Вы все время обманывали нас.

— Я никогда не лгу, — заявил Абсалом, подняв вверх указательный палец и покачав им. — В любой ситуации я веду себя как этичный, благовоспитанный, совестливый человек. «Абсалом Механиклс» — это лучшая...

— Почему тогда Крис не знал, что он такое? — спросила Эстель.

Джеку стало неприятно от этого «что». «Кто», — хотелось ему поправить.

— Как он мог не знать? — повторила вопрос Эстель. Абсалом не смотрел на нее. Эстель прищурилась: — Вы его штопали?

Абсалом приподнял воротник, напрасно пытаясь спрятать лицо.

— Вы это делали, не отпирайтесь. Штопали его. Это вы, который руки-ноги пришить толком не умеет!

— Как ты смеешь, Эстель. Как смеешь, — накинулся на нее мистер Абсалом. — Я искусный мастер. Моя репутация...

— Где вы взяли заплатки? Где они? — сыпала вопросами Эстель.

— Что значит «штопали»? — уточнил Кругляк Роб.

— Ничего, Роберт, ничего. Не обращайтесь внимания на Эстель, ребята. Испарения от химикатов, которые она использует в своей жалкой работенке, наконец сделали свое дело, и она спятила.

Абсалом взглянул на противницу с видом победителя, но Джек заметил огонек сомнения в его глазах и почуял оттенок неуверенности в том, как босс сцепил руки.

— Как он двигается? — произнесла Эстель низким, настойчивым голосом.

Абсалом вздрогнул, будто ему дали пощечину.

Эстель закрыла глаза, потерла лоб.

— О, мистер Абсалом, — она вздохнула, как разочарованная мать, которая только что застала своего ребенка за каким-то непозволительным занятием.

Инженер нервно забормотал:

— Я ничего не... не делал... я никогда...

Его прервал громкий скрипучий звук выворачиваемых из косяка петель.

Роб подбежал к окну и выглянул наружу.

— Гриппер вышиб двери мастерской! Они идут сюда.

Абсалом взвизгнул и кинулся к выходу. Он раскинул руки, как парящий орел крылья, уперся в дверную коробку и прокричал:

— Мы не можем пустить его сюда!

Эстель вздохнула.

— То «не выпускайте его», то «не впускайте». Что нам делать-то?

— Сейчас все это закончится. Весь этот бред. Я больше этого не потерплю! — верещал Абсалом.

Голос Эстель прозвучал спокойно и буднично:

— И что вы сделаете, когда сюда вломится Гриппер?

Абсалом слегка вздрогнул и отступил от двери. Джек едва не хихикнул, когда раздался стук и босс подскочил на месте. Эстель открыла. За порогом стоял Кристофер. Позади него возвышался Гриппер.

— Кто меня сделал, мистер Абсалом? — произнес Кристофер и вошел внутрь.

Инженер попятился, замотал головой и уставился в пол.

Кристофер приближался.

— Кто меня сделал?

Абсалом качал головой.

— Кто меня сделал?! — закричал Кристофер.

Последовала пауза. Наконец припертый к стенке инженер поднял голову и посмотрел на своего помощника. Подбородок у него дрожал. С извиняющимся видом босс пожал плечами и проговорил хриплым шепотом:

— Я не знаю.

Джек ему поверил. Он еще никогда никого не видел настолько потерянным.

Кристофер повернулся к Эстель.

— Ты знала?

Девушка помотала головой.

— А еще кто-нибудь?..

Он обвел взглядом комнату. Все отрицательно качали головами. Марта вышла вперед, прижав к груди медвежонка:

— Я никогда не знала, что ты не был настоящим, Кристофер. Честно. Но мне это все равно, потому что ты — это ты.

Новоявленный механик благодарно кивнул, но Джек заметил в его глазах мрачное, затравленное выражение, словно место Кристофера уже занял кто-то другой; и это был сломленный мальчик, как будто лишившийся какой-то своей важной части. Джеку хотелось что-нибудь сказать, но он не мог подобрать слов. Он упустил свой шанс, потому что в следующее мгновение потолок лизнули два желтых луча и послышался приближающийся рокот мотора.

Эстель кинулась к окну.

— О нет, боже мой, нет, — простонал Абсалом и отшатнулся глубже в тень.

Девушка обернулась, лицо ее было бледнее обычного. От произнесенных кожевницей слов Джек похолодел.

— Это Агентство, — выдохнула Эстель.

Джек подбежал к окну. Во двор въезжал фургон бронзового цвета. На боках никаких опознавательных знаков, но в том, что это машина какой-то правительственной службы, сомневаться не приходилось. Сам Джек их еще никогда не видел, однако был наслышан. Из фургона вышли два человека, оба

в форменных тренчах¹ и коричневых шляпах. Один из них, высокий худощавый мужчина, сказал что-то своему нескладному напарнику, и оба направились к сараю.

— О нет, нет, нет! — стонал Абсалом.

— Заткнитесь! — прошипела Эстель. Она схватила Джека и пихнула его к дальней стене.

Марта и Роб замахали руками, почти как Абсалом. Кристофер стоял, понутив плечи, и смотрел в пол, будто смирился с поражением. Джек хотел подойти к нему, но Эстель продолжала толкать его дальше, к стеллажам.

— Что ты делаешь? — возмутился он.

— Я знаю, что сейчас случится. Доверься мне, — выпалила она.

Не успел Джек и слова сказать, как Эстель обхватила руками его голову и с силой дернула.

Механиклу хватило времени издать лишь сдавленное «нет», после чего он обнаружил, что моргает, глядя девушке прямо в глаза. Она поднесла его оторванную голову к своему лицу. Уголком глаза Джек видел свое тело, валявшееся на полу безжизненной грудой. Он ненавидел это безголовое состояние и уже собирался возмутиться, когда Эстель сказала ему:

— Молчи и слушай. Я положу тебя на полку. — Девушка кивнула головой в сторону задней стены сарая. — Ты будешь нашими глазами и ушами.

— Но...

— Нам нужно знать, что происходит. А мистер Абсалом ничего нам не скажет.

Она сунула Джека, или, точнее, его голову, на полку. С этой выгодной точки были хорошо видны остальные участники сцены — испуганные и растерянные.

Раздался стук в дверь, все резко обернулись. Эстель бросила последний взгляд на голову Джека.

---

¹ Тренч — двубортное пальто военного покроя из водонепроницаемой ткани или кожи.

— Запоминай все! — горячо прошептала она, потом нагнулась и запихнула его тело в кучу какого-то хлама.

В дверь снова постучали.

— Мистер Абсалом? Мистер Грегори Абсалом? Открой-те, пожалуйста, дверь.

Последовала пауза. Все взгляды были прикованы к Абсалому.

— О боже, — слабым голосом пролепетал он.

Повисла новая пауза. Затем раздался тот же голос, он говорил спокойно, но в нем отчетливо читалась угроза.

— Мистер Абсалом, я настоятельно советую вам как можно скорее открыть дверь.

Инженер подошел к двери и стал возиться с ручкой. Наконец отворил — за порогом стояли двое. Мгновение они оценивали открывшуюся их глазам картину, потом быстро и решительно вошли в контору. Худой был в мягкой фетровой шляпе. Похоже, он был за главного, потому что махнул перед носом Абсалоба черным бумажником с удостоверением и сказал отрывисто, по-деловому:

— Мортимер Ривз, старший офицер из Агентства, ответственный за расследования и контроль над всеми зарегистрированными и не зарегистрированными существами, наделенными разумом.

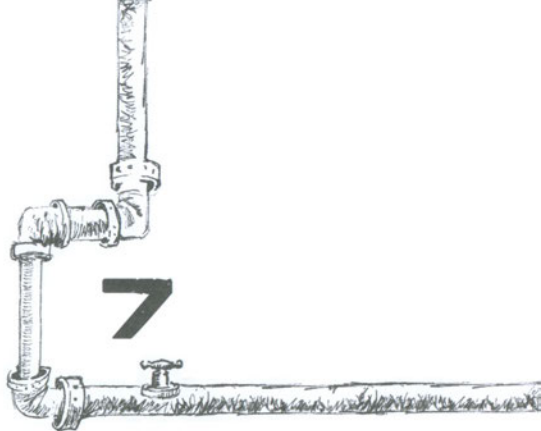
Не успел Абсалом отреагировать, как он убрал в карман удостоверение и отдал распоряжение напарнику:

— Уведи отсюда механиклов и допроси. Девушку тоже.

Ривз повернулся к Кристоферу, который стоял с совершенно потерянным и сломленным видом, и внезапно улыбнулся. Джек не мог не заметить, какие у него мелкие и абсолютно ровные зубы и какой жестокой выглядит его улыбка.

— И его, конечно. Забери.

Ривз стоял, засунув руки в карманы, и разглядывал Абсалома со слегка удивленным выражением. Инженер пытался уклониться от его взгляда и не мог сидеть спокойно — ерзал на стуле, глаза у него бегали: он то смотрел на Ривза, то отводил взгляд в сторону.

Если бы голова Джека оставалась присоединенной к телу, он бы почувствовал, как оно напряглось.

Старший офицер неторопливо отошел от Абсалома и остановился перед заплесневелым портретом, выпятив губы:

— Ранкибл, первый инженер, — сказал он. — Вы знаете, что сделало его по-настоящему великим, а? Сказать вам?

Абсалом украдкой глянул на агента, но тот не обернулся.

— Он привел в систему магические глифы, которые могли вдохнуть разумную жизнь в некоторые механические объекты, — продолжил Ривз, не дожидаясь ответа. — Этот метод называли...

Офицер повернул голову и посмотрел в сторону Абсалома, который нервно потирал лежавшие на коленях руки и после короткой паузы тихо произнес:

— ...базовой активацией.

Губы Ривза презрительно скривились.

— Очень хорошо, мистер Абсалом. — Агент снова повернулся к портрету и вздохнул. — Увы, первые опыты мистера Ранкибла были встречены с изрядной долей недоверия и страха. «Первенец», как стали называть его пробное творение, был отобран у создателя и сожжен. Тем не менее, Ранкибла это не остановило. Он продолжил конструировать так называемых механиклов, и люди начали понимать, насколько те важны. Их использовали как работников и слуг. Джордж Ранкибл изменил Англию навсегда.

Ривз поправил портрет, вынул из кармана платок и аккуратно протер лицо первого инженера.

— К несчастью, некоторые люди продолжали испытывать опасения. Особенно гневно отзывались они о моделях взрослых механиклов из страха, что те могут просто выжить нас. Однако компромисс был достигнут: все сошлись на том, что в цивилизованном социуме, не оскорбляя общественную чувствительность, можно использовать детские модели, не такие габаритные, но все же способные к труду и достаточно долговечные.

Агент убрал платок в карман и усмехнулся. Джеку его ухмылка не понравилась. В ней чувствовалась злость.

— Но, разумеется, мистер Абсалом, будучи последователем известных мастеров, вы все это прекрасно знаете.

Абсалом сглотнул.

Джек наблюдал за Ривзом со смесью тошноты и восхищения. Движения этого человека были настолько выверенны, что это действовало на нервы.

Ривз снял шляпу и положил ее на стол. Затем скинул тренч, аккуратно сложил его и перекинул через спинку стула. Волосы у агента были черные и блестящие, явно смазанные бриолином. Тем не менее, Ривз тщательно пригладил их, сначала основанием ладони правой руки, старательно избегая прикосновения пальцами, потом левой. Довольный, что при-

ческа в порядке, он достал из внутреннего кармана темно-серого, с иголки, пиджака маленький блокнот и короткий карандаш, придвинул стул к столу и сел на него с величайшей церемонностью.

— Итак, мистер Грегори Абсалом, владелец фирмы «Абсалом Механикслс». — Ривз улыбнулся. — Вам известно, чем занимается наше Агентство?

Инженер кивнул.

Офицер продолжил так, будто тот не отреагировал:

— Мы осуществляем надзор за созданием и использованием механиков. Следим за тем, чтобы они отвечали принятым стандартам, чтобы каждой модели был приписан соответствующий серийный номер и чтобы создающие их инженеры были официально зарегистрированы.

Абсалом уставился в стол.

— Вы получили образование и были зарегистрированы как инженер, мистер Абсалом?

Несмотря на висевшее в комнате напряжение, а может, как раз из-за него, Джек чуть не прыснул со смеху. Босс молчал. Ривз потянулся вперед, в голосе его зазвучало слабое сочувствие:

— Лучше вам сейчас говорить правду. Я легко могу проверить наши записи, когда вернусь в офис. Но если вы будете сотрудничать с нами, это зачтется вам в будущем.

Абсалом покачал головой.

— Что это значит, мистер Абсалом? Я не вполне вас понял. Вам придется дать ответ вслух.

— Нет, — шепнул инженер.

Ривз поднял руку с карандашом и сделал запись в блокноте, хмурясь и надувая губы. Потом положил письменный прибор и снова поправил волосы теми же осторожными движениями.

— Не могли бы вы объяснить назначение довольно большой модели, которая находится снаружи?

Абсалом заметно смутился.

— Гриппер? Он... для поднятия тяжестей.

— Понятно.

Вдруг Абсалом оживился.

— Он соответствует всем стандартам, мистер Ривз, уверяю вас. Начать с того, что его умственные способности недостаточны для полной самостоятельности. Он совсем как ребенок. А что касается его размеров, я думаю, вы согласитесь: в смысле физического облика он настолько отличается от общепринятых параметров человекоподобия, что его ни в коем случае нельзя спутать со взрослым человеческим существом. В этом отношении, полагаю, я ничуть не нарушил букву закона.

К Абсалому отчасти вернулась привычная самонадеянность. Он даже ткнул указательным пальцем в стол, чтобы подчеркнуть обоснованность своего мнения, откинулся на спинку стула и позволил себе улыбнуться, если и не вполне уверенно, то, по крайней мере, попытавшись изобразить уверенность.

— Ах, инцидент с Филби. Вижу, вы обстоятельно изучили некоторые аспекты закона, мистер Абсалом. В каком году это было? Тысяча девятьсот двадцать...

— В двадцать четвертом, — подсказал инженер, облизнул губы и откашлялся. Он закинул ногу на ногу, сплел пальцы рук на костлявом колене и попробовал взглянуть Ривзу прямо в глаза. — Тысяча девятьсот двадцать четвертом.

В глазах Абсалома зажегся огонек, словно он вдруг поверил, что и на самом деле сможет выпутаться из этого затруднения.

— Так что, видите ли, мистер Ри...

— Расскажите мне о мальчике, — перебил Ривз.

Абсалом сглотнул.

— Мальчике?

— Да, о мальчике. Простите меня, я использую термин «мальчик», но мы оба знаем, что на самом деле он по происхождению механик. С этим и связано мое сегодняшнее появление здесь по долгу службы.

Ответчик взял паузу, потом наклонился вперед и улыбнулся в масляной улыбке.

— Полагаю, мистер Ривз, что мальчик, о котором вы ведете речь, без сомнения, полностью соответствует всем установленным для нашей индустрии правилам.

Абсалом силился удержать на губах улыбку, но что-то во взгляде офицера лишало его уверенности в себе. Улыбка стала натянутой, а потом и вовсе ослабла.

Джек быстро переметнул взгляд с лица босса на лицо Ривза. Агент был серьезен.

— Вы утверждаете, что сделали его? — спросил он.

— Да, да, я его сделал, — ответил Абсалом и снова попытался растянуть рот в улыбке.

— Вы говорите, что сами сделали мальчика... — Ривз махнул рукой с карандашом в сторону собеседника, чтобы заполнить паузу в разговоре.

— Кристофера, — вставил инженер.

— Вы утверждаете, что создали Кристофера. Сконструировали его.

— Да, я его сконструировал, — подтвердил Абсалом, но на этот раз голос у него дрогнул. Он прочистил горло и заерзал на стуле.

Ривз потянул время — окинул взглядом полки и валяющийся на полу сарая хлам. Джек заметил оттенок презрения в его взгляде, но тон голоса остался прежним, спокойно-деловым:

— Вы сделали его и всех остальных из этих материалов?

— Д-да, — сказал Абсалом.

Взгляд офицера упал на голову Джека. Тому вдруг ужасно захотелось моргнуть, но он заставил себя смотреть прямо перед собой стеклянным взглядом. Момент показался ему вечностью, но наконец Ривз снова обратил внимание на собеседника.

— Каким способом вы его оживили?

Абсалом смешался.

— Как вы придали мальчику способность двигаться, мистер Абсалом?

Инженер нервно хихикнул.

— С помощью базовой активации, конечно. Я использовал стандартный набор глифов Ранкибла для наделения сознанием и оживления.

— Разумеется, — сказал Ривз, постукивая карандашом по подбородку и разглядывая Абсалома. — Вы совершенно уверены, что он приведен в движение не каким-либо иным способом?

В ответ на это предположение инженер резко хохотнул, будто гавкнул.

— Нонсенс. Какой другой способ я мог применить?

— Скажите мне, мистер Абсалом, вы знакомы с методами, принципами и практиками, которые лежат в основе изготовления улучшенных систем?

Голова Абсалома мгновение качалась, будто его ударили, и наконец он выдал из себя слабое:

— Что?

Улыбка Ривза стала чуть более холодной, но голос остался тихим, мягким.

— Вы, мистер Грегори Абсалом, хозяин фирмы «Абсалом Механиклс», знакомы с теорией, системой и практическим применением принципов улучшенной активации?

Краска сошла с лица инженера.

— Я... я... прошу вас... — пролепетал он хриплым от страха голосом. — Почему вы меня об этом спрашиваете?

Ривз сцепил пальцы и опустил взгляд, потом снова посмотрел на Абсалома. Тон его не изменился, но глаза потемнели.

— Давайте я сформулирую свой вопрос иначе, мистер Абсалом. Этого мальчика оживили, используя принципы и практические методы улучшенной активации?

Джек ощутил внезапный жар, когда понял суть вопроса. Он мог означать только одно. Мысли так и завертелись в лишенной тела голове механикла: неужели возможно, чтобы...

Абсалом покачал головой. Глаза у него расширились от ужаса.

Ривз тихо вздохнул.

— Скажите мне, мистер Абсалом, как оживляются улучшенные системы?

— П... п... пу... — заикался Абсалом.

Офицер кивнул ему, чтобы он продолжал.

Глаза Джека округлялись от удивления.

— Пу... путем слияния души с механическим объектом.

От изумления Джек едва был способен осмыслить сказанное.

— Вы же не думаете... не думаете... — бормотал Абсалом.

Ривз пропустил этот лепет мимо ушей. Он резко втянул ноздрями воздух и снова взялся за блокнот.

— Где вы нашли его, мистер Абсалом?

Инженер фыркнул и ухмыльнулся, вероятно, радуясь перемене темы. Однако ухмылка исчезла, когда старший офицер Агентства вновь взглянул на него.

— Где вы нашли его?

— Я не на... Я не нашел его. Я сделал... — Поняв, в чем признается, Абсалом запаниковал. — То есть я его сделал, но не в улучшенном смысле... Я бы не стал...

— Где вы нашли мальчика?

Ривз смотрел на Абсалома через стол. Бедный инженер пытался заговорить, но из его горла вырывался только сдавленный хрип. Джек понял, что босс просто подыскивает слова для оправдания — он извивался и корчился на стуле, а Ривз продолжал буравить его пронзительным взглядом.

Раздался стук дверь. От испуга Абсалом едва не свалился со стула.

— Войдите, — сказал офицер.

Вошел его напарник и передал главному записку. Ривз бросил на листок беглый взгляд и кивнул.

— Очень хорошо.

Мужчина вышел. Агент положил бумагу на стол и опустил глаза в блокнот.

— Расскажите мне про Настоящего Боба.

Абсалом будто получил удар. Джеку показалось, что сейчас тот опрокинется назад и упадет на спину.

— Наст... наст... наст... — никак не мог выговорить он.

— Настоящего Боба, — довершил за него Ривз мягко.

Абсалом шумно дышал.

— Я могу объяснить... Это была случайность.

— Что было случайностью, мистер Абсалом?

Инженер уставился на листок бумаги.

— Прошу вас... — Он хватал ртом воздух.

Ривз положил ладони на стол.

— Раздел первый Королевского кодекса о создании и автоматизации механиков, подраздел три, параграф пять утверждает: намеренно или ненамеренно наделять сознанием любые заготовки, которые, будучи сконструированы, соответствуют общепринятым стандартным размерам взрослого человеческого существа, — это нарушение закона. За совершение такого проступка предусматривается минимальное наказание в виде пятнадцати лет тюремного заключения.

У Абсаломы отвалилась челюсть, плечи судорожно вздымались, он пытался отдышаться.

— Случайность... Я клянусь...

Ривз наклонился вперед и спокойно проговорил:

— Вам ведь известно, почему не позволено создавать взрослых, не правда ли?

Абсалом кивнул:

— Это плохо, неприлично. Оскорбляет людей.

Ривз еще сильнее выдвинулся вперед и проорал:

— А я оскорблен вами, сэр!

Спокойный до этого момента офицер вдруг превратился во взбешенного дьявола с почерневшими от злости глазами. Даже Джек ощутил всю силу его ярости.

— Вы, сэр, шарлатан и лжец! Вы превратили в насмешку законы Его Величества и доброе имя Британии. Стыдитесь своих злодеяний! Стыдитесь своей лжи и обмана! Вы мне отвратительны, сэр. Отвратительны!

Ривза трясло от гнева, он тяжело дышал, с силой втягивая через нос воздух, и ноздри его трепетали, как у разъяренного быка. Постепенно он стал успокаиваться, дыхание его выравнивалось. Наконец Ривз задышал нормально, расправил плечи и чопорно одернул полы пиджака, потом заученным жестом пригладил волосы — основанием ладони правой, затем левой руки, издал резкое удовлетворенное «Ах!» и, как ни в чем не бывало, стрельнул в Абсалома ослепительной улыбкой.

— Будучи старшим оперативным сотрудником Агентства, я имею власть вынести вам приговор.

Абсалом повесил голову и опустил плечи. Стал ясно, что он плачет. Джек ощутил странную смесь презрения и жалости к боссу.

— Если вы честно расскажете, каким образом мальчик оказался в вашей собственности, могу обещать, что проявлю к вам снисхождение.

— Я нашел его, — шмыгнув носом, промямлил Абсалом. — Нашел в канаве два года назад. Он не двигался. Я сразу понял, что он такое. Мальчик спал, но я принес его сюда, и мне удалось его пробудить.

— Где находилась канава, мистер Абсалом?

— Милях в пяти отсюда, сразу за Чиппингтоном, — сказал инженер, утирая рукой сопли.

Ривз откинулся на спинку стула.

— Ну вот и хорошо, — тихо сказал он сам себе, после чего снова потянулся вперед.

— А он помнил что-нибудь о том, откуда взялся?

— Ничего, бессвязные обрывки воспоминаний.

— Но он всегда считал себя настоящим?

— Да.

— Как вы убедили его в этом?

Абсалом снова насторожился и приготовился хитрить.

— Я его проштопал.

— Вы его штопали?

— Да.

— С вашим-то умением? Вы его штопали? — Ривз с недоверием покачал головой.

Абсалом опять повесил голову.

— А где вы взяли заплатки?

— Черный рынок. — Инженер поднял взгляд. — Я могу сказать вам имя того...

— В этом нет необходимости.

Ривз обдумал услышанное, потом одним быстрым изящным движением поднялся со стула и стал надевать тренч. На мгновение застыл и посмотрел на Абсалома.

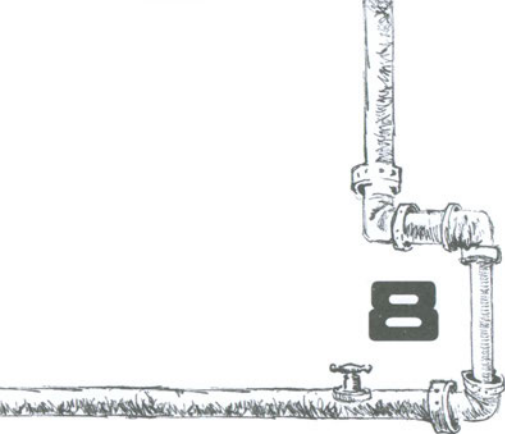
— Мой приговор будет мягким. Никакого наказания за то, что вы оставили у себя вероятного улучшенного механикла, но только при одном условии: вы пообещаете никому не рассказывать о том, что произошло здесь сегодня. — Офицер наклонился к Абсалому и заговорил ледяным шепотом: — Никто не должен знать, вы понимаете?

Абсалом поднял взгляд. Глаза его затуманились, голова опять заходила ходуном. Ему с трудом удалось кивнуть.

Ривз выпрямился и щелчком поднял воротник пальто.

— Благодарю вас, мистер Абсалом. Вы нам очень помогли. Я учту это, вынося приговор. — Он быстро поклонился и надел на голову шляпу. — Когда придете в себя, следуйте за мной на улицу.

Ривз вышел. Абсалом сидел и смотрел в пустое пространство. Через некоторое время он издал глухой стон и уткнул лицо в ладони.

Со своей полки Джек видел в темноте за окном какое-то движение.

— Мистер Абсалом, — сказал он, — мне нужна помощь.

Босс испугался и обернулся с большим трудом, ему даже пришлось ухватиться за стол для поддержки.

— Джек? Но ты...

— Пожалуйста, мистер Абсалом, скорее.

Инженер, пошатываясь, подошел к тому месту, где находилась голова Джека, следуя ее указаниям, повозился в куче хлама и отыскал остальные части своего творения. Абсалом приделал голову к телу и, схватив механикла за плечи, с мольбой в голосе проговорил:

— Ты ничего не слышал?!

Джек сокрушенно покачал головой.

— Я слышал все, мистер Абсалом.

Механикл двинулся к двери, но инженер выскочил перед ним и загородил дорогу.

— Я не знал, клянусь. Я пытался сделать как лучше.

Джек укоризненно посмотрел на него.

— Вы знали, что он не настоящий, мистер Абсалом, и никому об этом не сказали.

Инженер пытался что-то возразить, но Джек, не желая ничего слушать, проскользнул мимо него, открыл дверь и вышел наружу.

На мгновение его ослепил свет фар фургона, и он прикрыл глаза ладонью.

— Тут еще один, сэр, — сказал напарник Ривза, указывая на появившегося из конторы Джека.

Старший офицер оторвал глаза от блокнота, окинул механикла безразличным взглядом и махнул своему человеку, мол, неважно.

Марта и Кругляк Роб подошли к Джеку: оба выглядели напуганными. Эстель находилась в нескольких метрах от них. Гриппер стоял рядом с сараем, размахивал руками и с ошалелым видом тарасился на все происходящее. Понурий Кри-

стофер стоял рядом с фургоном, силы совсем оставили его, и он, кажется, даже не понимал, что происходит.

— Он задавал нам вопросы, Джек, — поделилась с другом Марта. — Роб все ему рассказал.

— Я не рассказывал! — возмутился Роб.

Джек заметил виноватое выражение на лице Кругляка и улыбнулся, давая понять, что все в порядке, а потом добавил для пущего успокоения:

— Не волнуйся, Роб.

Из конторы вышел Абсалом, прислонился к дверному косяку. Руки у босса дрожали. Джек взглянул на Кристофера. Тот не шевелился.

Ривз откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание, вытянул руку с блокнотом и стал зачитывать написанное:

— Мистер Грегори Абсалом, властью, данной мне правительством Его Величества, я выношу вам приговор за противоправное ведение деятельности без лицензии инженера и за особенно гнусное преступление — наделение сознанием механической заготовки, соответствующей общепринятым размерам взрослого человеческого существа. Я приказываю вам в течение тридцати дней, начиная с сегодняшнего, передать все свои активы другим лицам или избавиться от них иным образом, в противном случае вы ощутите на себе всю строгость закона. Кроме того, вам запрещается создавать любые механизированные приспособления в течение всей оставшейся жизни. В случае неповиновения данному распоряжению вы будете заключены в одну из тюрем Его Величества на срок не менее пятнадцати лет. Вы должны подчиниться этому приказу и начать выполнять его немедленно.

Ривз кивнул напарнику. Тот вышел вперед и приколот листок с приказом к двери конторы Абсаломы. Довольный собой, старший офицер Агентства засунул блокнот во внутренний карман и кивнул в сторону Кристофера.

— Мистер Данлоп, заберите его.

Мгновение Джек отказывался поверить в то, что услышал. Данлоп подхватил Кристофера под мышки и потащил к фургону.

— Нет! — крикнул Джек.

Гриппер наклонился вперед и громко, яростно заревел.

Джек бросился к Кристоферу, смутно сознавая, что сбил с ног Кругляка Роба и тот покатился по земле. Нужно добраться до Кристофера. Он должен их остановить.

Заметив бегущего к нему механикла, Данлоп бесцеремонно грохнул свою ношу наземь и потянул руку к карману на бедре. Джек налетел на него, но Данлоп его оттолкнул. Джек едва не упал, но сохранил равновесие и снова кинулся вперед.

Напарник Ривза вытащил из чехла длинный металлический стержень. Раздался щелчок, за ним — резкий звук: «ФРЗЗЗАК», — ослепительно вспыхнул голубой свет, и Джек ощутил сильный удар в грудь. Он отлетел назад, рухнул на землю, пару раз подскочил и замер у ног Эстель. Джек хотел было закричать, но не смог. Челюсти беззвучно сжимались и разжимались, перед глазами маячило лицо Эстель. Марта бросилась к нему с криком:

— Джек! Джек! Вы убили Джека!

Тело несчастного конвульсивно задергалось, в голове и конечностях возникли сильные спазмы. Он едва различал, что происходит вокруг: вопли боли и ярости, которые издавал Гриппер, протяжный свиристящий звук: «ШПРАКК», — шипение голубой молнии и треск искр.

Джек с трудом приподнял голову и увидел, как Данлоп отгоняет от себя Гриппера той же палкой. Снова слышалось: «ФРЗЗЗАК», — Гриппер взвыл и замахал в воздухе когтистыми лапами. Ему ничего другого не оставалось, кроме как отступить. Напарник Ривза спокойно засунул оружие в чехол и поднял Кристофера с земли.

Пока подростка тащили по двору, Джек успел заглянуть ему в глаза. Они были пустыми, безо всякого выражения, но вот Кристофер моргнул. И вдруг — будто выключателем щел-

кнули — начал кричать, пытался вырваться из рук Данлопа, но тот был слишком силен. Агент тащил пленника к фургону. Кристофер пинался и визжал, пытался упираться пятками в землю, но ничего не выходило.

И посреди всего этого балагана стоял Ривз, невозмутимый, спокойный, с бездушными темными глазами.

Прозвучал последний вопль Кристофера, и задние двери фургона захлопнулись.

Джек лежал на земле, пальцы у него сводило спазмами, они сгибались и разгибались, как клешни краба. Эстель поддерживала его голову. Она плакала. Абсалом в поле зрения Джека не было. И хорошо. В этот момент он его люто ненавидел. Голова механикла дернулась вперед, и он попытался заговорить. Кругляк Роб семенил к ним. Двое мужчин открывали дверцы кабины фургона.

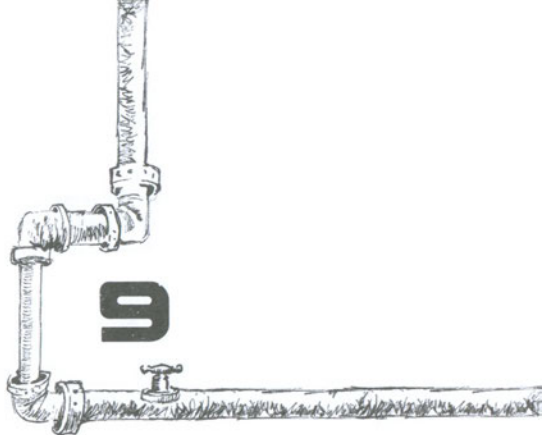
Ривз бросил прощальный взгляд на всю компанию и забрался на пассажирское сиденье.

Машина выехала со двора.

Теперь здесь слышались только тихие всхлипывания.

Огни фар исчезли.

На следующее утро Джек подтягивал ключом гайку на своем бедре, когда в мастерскую вошли Роб и Марта. Гриншер уже был здесь — стоял и наблюдал за Джеком. Кругляк не сразу сообразил, что происходит:

— Почему ты надеваешь новые ноги?

— Просто так, — ответил Джек и посмотрел на Роба с хмурым, даже сердитым видом.

— Они сломались из-за палки с липестричеством, да? — спросила Марта.

У Джека задрожал подбородок. Он бросил гаечный ключ на пол и вздохнул:

— Это не из-за электричества, Марта! Оно здесь ни при чем.

Марта опустила голову и прижала к груди плюшевого медвежонка. Некоторое время все молчали, пока Гриншер не произвел челюстями тихий скрежещущий звук. Роб посмотрел на него, потом на Джека и спросил:

— Это правда?

Джек сжал зубы и наклонился поднять гаечный ключ.

— Это было липестричество, — прошептала охваченная благоговейным страхом Марта.

Джек крутил в руках ключ, не поднимая взгляда.

— Как там кричал мистер Абсалом, когда перевернул все вверх дном у себя в сарае? — шепнула Марта Робу. — Ученная дективация?

Абсалом всю ночь прятался в конторе. Потом, уже после рассвета, изнутри донесся ужасный шум и грохот. Роб и Марта слышали, как босс кричал и швырял вещи. Это продолжалось с полчаса. Затем настала тишина.

— Марта... — вздохнув, сказал Джек.

Та посмотрела на него.

— Ты снова собираешься кричать на меня?

Джек виновато покосился на подругу.

— Нет, Марта, не собираюсь. Мне вообще не следовало повышать на тебя голос. Извини.

— Звинения приняты, — ответила Марта.

Глаза у Джека были печальные, но он сумел выдавить из себя слабую улыбку.

Роб поднял правую бровь, которая опять отвалилась, машинально приставил ее на место и сказал:

— Это твои любимые ноги. Ты собрался на вечеринку?

Джек сокрушенно покачал головой.

— Нет, я не пойду на вечеринку, Роб.

— А куда тогда? У тебя такой вид, будто ты куда-то собираешься.

Вдруг Гриппер выпрямился, что-то промышчал и три раза ударил себя кулаком в грудь. КЛАНК! КЛАНК! КЛАНК!

— Так вот зачем тебе новые ноги! Это правда? Правда-правда? — затараторил Роб и так резко повернулся, чтобы увидеть лицо Джека, что едва не упал на пол.

Джек хитро улыбнулся. Гриппер снова заревел, на этот раз еще громче, и еще сильнее стукнул себя кулаком по груди.

— Ура! — закричала Марта.

Кругляк Роб озадаченно уставился в потолок, будто не мог поверить тому, что сказал Гриппер. Потом улыбнулся Джеку:

— Так как же мы поступим?..

— Сначала поговорим с Абсаломом, — ответил Джек.

— Послушай меня, Джек, мальчик мой... Вы никуда не пойдете... Будь я проклят, если, если, если...

Абсалом расхаживал перед ними взад-вперед по двору, но теперь остановился, подозрительно прищурившись, взглянул на Джека и сказал:

— Это не твои ноги.

— Это его любимые прогулочные ноги, мистер Абсалом, — прочирикал Роб.

Босс зашагал чаще и, заламывая руки, разразился тирадой:

— Еще чего придумали! Это так вы выражаете благодарность за все, что я для вас сделал? — прорычал он, тыча в них пальцем. — Ни один из вас не уйдет со двора. Ни один. Это мое последнее слово, и точка!

Абсалом выпрямился, одернул воротник, развернулся на пятках и, презрительно улыбаясь, направился в свой сарай. Но тут ему вослед через весь двор прозвучал окрик:

— Грегори!

Все взгляды устремились на Джека. Абсалом замер. Стояла тишина. Инженер медленно повернулся, на лице его изобразилось недоумение, а механикл тем временем заговорил очень спокойным, ровным голосом:

— Мы уходим, мистер Абсалом. Мы собираемся найти Кристофера, и вы нас не остановите.

Инженер пытался что-то сказать, но слова не шли у него с языка. Он перестал дышать, а плечи у него заходили взад-вперед, как крылья птицы.

Джек кивнул приятелям.

— Нам пора.

Потом пошел к грузовичку, остальные последовали за ним. Стояла тишина, и только открыв дверцу кабины, Джек услышал из-за спины:

— П... п... погодите!

Механикл влез на водительское сиденье и уже собирался захлопнуть дверцу, когда рядом возник Абсалом и придержал ее рукой.

— Вы не можете! — с диким отчаянием в глазах крикнул он.

— Почему же? Можем, — ответил Джек.

Гриппер помог Робу и Марте разместиться на переднем пассажирском сиденье, пока Абсалом препирался с водителем.

— Я этого не допущу! — верещал босс.

Джек потянул на себя дверцу, но Абсалом держал ее крепко и готов был уже сам влезть в кабину, но тут вмешался Гриппер и мягко удержал босса, упершись рукой ему в грудь.

— Ты не можешь так поступить, Джек. Вы принадлежите мне!

Джек покачал головой.

— Мы теперь никому не принадлежим, мистер Абсалом.

Гриппер забрался на заднее сиденье, машина привычно просела под его тяжестью. Джек сделал пробные движения ногами и облегченно вздохнул: его новые телескопические конечности были достаточно длинными, чтобы дотягиваться до педалей. Марта от радости захлопала в ладоши. Абсалом бросил на нее страдальческий взгляд, а потом умоляюще посмотрел на Джека.

— Прошу тебя, — молил он.

Но Джек уже повернул ключ в замке зажигания, движок затарахтел, и мотор ожил.

— Всего хорошего, мистер Абсалом, — попрощался он.

Грузовик тронулся. Абсалом совершил последнюю попытку ухватиться за дверную ручку, но в результате повалился на колени. Он беспомощно смотрел, как его творения

медленно выезжают за ворота. Джек взглянул на одинокую фигуру бывшего босса — маленькую, затерявшуюся среди гор металлолома — и почувствовал мимолетный укол вины.

Последним, что услышал Джек, был плач мистера Грегори Абсалома.

Джек вел машину, чувствуя на себе взгляд Роба. Но когда он покосился на соседа, тот закусил верхнюю губу и торопливо отвернулся.

— Что, Роб?

Кругляк вжал голову в плечи, с опаской глянул на водителя и буркнул:

— Ничего.

Джек вздохнул.

— Давай, Роб, выкладывай.

Кругляк мгновение обдумывал что-то, потом выпалил:

— Тебе не страшно?

Джек улыбнулся.

— Конечно, мне страшно. В такой ситуации бояться — это вполне естественно. Будь у меня сердце, оно бы сейчас сильно билось.

— Но мы в любом случае должны это сделать. — Роб решительно глядел на дорогу сквозь ветровое стекло. — Потому что он наш друг.

Джек крепко сжал руль.

— Вот именно.

Какое-то время стояла тишина, наконец ее прервал тоненький голосок:

— Я не боюсь.

Джек усмехнулся.

— Вот и хорошо, Марта.

Та приняла деловой вид, насколько это было для нее возможно, и крепко прижала к груди медвежонка Тедди.

— Куда мы едем? — спросил Роб.

— В Аденбери, — отозвался водитель.

Кругляк недоуменно уставился на него.

— Кристофер в Аденбери?

— Нет, глупый. Но мы должны там кое-кого забрать.

Три мили до Аденбери они, казалось, не проехали — пролетели. Джек говорил правду: он чувствовал испуг, но одновременно испытывал радостное возбуждение, которое лишь усиливалось по мере того, как они удалялись от дома. Теперь он контролирует ситуацию, отвечает за других — скромное, незаметное существование, которое он вел на свалке металлолома, осталось в прошлом. Жизненные горизонты расширились, он становился частью чего-то большего.

В деревне этим утром было тихо. Первым человеком, который встретился им на пути, стал молочник. Он переводил через мост лошадь с тележкой. Вторым, не спавшим в столь ранний час, оказался местный почтальон, который, раскрыв рот, глазел на них и едва не упал с велосипеда, когда заметил, кто сидит за рулем. Джек предположил, что люди здесь, наверное, не привыкли к механикам. Тут и машины-то, похоже, были редкостью. Хотя он точно знал, что в Лондоне для таких, как он, водить автомобиль — обычное дело.

Они подъехали к гостевому дому миссис Барнаби. Он был большой и крепкий, с десятком окон, и произвел на Марту неизгладимое впечатление.

— Это здесь живет Этель?! — восхищенно спросила она. — Похоже на дворец.

Джек припарковал машину за главными воротами. Когда они вылезали из грузовика, на улице было тихо. Гриппер собрался пойти с ними, но Джек велел ему остаться. Они пошли по зигзагообразной дорожке, вымощенной кремовой плиткой. Марта жадно впитывала в себя все, что видела.

Джек постучал в дверь. Она была темно-бордовая и явно окрашена недавно. Роб толкнул приятеля локтем и кивнул на его ноги. Только тут Джек осознал, что стал сантиметров на тридцать выше, чем ему следовало быть. Он успел укоротить свои конечности за миг до того, как дверь открыла горничная с очень недовольным лицом. Она хмуро глянула на визитеров поверх острого, как клюв, носа и спросила:

— Чего вам?

— Мы пришли к Эстель, — сказал Джек.

Женщина обвела гостей взглядом, потом посмотрела на грузовик, откуда раздавались стоны Гриппера, который потягивался и разминал руки-ноги. Лицо горничной стало еще более хмурым.

— Где ваш хозяин? — поинтересовалась она.

Джек открыл было рот, чтобы ответить, но его опередил Роб.

— У нас больше нет хозяина, — бодро заявил он. — Мы пришли к Эстель, чтобы узнать, поможет ли она нам отыскать нашего друга Кристофера. Мы думали, он настоящий, а оказалось — нет. Пришли какие-то люди и забрали его, а мистеру Абсалому велели отдать кому-нибудь свою свалку металлолома, потому что он нарушил закон. Там, в грузовике — Гриппер, он очень сильный. Я однажды видел, как он поднял трактор. Вот Марта, она самая маленькая, а это Джек — сейчас у него не нормальные ноги, а специальные, водительские. Я — Кругляк Роб, и мало на что годен, как обычно говорил мистер Абсалом, но вы можете скатить меня с холма за шесть пенсов, и я не буду жаловаться.

Роб замолчал столь же внезапно, как заговорил, и одарил горничную широкой, лучезарной улыбкой. Она, раскрыв рот, таранилась на них. Некоторое время все молчали.

— Это дворец? — спросила Марта.

Женщина никак не могла проникнуться доверием к новым гостям. Она молча указала пальцем за дом и сказала:

— Эстель там, — после чего закрыла дверь.

Все посмотрели на Джека. Тот коротко кивнул.

Они обогнули дом сбоку. Позади главного строения находился длинный узкий сарай, где хранилось сено. К столбику был привязан веревкой молодой козлик. Маленький мальчик-механик грузил на тележку овощи. На вид ему было не меньше пятидесяти. Сквозь кожу, лоскутьями отслоившуюся с лица, проглядывал потускневший, покрытый бронзовой краской металл. При малейшем движении механик скрипел на все лады.

— Где Эстель? — спросил его Роб.

Мальчик указал на сарай. Трое гостей пошли туда, и Кругляк Роб первым заметил спавшую на соломе девушку.

— Эстель! — крикнул он.

Она подскочила и села. В ее волосах были видны застрявшие соломинки.

— Что? Что? — испуганно лепетала Эстель.

Когда она узнала своих приятелей, лицо ее стало бледнее белого, потом так же внезапно вспыхнуло. Оно прямо-таки заалело, и Джек даже испугался, как бы у Эстель не лопнула голова.

— Что вы тут делаете? — недовольно спросила она.

Эстель изо всех сил старалась не уронить достоинства, правда безуспешно, потому что сделать это, вставая с сеновала, нелегко.

Она пригладила волосы, быстро накинула пальто, затянула на талии старый кожаный пояс, который использовала вместо застёжек. Джек впервые заметил, что свитер у Эстель побит молью, а носки у нее от разных пар и в дырках.

— Ну? — потребовала она ответа, стараясь говорить напористо, но в результате получился какой-то надрывный писк. Краска постепенно сходила с ее лица, но оно все равно оставалось возбужденно розовым.

Роб сдвинул брови.

— Почему ты спала на соломе, Эстель?

— Это твоя постель? — спросила Марта.

— Или ты играла с кем-то в прятки? — поинтересовался Роб, с широкой, полной надежды улыбкой.

Джек решил вмешаться.

— Мы пришли за тобой, Эстель. Хотим, чтобы ты пошла с нами и помогла найти Кристофера.

Девушка недоверчиво посмотрела на них.

— Почему?

— Ну, ты знаешь всякие вещи, и ты наша подруга, — как мог, объяснил Роб.

Эстель слегка расслабила плечи, но продолжала сохранять настороженность и готова была к отражению любых нападков.

— Я не могу просто так уйти, — сказала она.

— Почему нет? — не понял Роб.

Эстель пришла в совершенное замешательство, пытаясь придумать ответ.

— Ну, у меня есть... работа, — наконец подобрала слова она.

— И много? — спросил Джек. — У тебя нет лицензии, и мистер Абсалом был твоим основным источником дохода.

— Я тут разными делами занимаюсь, — возразила девушка и сразу пожалела о сказанном. От Джека это не укрылось. Она переминалась с ноги на ногу с таким видом, словно предпочла бы сейчас оказать где-нибудь в другом месте, только не здесь, где на нее все тарацились.

Джеку стало жаль ее. И в то же время он на нее разозлился: ведь ясно же, что тут происходит. Эстель не могла открыто искать работу по кожевенной части. К тому же она была девушкой, а лицам женского пола запрещено любым образом участвовать в производстве механиклов. Ради крыши над головой Эстель выполняла для миссис Барнаби разную черную работу — такую, какой занимаются только механиклы. Хозяйка дома, очевидно, была слишком скупа, чтобы обзавестись новой моделью механизированного слуги.

— Пошли с нами, — сказал Джек.

Эстель никак не могла решиться.

— Пожалуйста, — стал упрасивать Роб. — Что если у меня по дороге отвалится нос? Кто пришьет его на место?

Кожевница посмотрела на Джека, тот ободряюще улыбнулся ей. Решение было принято. Эстель потянулась за ботинками и стала обуваться.

— Встретимся у ворот, — сказала она. — Я только соберу вещи.

Она появилась через несколько минут с ранцем, полным инструментов. Гриппер забрал у нее носу и аккуратно положил на заднее сиденье. Эстель втиснулась в кабину рядом с Робом и Мартой. Вид у нее до сих пор был слегка взволнованный. Она откинула волосы на спину и встряхнула головой, пытаясь выглядеть хозяйкой ситуации. Джек никогда еще не видел, чтобы Эстель было настолько не по себе.

— Ну, — сказала она, — и какой у нас план?

Все посмотрели на Джека.

— Пока никакого, — признался тот.

И вдруг Эстель снова стала собой. Голос зазвучал ровно, движения стали размеренными и обдуманными.

— Значит, плана у вас нет? — уточнила она.

— Пока нет, — занял оборону Джек.

— Тогда зачем вы явились за мной?

— Думали, ты поможешь. Подскажешь какие-нибудь идеи.

Эстель на мгновение отвернулась от него и прищурилась, глядя в окно, а потом сказала:

— Рано или поздно он окажется в Лондоне. Его отвезут в штаб-квартиру Агентства.

— Значит, нам туда! — обрадовался Роб.

— Все не так просто, — осадила его Эстель.

Джек со вздохом кивнул, выражая согласие.

Эстель задумалась:

— Нам нужно докопаться до сути. Почему они его забрали? Что такого необыкновенного в Кристофере?

— Откуда он взялся? — предложил свой вопрос Джек.

— Что делает вас особенными? — спросила Эстель.

Роб почесал голову. Джек нахмурился и посмотрел на подругу:

— Кристофер — хорошая модель.

— А какие модели считаются хорошими?

— Сделанные известными инженерами, — ответил Джек.

— Или великими, — добавила Эстель.

Джек откинулся назад.

— Когда я был там, в сарае у Абсалома, этот человек, Ривз, говорил об улучшенной активации.

Он едва смог договорить, чувствовал, что все пожирают его глазами:

— Я думаю, у Кристофера есть душа.

Эстель кивнула. Глаза Роба расширились настолько, что Джек испугался, как бы они не вылетели из орбит.

— Улучшенную активацию разработал Кормьер, — сказала девушка.

— Что за ученая ктивация? — спросила Марта.

— У него есть душа, Марта, — не смея вдохнуть, прошептал Роб. — У Кристофера есть душа. Он почти настоящий.

— Значит, он кормьеровского класса, верно? — сказал Джек.

Эстель кивнула.

У Роба был изумленный вид.

— Ты когда-нибудь видела настоящего «кормьера», Эстель? — спросил Джек.

Она покачала головой.

— Нет, но такую убедительную по сходству с человеком модель мог создать только Кормьер.

— А как насчет Блейка? — спросил Джек.

— Я никогда не встречала блейковских моделей, но, полагаю, их легко узнать. У них всегда есть какой-нибудь изъян — или в соединениях, или в глазах, или в том, как они говорят. Кроме того, Блейк не мог никого одушевить. Нет, на такое был способен только Кормьер.

— Кормьеровский класс, — восхищенно прошептал Джек, широко распахнув глаза.

— Вероятно, Кристофер — один из немногих сохранившихся экземпляров, вот в чем его ценность, — сказала Эстель.

— Мы поедem в Лондон и заберем Кристофера? — спросил Роб.

— Мы не можем этого сделать, Роб, — ответил Джек. — Не можем просто взять и потребовать вернуть его. На такое имеет право только владелец или инженер, а у него теперь нет владельца.

Кругляк Роб сполз вниз на сиденье. Эстель задумчиво уставилась на приборную панель.

— Но, может быть, мы попробуем? — робко предложила Марта. — Если мы отправим туда Эстель и она вежливо попросит...

Джек сокрушенно покачал головой.

— Но попытаться-то можно, — с надеждой в голосе проговорил Роб.

Все молчали. Джек пытался что-нибудь придумать. Он с мольбой посмотрел на Эстель: вдруг она разродится какой-нибудь идеей? Но девушка неотрывно глядела в окно с пассажирского сиденья.

— Так что же нам делать? — спросил Роб.

— Едем в Лондон, — распорядилась Эстель.

— Но это бесполезно, раз нет владельца или того, кто его сделал. Нам просто откажут, и все, — не согласился с ней Джек.

— Не откажут, если с нами будет инженер, — проговорила Эстель, задумчиво теребя большим и указательным пальцами нижнюю губу.

Джек смотрел на подругу и, не веря в такую возможность, качал головой.

— Он не поедет.

Эстель склонила голову набок и усмехнулась.

— Кто знает. Мы можем его попросить.

— Кого и о чем попросить? — не понял Роб.

— Филиппа Кормьера. Помочь нам забрать Кристофера из Агентства, — пояснил Джек.

Роб нахмурился.

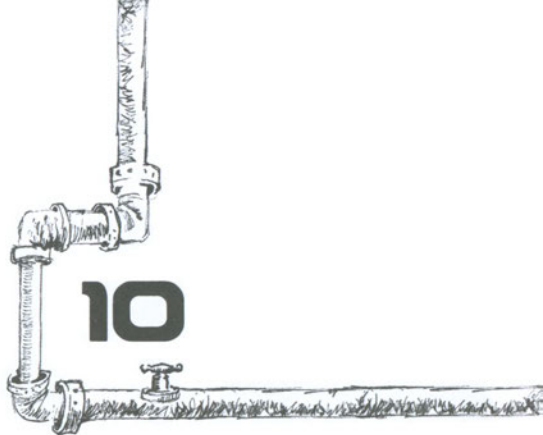
— Но как же мы его попросим?

— Да, как? — спросил Джек.

Эстель с улыбкой повернулась к нему, и от этого — Эстель улыбалась! — Джек едва не свалился с сиденья.

— Мы поедem в Айронхэвен, — сказала она, — и явимся прямо к дверям дома Филиппа Кормьера.

— Не думай, что это тюрьма, считай это домом.

Кристофер стоял на широкой открытой площадке рядом с Ривзом. Перед ними в утреннем свете высилось серое строение со множеством башенок, испещренное десятками окон, похожих на узкие щели в поросших лишайником стенах. Под каждым окном сбегала вниз черная сырая полоса, а зияющая дыра входных ворот создавала впечатление, будто здание застыло в мучительном вое. Кристофер приметил позади дома маленькое полузаброшенное кладбище. Оно заросло мхом, там и тут торчали из земли покосившиеся могильные камни — серые и как будто влажные. Вокруг все было завалено горами металлолома.

— Этот замок называют «Утес», — сказал Ривз.

Кристофер был поглощен мыслями о Джеке и остальных. Стало больно в груди, он сглотнул, мысленно уговаривая себя: «Только не плачь!» Из нежелания выдавать свои истинные чувства он заговорил, однако вместо нормального голоса прозвучал какой-то хриплый шепот:

— Никогда о таком не слышал.

Как же он ненавидел себя за этот жалкий лепет. В глазах Ривза промелькнул огонек садистского удовольствия, и от этого стало еще горше.

Офицер покровительственно глянул на своего подопечного.

— Ты и не мог. «Утес» — тюрьма совершенно особого рода.

«Тюрьма, — подумал Кристофер. — Значит, это не штаб-квартира Агентства. Зачем меня привезли сюда?»

— Но, как я уже говорил, ты теперь можешь называть это место домом, — продолжил Ривз.

Кристофер посмотрел на траву у себя под ногами. Острые листья были бледно-зелеными с коричневыми пятнышками, будто подземные казематы отравляли почву, на которой она росла.

Ривз наклонился вперед.

— Я повторяю, ты можешь называть это место домом.

Кристофер мельком взглянул ему в лицо и отвел глаза.

— Скажи это, произнеси это слово, — прошипел агент.

Кристофер прикрыл веки. Подумал о дворе, заваленном ломом. Вспомнил Джека, Роба, Гриппера, Марту... и придушил в груди плач.

— Дом, — произнес он.

— Повтори, — процедил сквозь зубы Ривз.

— Дом, — сказал Кристофер и посмотрел на своего тюремщика непокорным взглядом. По крайней мере, он надеялся, что ему удалось изобразить непокорность, хотя губы у него тряслись и подбородок дрожал.

— Хороший мальчик, — холодно похвалил Ривз и взъерошил Кристоферу волосы. Тот поежился от отвращения.

Ухмыляющийся Ривз, кажется, ничего не заметил. Он окликнул своего подручного:

— Мистер Данлоп, не будете ли вы так любезны?

Мистер Данлоп хмыкнул и достал из макинтоша¹ связку ключей, вставил один в огромный висячий замок на входной двери, и тот с громким щелчком открылся. Мужчины эскортом ввели его через ворота на тюремный двор.

Он оказался просторным и таким же мрачным, как и окружавшая его территория. Центр его занимала гора хлама, накрытая брезентом, из-под которого торчали обломки металла, старые колеса и шины. Двор со всех сторон окружала высокая стена, которая нависала над головами вошедших и будто сдавливала воздух вокруг них. Ощущение замкнутого пространства затмило все остальные, мир Кристофера стремительно сжимался. Он почувствовал, как у него перехватило горло, а потом закружилась голова.

«Но ведь я не дышу, — подумал он. — Как же я могу испытывать головокружение от удушья?»

Мистер Данлоп снова вынул связку ключей и отпер металлическую дверь в стене двора. Рывком открыл ее — с краев посыпались хлопья ржавчины. Все трое вошли в коридор. Кристофер ощутил запахи гнили и сырого камня.

Пол был цементный, а стены — тошнотворно зеленые. Краска облезала с них широкими полосами, кое-где проявлялись случайными пятнами влажные колонии плесени.

Они прошагали футов пятьдесят по коридору и оказались перед двойными дверями.

Ривз постучал, и они вошли в огромную лабораторию — цементно-серую, с бело-голубой мозаичной полосой вдоль одной из стен. У той же стены располагались мойка и пара прикрученных болтами стальных полок, а также несколько поржавевших хирургических каталок, на которые были навалены кучами куски меди, спутанная проволока и металлические листы. В дальнем конце комнаты был установлен боль-

---

¹ Макинтош — непромокаемый плащ из прорезиненной ткани.

шой гидравлический пресс¹. Слева от двери помещалось нечто похожее на кресло дантиста.

Посреди комнаты, спиной к вошедшим, стоял мужчина, который возился с какой-то мудреной конструкцией из серебряных проволочек и трубок.

— Ну? — не оборачиваясь, произнес он.

Ривз прочистил горло.

— Приспособление добыто, согласно вашим инструкциям, сэр.

Мужчина что-то переключил, и проволока в одной из стальных трубок заискрилась голубым.

— Очень хорошо, — сказал он.

Кристофер не был уверен, относилось это к словам Ривза или к работе, которой занимался хозяин лаборатории.

Мужчина схватил тряпицу с верстака² и стал оттирать с рук масло. На нем был серый кожаный передник длиной почти до пола, который совершенно не подходил к общему жизнерадостному виду незнакомца. Лет ему было слегка за тридцать. Черты лица красивые, точеные. Аккуратно подстриженные волосы были зачесаны со лба назад.

— Превосходно, — сказал он, — лучше и быть не может. — Потом подошел к Кристоферу и протянул ему руку.

Его настолько поразил этот жест, что он немедленно подал свою. Мужчина схватил кисть Кристофера двумя руками, энергично потряс ее и сказал:

— Не могу выразить, как я рад, что мы наконец встретились.

---

¹ Гидравлический пресс — приспособление, которое позволяет, прилагая в одном месте малое усилие, получать в другом месте большое; состоит из двух сообщающихся, заполненных водой, маслом или другой жидкостью цилиндров, в которые вставлены поршни. При надавливании на один поршень сжимающаяся жидкость с увеличенной в несколько раз силой выталкивает из соседнего цилиндра другой.

² Верстак — длинный стол для столярных или слесарных работ.

Улыбка у мужчины была широкая, ослепительно белозубая, а голубые глаза сияли от удовольствия. Кристофер совершенно растерялся. Он пытался что-нибудь сказать, но слова не шли с языка.

Незнакомец опустился перед ним на одно колено и стал жадно общаривать взглядом его лицо.

— Замечательно, абсолютно неподражаемо! — восхищенно проговорил хозяин лаборатории. — Были какие-нибудь сложности? — спросил он Ривза, не отрывая глаз от Кристофера.

— Нет, сэр. Сопротивление минимальное, — отозвался офицер.

— А инженер?

Ривз фыркнул.

— *Так называемый* инженер. Мы с ним разобрались. Он считает, что теперь находится под надзором Агентства. О случившемся никому ничего не расскажет.

Хозяин лаборатории радостно хлопнул в ладоши.

— Ха! Да, Агентство. Значит, хитрость сработала. Очень хорошо. Очень хорошо. — Улыбка становилась все шире, по мере того как незнакомец изучал лицо Кристофера.

Тот был сбит с толку и чувствовал головокружение. Кто эти люди, если они не из Агентства? Он не мог понять, что происходит, не улавливал в происходящем никакого смысла.

Незнакомец поднял руки в утешительном жесте.

— Ты смущен, Кристофер. Я это вижу. Но скоро все прояснится.

— Откуда вы знаете мое имя? — выпалил пленник.

Мужчина встал на ноги, молча посмотрел на подростка, потом небрежным движением взъерошил ему волосы, мол, не переживай, и, повернувшись к Ривзу, спросил:

— Сколько ему лет?

— Предположительно двенадцать. Но на самом деле, конечно, больше, — ответил помощник.

— Конечно, — согласился мужчина, в раздумье поглаживая подбородок. — А что он помнит?

— У него произошло частичное разрушение памяти, может быть, из-за травмы. Я подозреваю, за этим последовало вмешательство.

— Значит, его штопали?

— Так мне сказали.

Мужчина кивнул. Потом эти двое стали тихо переговариваться, а Кристофер блуждал взглядом по лаборатории. Вдруг его охватило жгучее возмущение.

— Почему я здесь? Кто вы? — решительно спросил он.

Ривз моргнул, а хозяин лаборатории как будто удивился. Это еще больше разозлило Кристофера.

— Извините, — сказал главный, — мне следовало представиться. Я — Ричард Блейк, сын почившего Чарльза Блейка, и — говорю это со всей возможной скромностью — как мой отец до меня, вероятно, один из величайших инженеров современности.

Снова широкая улыбка, словно Блейк ожидал ответных комплиментов в связи с заявлением о собственном величии.

— Я хочу домой! — прокричал Кристофер.

Улыбка на лице Блейка дрогнула. Он выглядел разочарованным.

— Но, мой дорогой Кристофер, ты дома.

Мальчик покачнулся и простонал:

— Я хочу домой.

Данлоп хотел было подхватить его, но инженер махнул ему, чтоб не совался. Потом встал перед Кристофером на одно колено и взял его за плечи.

— Послушай меня, Кристофер. Ты сейчас здесь, и это твой новый дом. Ты сможешь нам сделать кое-что такое, что эхом отзовется в столетиях. Понимаешь?

Кристофер смотрел на Блейка, но голова у него кружилась, как от удара. Это было для него слишком.

— О чем вы говорите? — спросил он.

Блейк давил его плечи.

— Мы изменим мир, Кристофер. Ты и я. И изменим к лучшему.

Гнев Кристофера начал выдыхаться. Теперь он чувствовал усталость, того гляди, покажутся слезы. И вот не удержался — заплакал. Хозяин лаборатории вновь жадно впился взглядом в его лицо, словно видел какое-то чудо.

— Поразительно, — выдохнул инженер. — Подражательная способность к слезообразованию, исключительная плавность и подвижность эмоциональных переходов. Такие вещи удавались только единицам, талантам из талантов. Абсолютно неподражаемо.

Блейк и Ривз немного посоветовались, после чего мистер Данлоп вывел Кристофера за двойные двери. Они двинулись по коридору, Ривз замыкал шествие.

Кристоферу не нужно было смотреть на Ривза, он и без того знал: фальшивый офицер Агентства наслаждается его смятием. Мальчик чувствовал в воздухе его тонкую, змеящуюся улыбку.

Они сделали резкий поворот вправо и оказались в узком проходе. На каждой стороне коридора — по дюжине металлических дверей с узким зарешеченным окошком в верхней части.

Мистер Данлоп открыл одну из них и отступил в сторону, пропуская Кристофера.

Тот замешкался. Ему хотелось бежать, но он понимал, что это бесполезно. Правая рука Данлопа потянулась к макинтошу, отодвинула полу и опустилась на рукоять черной палки, торчавшей из чехла у него на бедре.

— Это не потребуется, мистер Данлоп, — успокоил напарника Ривз и подмигнул Кристоферу. Тот вдруг ощутил бешеное желание броситься на тюремщика и выцарапать ему глаза. Однако оно быстро угасло, сменившись тошнотворным отчаянием: его толкали вперед с такой силой, противостоять которой невозможно. Он покорно вступил в камеру.

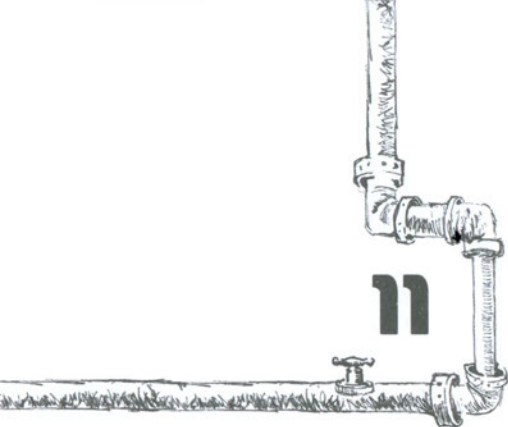
— Хороший мальчик, — процедил Ривз.

Кристофера обдало волной воздуха, раздался лязг запираемой двери. Он обернулся и увидел злобно-хитрые глаза надзирателя, глядевшего на него сквозь узкое оконце.

— Дом, — сказал напоследок Ривз и ушел.

Кристофер не знал, что делать. На него навалилось какое-то отупение. Он молча уставился на маленький квадрат окошка в двери, а тем временем его со всех сторон обступала удушающая тишина. Ноги подкосились, и он безвольно опустился на край стальной койки. Он подумал о Кругляке Робе, Гриппере, Марте, и на этот раз слезы потекли у него из глаз ручьем.

В Айронхэвене лил дождь.

Джек еще никогда такого не видел. Впереди, нависая огромным горбом, показалась странная мешанина башен, домов, столбов — гладких, блестящих и черных, в сумерках приближавшегося вечера. И целиком сделанных из металла. В целом картина напоминала свалку лома на дворе у Абсалома, но здесь беспорядок словно обладал каким-то сложным внутренним смыслом.

— Это город! — выдохнул зачарованный Роб.

— Кто его построил? — спросила Марта.

— Механиклы, — угрюмо ответила Эстель.

Она начала мрачнеть с того момента, когда, примерно милю назад, заметила табличку с надписью: «МЯСО, ПОВОРАЧИВАЙ ОБРАТНО». За первой последовали другие, такие же неопрятные, с нацарапанными на них похожими объявлениями: «МЯСУ ХОДА НЕТ» и «МЯСО ТУТ НЕ ЖДУТ».

— Айронхэвен построили брошенные и беглые механиклы, — пояснила Эстель. — В прежние времена не существовало законов о том, как люди должны обращаться со своими ме-

ханическими слугами. И старых механиклов нередко просто оставляли на обочине дороги. Они бродили по округе, пока кто-нибудь другой не подбирал их для использования в своих целях. Или для отправки в утиль.

Роб поежился.

Эстель продолжила:

— Здесь механиклы занимаются тем, что им нравится. Они стали строить дома, и начал расти город. Пока правительство думало, как с ними поступить, сюда переехал Кормьер и объявил Айронхэвен независимым.

Грузовичок проехал мимо очередной таблички: «ПОВОРАЧИВАЙ НАЗАД, МЯСО». Эстель сказала:

— Кормьер запретил настоящим людям входить в город.

— Почему правительство его не остановило? — спросил Джек.

Она пожала плечами.

— Потому что это Филипп Кормьер, величайший инженер. Они не хотели его расстраивать.

— Как это? — спросил Роб.

Эстель посмотрела на Кругляка:

— Иногда, Роб, когда у тебя на руках взбалмошный ребенок, проще всего дать ему то, чего он хочет.

Роб нахмурился и почесал подбородок. После недолгого размышления он кивнул.

По мере приближения к городу дождь усиливался и, наконец, превратился в непроглядную серую стену, а звук отскакивающих от крыши кабины капель стал таким оглушительным, что ездокам приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга.

А Джек любовался вырастающим перед его глазами творением механиклов.

Там были и деревья, но сделанные целиком из металла — с железными стволами, корой из жестяных пластинок и листьями — из медных. Дома, все кособокие и угловатые, казались, громоздились один на другом. И, тем не менее, их кон-

струкция и расположение, на взгляд Джека, имели какой-то смысл. Казалось, что город, несмотря на искусственное происхождение, выросал прямо из почвы.

От созерцания Айронхэвена его отвлекла Эстель. Девушка низко наклонила голову и застонала. Джек повернулся и увидел, как она потирает виски.

— Что с тобой, Эстель?

— Ничего, води машину, — резко ответила она.

Проехали еще немного, но никого не встретили и, наконец, оказались на узкой улочке.

— Остановись! — крикнула Эстель. — Я кого-то вижу.

Дорогу переходило странное существо с длинным телом и паучьими ногами. Кошмарное создание загляделось на грузовик, и Джек, оказавшись всего в нескольких футах, резко затормозил. Он оглянулся на Эстель. Теперь девушка терла лоб.

— Выходим, — скомандовала она.

Все выбрались из грузовичка. Существо вприпрыжку направилось к ним. Даже сквозь шум дождя был слышен скрежет суставов его ног. Джек сделал шаг навстречу местному жителю и спросил:

— Простите, вы не подскажете, где нам найти Филиппа Кормьера?

Он увидел вытянутое, печальное лицо и большие круглые глаза странного существа — но вот рта у него не было.

— Это «немой», — сказала Эстель.

Немой механикл, безмолвствуя, смотрел на них. Он был кривоногий и сгорбленный. Правая рука у него отсутствовала, дождь звонко шлепал по куполообразной медной голове, а бессловесное существо продолжало скорбным взглядом взирать на незнакомцев.

— Что такое «немой», Эстель? — прошептал Роб, не отрывая глаз от чужака.

— Немые не могут говорить. Их используют на фабриках и еще держат в домах люди, которые предпочитают молчаливых слуг. И я начинаю понимать почему.

Джек стрельнул в нее взглядом. Сарказма в отношении Роба он не оценил, но Эстель не обратила внимания на недовольство приятеля. Она снова усиленно терла виски.

Джек подошел к «немому».

— Кормьер. Ты знаешь, где он?

Молчун оглядел Джека с ног до головы. Шея скрипела на шарнирах. Он медленно поднял руку и указал в сторону лачуги на другой стороне дороги. Из ее окон лился мягкий рыжеватый свет.

— Он там? — спросил Джек.

«Немой» опустил руку. Снова оглядел Джека и медленно покачал головой.

— Но...

Рука снова указала на лачугу.

— Думаю, он хочет, чтобы мы пошли туда, Эстель, — сказал Джек.

— Хорошо, — буркнула та и потопала к домишке, при каждом шаге разбрызгивая по сторонам воду из луж. Подойдя ближе, они увидели рядом с лачугой маленькую фигурку. Это была старая кукла ростом не больше фута. Она ходила взад-вперед — потрепанный мокрый чепчик прилип к голове, старое платье все в пятнах — и без умолку твердила: «Ма-ма, ма-ма». На мгновение кукла остановилась, повернула голову и быстро оглядела незнакомцев. Насмотревшись, снова стала ходить вокруг лачуги, повторяя слово «мама».

Эстель приблизилась к двери лачуги. Вообще-то, дверью это на-

звать было трудно — просто лист металла, прислоненный к проему под опасным углом. Марта, разинув рот, гладела на стоявшее рядом дерево. Она вытянула руку и зажала один листик между большим и указательным пальцами. Он был нежный, филигранно выточенный.

— Ах как красиво! — восхитилась она.

— Отойди оттуда, Марта, — хмуро бросила Эстель и грохнула кулаком в дверь.

Джек поморщился от резкого звука удара. Он считал, что можно было бы действовать и помягче, однако с удивлением услышал спокойный голос, доносившийся изнутри:

— Да?

— Мы ищем Кормьера! — громко сказала Эстель.

Ответа не последовало.

— Можно нам войти? — нетерпеливо спросила гостья.

Вдруг из-за двери высунулась мальчишеская голова, да так внезапно, что все отпрянули. Роб отшатнулся назад так сильно, что ему пришлось замахать руками для сохранения равновесия, и только рука внимательного Гриппера предотвратила его падение в лужу.

— Вам известно, что протяженность маршрута «Джон-о'Гротс — Лендс-Энд»¹ шестьсот три мили? — спросил мальчик.

Все молча уставились на обитателя лачуги. Кожа у него была только на правой стороне лица, да и та отслаивалась. Голова была обшарпанная, но глаза — яркие.

— Да, — улыбнулся мальчик.

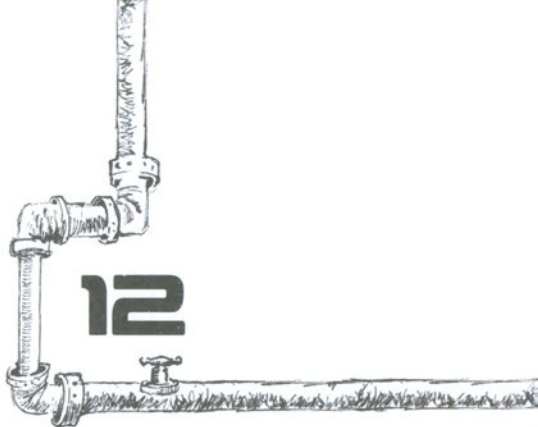
— Что — «да»? — не понял Джек.

— Вы можете войти.

Хозяин посторонился, а Гриппер немного отодвинул вбок металлический лист, чтобы все могли протиснуться внутрь. Самому гиганту Эстель велела остаться снаружи.

---

¹ Джон-о'Гротс — Лендс-Энд — туристический маршрут, пролегающий между двумя крайними точками острова Великобритания на юго-западе и северо-востоке, протяженностью 1407 км. Кстати, название конечного пункта маршрута в переводе означает «Край Земли».

Когда все вошли в лачугу, мальчик обернулся и сказал:

— В озере Лох-Несс пресной воды больше, чем во всех озерах Англии и Уэльса вместе взятых.

— Это очень интересно, — сказал Роб. — Не правда ли? — Он повернулся к остальным.

— Изумительно, — угрюмо согласилась Эстель. Она морщилась и опять терла висок основанием ладони.

— Его здесь нет, — произнес чей-то голос.

Гости стали всматриваться в глубину хижины. Стоявшая на низком столике лампа мягко освещала интерьер, и стало понятно, что голос принадлежал мальчику-механику, находившемуся справа от стола. Этот механик был в сносном состоянии, но вместо двух ног у него было несколько. Плюс на цепочке, наброшенной на шею обитателя лачуги, болтались две одинаковые дополнительные головы — по одной у каждого плеча, — похожие на голову встреченного ими «немого».

Губы Роба беззвучно зашевелились, а указательный палец начал тыкать воздух — Кругляк усердно пересчитывал конечности нового знакомого.

— Я — Сэм Шестиног, — представился многоножка. Потом он указал на мальчика с наполовину ободранным лицом: — А это Билли. Он много знает. Раньше выступал на ярмарках — сообщал людям удивительные факты.

Билли слегка поклонился:

— Известно ли вам, что часовой механизм Биг-Бэна¹ начал работать тридцать первого мая тысяча восемьсот пятьдесят девятого года? — спросил он.

Роб в изумлении покачал головой:

— Но, Сэм, у тебя же только пять ног!

Сэм улыбнулся:

— Раньше было шесть. Надеюсь, шестую мне когда-нибудь приделают заново. — Он указал на голову у своего правого плеча: — А это Тим. — Потом представил другую голову: — И Том. — После чего нахмурился: — Или наоборот? Никак не могу запомнить.

Обе головы возмущенно закатили глаза.

— Ну да ладно, — сказал Сэм, бодро хлопнув в ладоши, — чем мы можем быть вам полезны?

— Мы ищем Филиппа Кормьера, — заговорила Эстель. — Не подскажете, где его найти?

Тут послышалось приближающееся: «Ма-ма, ма-ма», — в лачугу вошла кукла и, не прекращая, начала расхаживать внутри.

— А вот и Дейзи, — с широкой улыбкой представил вошедшую Сэм.

— Филипп Кормьер известен как отец инженерии. Многие считают его величайшим инженером всех времен, — сказал Билли.

Эстель поморщилась.

— Где он?

— В железном доме, — ответил Сэм.

— Ма-ма, ма-ма, — вставила кукла.

---

¹ Биг-Бэн — так называется одна из главных достопримечательностей Лондона: часовая башня Вестминстерского дворца с колокольным звоном.

- Сколько будет шестью шесть? — спросил Роб у Билли.
- Тридцать шесть. — Тот не медлил с ответом.
- Он очень хороший, правда? — с улыбкой сказал Роб

Джеку.

- Я знаю, — ответил Джек.
- Ма-ма, ма-ма.

Этель прикрыла глаза, будто ей было трудно собраться с мыслями:

- А где находится этот железный дом?

Сэм и Билли указали одновременно в двух противоположных направлениях. Дейзи накручивала круги вокруг Этель, терпение которой явно было на исходе.

- Ма-ма.
- Где?.. — начала Этель, но остановилась и скривилась, как от боли.

- Ма-ма.
- Где находится этот...
- На Земле пять океанов, — сказал Билли.
- Ма-ма, ма-ма.
- В какой стороне? — спросила Этель.
- В какой стороне — что? — уточнил Сэм.
- Дом Кормьера! — крикнула девушка.

Тут же в воздух одновременно взлетели две руки. На этот раз они указывали новые направления.

- Ма-ма, ма-ма, — блеяла Дейзи.
- Зачем вам Кормьер? — спросил Сэм.
- Эверест — самая высокая гора в мире, — блеснул эрудицией Билли.
- Ма-ма, ма...

Разъяренная Этель вдруг схватила куклу и вышвырнула ее за дверь. Потом сжала кулаки, села на корточки и заорала:

- ДЕРЕВЬЯ КРИЧАТ!

Наступила ошалелая тишина. Только дождь барабанил по жестяной крыше. Все глаза обратились к Этель. Билли тихо прошептал:

— Столица Китая — Пекин.

Девушка застонала и упала на колени, закрыв ладонями уши. Роб положил руку ей на плечо.

— Этель, что случилось?

— Это деревья, — объяснил Сэм. — Их сделал мистер Кормьер. Они издают невыносимый звук, крик, который слышат только настоящие люди. Вот почему в Айронхэвене живут одни механиклы.

Сэм начал рыться в деревянном ящике, где было накидано что попало, вытащил из него пару затычек для ушей и передал их Этель. Когда девушка подняла взгляд, Джек увидел застывшее в ее глазах страдание. Кожа бедняжки приобрела землистый оттенок, казалось, ее сейчас стошнит. Этель взяла беруши, вставила их — и тут же в ее глазах засветилась благодарность. Складки на лбу наконец разгладились, лицо стало гораздо менее напряженным.

— Нам нужно найти Кормьера! — крикнула Этель. Джек подал ей знак, что она говорит слишком громко, и она понизила голос: — Нам нужно отыскать его дом.

Роб вышел на улицу.

— Я покажу вам, где он, — сказал Сэм, — но должен предупредить, что он не покидал своего жилища уже много лет.

— Почему? — спросил Джек.

Роб вошел обратно, прижимая к себе Дейзи одной рукой. Другой он мягко прикрывал рот куклы, которая продолжала сдавленно повторять: «Ма-ма, ма-ма».

Сэм пожал плечами:

— Никто не знает.

— Даже я не знаю. Квадратный корень из ста — десять, — сказал Билли.

— Мы здесь уже давно, — продолжил Сэм, — и никогда не видели его.

— И до нас были многие, — подхватил Билли.

— Сейчас желающих осталось не так много, — уточнил Сэм, — одни ушли, другие потеряли надежду.

— Надежду на что? — спросил Джек.
— Дождаться, — ответил Сэм.
— Дождаться чего? — уточнила Эстель.
— Ремонта, — объяснил Сэм. Взгляд его намекал, что он не может поверить, будто ему действительно задали такой глупый вопрос. Тим и Том тоже выкатили глаза.

— Мы все здесь ради этого, — сказал Билли.

— Мы пришли сюда, чтобы нас отремонтировали, — пояснил Сэм. — Раньше механиклы притаскивались со всей округи, и Кормьер чинил каждого, кто в этом нуждался. Он был не просто самым знаменитым инженером всех времен. Он на самом деле любил механиклов.

— Его никто не видел уже много лет, но мы все равно ждем. Киты — самые крупные животные, известные человеку, — сказал Билли.

— Отведите нас к нему! — прокричала Эстель.

— Вы знаете дорогу? — спросил Джек.

Сэм кивнул.

— Я смогу туда дойти. Только не просите меня показать направление. Я всегда показываю не в ту сторону, в которую нужно. — Он постучал себя по голове и усмехнулся. — Я надеялся, что этот дефект Кормьер мне тоже поправит.

Дождь слегка приутих. Сэм сказал, что лучше идти пешком, и углубился в тесные боковые улочки. Роб изумлялся тому, как Шестиног передвигается.

— Ты — как сороконожка, — поражался он.

По пути через город к ним присоединялись бродячие механиклы. Некоторые выходили из своих лачуг и следовали за ними темными тенями под дождем. Механиклы будто чувствовали: сейчас что-то произойдет.

Наконец вся компания добралась до улицы, которая выходила на площадь, перегороженную высокой черной стеной с воротами посередине. И стена, и ворота были сделаны из клепаного металла.

— Он там, за воротами, — сказал Сэм, указывая в противоположном направлении.

Эстель подошла к металлической преграде.

— Никто никогда не входил и не выходил оттуда, — предостерег ее Шестиног.

Девушка начала молотить кулаками по железным створкам.

Сэм оторопел. Несколько механиклов шмыгнули по углам, за спинами наших друзей таились их тени. И даже эти тени слегка отпрянули, когда самые храбрые и любопытные из обитателей Айронхэвена увидели, что творит Эстель.

— Я не думаю... — начал было Шестиног.

Но Эстель его не слушала. Она продолжала колошматить в ворота, пока не выдохлась. Девушка остановилась и потеряла натруженные руки, а потом повернулась к Сэму.

— Есть другой вход?

Шестиног покачал головой.

Эстель осмотрела ворота с таким видом, будто прикидывала, есть ли в них слабые места, и обернулась, улыбаясь, как голодная волчица. Она посмотрела на Джека, и тот прочитал ее мысли. Оба устремили взгляды на Гриппера.

Девушка отошла в сторону и махнула рукой на ворота.

— Грип, ты не мог бы?..

Гриппер перевел взгляд с Эстель на Джека. Потом оглянулся на Роба. В полумгле за их спинами тревожно двигались тени.

Гриппер кивнул. Сэм выглядел встревоженным:

— Он что, собирается?..

Гриппер пригнул голову и со всех ног кинулся на ворота. Раздался ужасный грохот. Механический гигант отлетел от железной створки, но в ней осталась крупная вмятина в том месте, куда пришелся удар. Гриппер явно был доволен первым успехом и с энтузиазмом взялся за дело.

Он вцепился своими клешнями в верхний край ворот, и ему удалось отодрать металлическую полосу — словно край

крышки с жестяной банки консервов. Воздух наполнился визгливым скрежетом, Гриппер отрывал от ворот кусок за куском, пока наконец не образовалась довольно большая дыра с рваными краями.

— Славно сработано, Грип! — крикнул Джек.

Челюсти гиганта задвигались, раздался громкий скрипучий звук.

— Верно, Грип. Я бы не смог выразиться лучше, — сказал Роб.

Эстель собрала всех своих приятелей и посмотрела на механиков, скрывавшихся в тени:

— Хотите пойти с нами?

Сэм покачал головой и отступил назад:

— Я здесь уже так давно. Лучше подожду.

Эстель понимающе кивнула.

— Ну тогда пошли! — скомандовала она друзьям и первая полезла внутрь сквозь дыру.

Сразу за воротами обнаружилась дорожка, которая упиралась в угловатое здание, целиком сделанное из металла. Оно напоминало скорее крепость, чем дом. Окна в этом сооружении имелись, но света в них не было. К главному входу вела стальная лестница. Эстель торопливо поднялась по ступенькам. Остальным пришлось бежать, чтобы не отстать от нее. *Кланг-кланг-кланг* — механиклы взобрались наверх. Первой у дверей оказалась Эстель и начала барабанить в нее кулаком. Девушка отбивала дробь добрых две минуты, после чего остановилась — утомленная, бледная; понапрасну растратившая столько усилий, она тяжело дышала.

— Ты все еще слышишь деревья, Эстель? — спросил Роб.

Ответа не последовало. Роб дернул подругу за локоть и прокричал:

— Ты все еще слышишь деревья, Эстель?

Девушка обернулась к нему и кивнула. Джек видел ее лицо. Трудно было сказать, каких капель на нем скопилось больше — дождя или пота.

Эстель снова подняла руку. Джек перехватил ее и сказал:
— Пусть это сделает Гриппер.

Девушка отодвинулась в сторону, и гигант принялся ко-
лошматить по воротам.

БУМ. БУМ.

А в ответ тишина.

Прошла пара минут. Джек кивнул Грипперу. Тот снова по-
стучал.

БУМ. БУМ.

Джек видел, что Эстель буквально скрежещет зубами от
досады и тяжело дышит от напряжения — она замерзла из-за
дождя и, вероятно, все еще продолжала слышать крик деревь-
ев, несмотря на затычки в ушах.

Прошла еще пара минут.

— Может, его нет дома? — предположил Роб.

Джек собирался что-то сказать, как вдруг дверь распахну-
лась, да с такой силой, что Гриппер едва не слетел с лестницы.

— ДА! — гаркнул оказавшийся на пороге мужчина.

Он был высокий, старый и всклокоченный. Растрепанные
седые волосы на макушке торчали во все стороны, по неопрят-
ности с ними могла соперничать только нечесаная борода. Он
был одет в жилет из перекрещенных кожаных полос, кожа-
ные штаны и большие черные сапоги. Руки у старика были
жилистые и на удивление мускулистые для человека такого
возраста. Хозяин окинул пронизательным взглядом голубых
глаз непрошенных гостей и крикнул:

— ЧТО?!

— Мистер Кормьер? — сказал Джек.

— Кто спрашивает?

— Мы, — радостно улыбаясь, ответил Роб.

— Кто это — «мы»? — прорычал мужчина голосом, похо-
жим на влажный раскатыстый гул сходящей с гор лавины.

— Мы — это *мы*, — невозмутимым тоном заявил Роб.

Лицо мужчины исказилось от гнева.

— Убирайтесь прочь, *вы*, — сурово сказал он.

И захлопнул дверь.

Этель мгновение моргала глазами. Потом лицо ее посу-
рело, и она снова начала стучать.

— Мистер Кормьер! Мистер Кормьер!

Дверь вновь распахнулась.

— Что!

Этель яростно фыркнула.

— Значит, это вы.

Кормьер сердито посмотрел на нее, потом оглядел каждо-
го из гостей по очереди.

— Я сказал «уходите», но это, очевидно, не сработало.
Вообще-то, я очень мягкий и вежливый человек с хороши-
ми манерами, поэтому повторяю, но на этот раз представьте,
что я сопровождаю эти слова ругательствами: ПОДИТЕ!
ПРОЧЬ!

И он захлопнул дверь с такой силой, что Джека обдало
порывом ветра.

Этель пришла в ярость. Она снова кинулась на дверь
и закричала:

— Нам нужна ваша помощь, мистер Кормьер! Мы проде-
лали долгий путь, и мы не уйдем, пока не поговорим с вами!

Дождь лил как из ведра, вода потоком текла со ступеней.

Наконец Этель перестала атаковать дверь и молча за-
стыла перед ней, тяжело дыша. Мокрые волосы прилипли к ее
лицу, она сжимала зубы и злобно буравила взглядом металл.

— Он не ответит, — тихо проговорил Джек.

— Тогда мы подождем, — упрямо сказала Этель.

— Давайте ждать в каком-нибудь сухом месте, — предло-
жил Джек.

— Здесь! — указывая себе под ноги, крикнула Этель. —
Мы будем ждать здесь! — Она сердито смотрела на дверь.

Джек вздохнул. «Лучше вернуться и переждать дождь под
крышей с Сэмом и остальными обитателями лачуги, — поду-
мал он. — Очевидно, Кормьер человек недружелюбный, но,
может быть, нам удастся вымотать его». Джек выразительно

посмотрел на остальных приятелей. Механиклы послушались его молчаливого сигнала к отступлению и двинулись к лестнице. Этель яростно мотнула головой и неохотно двинулась за ними.

Только Джек поставил ногу на первую ступеньку, как услышал позади скрип. Он обернулся и увидел, что дверь чуть приоткрылась. Из темноты сверкнул глаз Кормьера. Вид у хозяина дома был недовольный.

— Ты! — позвал он.

Джек огляделся:

— Кто? Я?

— Нет! — рявкнул Кормьер. — Ты, — он указал на Марту и спросил: — Кто это сотворил с тобой?

— Мистер Абсалом, — робко ответила Марта.

— Мистер Абсалом? Кто такой мистер Абсалом?! Нет, погодите, не говорите мне ничего, я сам могу по вашему виду заключить, что он идиот. Совершеннейший и полнейший идиот!

— А ты? — На этот раз он показал на Роба.

Кругляк вопросительно ткнул в себя пальцем.

— Да, ты! Твои волосы — позорище, как и твои ноги! А тело!.. Твои друзья не лучше! Все вы, полагаю, сделаны одним и тем же инженером.

Кормьер, нахмурившись, указал на Марту, Роба, Джека и Гриппера:

— Ты, ты, ты и ты, здоровяк с дурацкой челюстью, — заходите.

— А как же Этель? — спросил Джек.

— Ее я не приглашаю, — ответил Кормьер.

— Почему же? — без тени смущения поинтересовалась Этель.

— Потому что ты — Мясо, а Мясу доверять нельзя, — проговорил Кормьер. — Есть и другая причина. От тебя пахнет химикатами, плавленной кожей. Низкопробное ремесло — вот твоя паразитическая игра, могу поспорить.

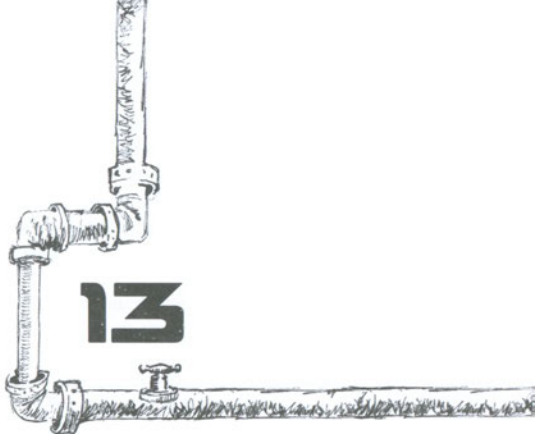
Бледное лицо Этель вдруг вспыхнуло. Кормьер поднял вверх палец и склонил голову набок, будто предупреждая возражения:

— Ни слова! — сказал он.

Джек вопросительно посмотрел на Этель, она кивнула, давая согласие, но вид у нее при этом был сердитый. Кормьер открыл дверь шире. Первым вошел Джек, следом за ним Роб, потом Марта и Гриппер. Кормьер ворчливо предостерег Гриппера, чтобы тот был поосторожнее с его картинами, пока тот пытался, как мог, сжаться, чтобы протиснуться в дверной проем и не снести косяки.

Напоследок хозяин дома бросил презрительный взгляд на Этель и захлопнул дверь.

Джек смотрел, как закрывается дверь.

— Вы так и оставите ее снаружи? — спросил он.

— Да, оставляю, — проворчал Кормьер, не глядя на него, и указал направо: — По этому коридору. В первую дверь, которая вам попадется.

Все посмотрели на Джека.

— Ну, что встали! — рявкнул Кормьер.

Джек двинулся первым, за ним остальные. Внутри дом был таким же металлическим и функциональным, как снаружи. Джек сразу понял, что Кормьер не особенно заботится о том, в какой обстановке живет.

Они протопали по коридору и вошли в просторную комнату. Тут было темно, но гладкие металлические стены слегка поблескивали, и от этого становилось немного светлее. Вдоль стен выстроились книжные стеллажи, однако на их полках стояло больше разнообразных механических приспособлений, чем книг. Значительную часть комнаты занимал стол, но и на нем разместились три ящика со всяким металлическим хламом. Ящики и коробки, набитые кусками металла всех

размеров и форм, были расставлены повсюду, на выцветшем красном ковре виднелись пятна от машинного масла.

Джек собрался было что-то сказать Кормьеру, но тот вдруг с неожиданной горячностью схватил Марту за руку, вывел ее на середину комнаты и со словами: «Ну вот, давай-ка посмотрим» — встал перед девчушкой на колени и выставил вперед руку:

— Подними левую ногу.

Марта послушно начала выполнять просьбу хозяина дома. Но она не могла поднять ногу достаточно высоко, чтобы дотянуться до руки Кормьера.

— Отвратительно, отвратительно, — бурчал инженер. — Похоже, ни одного шарнира. Теперь правую.

Марта попыталась поднять правую ногу: она двигалась лучше, но ненамного. Кормьер покачал головой, будто не верил собственным глазам.

— Преступник! — воскликнул он, повернулся к двери и позвал: — Эгберт! Эгберт!

Потом продолжил осматривать Марту, сердито бормоча что-то себе под нос и время от времени поругиваясь. Джек был ошеломлен, а Роб — совершенно очарован. С легкой блуждающей улыбкой Роб склонился к левому плечу Кормьера. Он подхватывал взрывы негодования Кормьера, издавая восклицания вроде: «Фу-ты ну-ты!» — досадливо покачивал головой и оглаживал подбородок ровно в те же моменты и точно так же, как это делал великий инженер.

— Да, мистер Кормьер! — раздался звонкий голос с порога.

Джек обернулся и увидел довольно тощего и высокого механикла в переднике дворецкого. Голову он имел длинную, цилиндрическую, руки-ноги тонкие, как спички. Кожа у него отсутствовала, и, тем не менее, лицо у механикла было добрейшее из всех, какие Джек когда-либо видел. Дворецкий изящно переплел пальцы в жесте, выражавшем терпеливое ожидание.

— Мне нужно несколько ног, Эгберт, — не оборачиваясь, сказал слуге Кормьер, — и хороших ног. Длинной чуть больше фута.

— Будет исполнено, мистер Кормьер, — отозвался Эгберт.
— И еще принеси чай и машинное масло, — добавил хозяин.

Эгберт слегка поклонился.

— Да, сэр.

— Не забудь про ноги.

Кругляк Роб выпятил губы, одарил дворецкого очень серьезным взглядом и сказал:

— Ноги, Эгберт.

— Хорошо, сэр, — ответил тот и поклонился Робу, потом развернулся и вышел из комнаты.

Глядя ему вслед, Джек нахмурился и сказал:

— Он размером со взрослого.

— Разумеется, — откликнулся Кормьер.

— Но это...

— Незаконно? Ба! Я — Филипп Кормьер. И делаю что хочу, невзирая на законы. Передай мне вон ту коробку с инструментами, — сказал он и махнул рукой.

— Есть, сэр! — отозвался Кругляк Роб и заковылял в указанную Кормьером сторону.

Джек больше не мог ждать. Он начал терять терпение.

— Мистер Кормьер...

Инженер поднял левую руку и заставил его замолчать.

— Ш-ш-ш. Я работаю.

— Да, мистер Кормьер, но...

— Сколько лет этим ногам? — прорычал Кормьер. — Я видел окаменелости, которые были моложе.

Кругляк Роб приснул со смеху. Кормьер сурово посмотрел на него, а потом случилось невероятное. Из глубины горла старика послышался влажный, раскатистый, нутряной рокот, который перешел в отрывистое рыканье, похожее на удары топора по деревянной колоде. Роб, откинув голову назад, громко захохотал. Джеку потребовалось еще несколько мгновений, чтобы понять: Кормьер смеется. Они с Робом покатывались со смеху, и казалось, это может длиться вечно.

Гриппер посмотрел на Джека. Джек — на Гриппера. Оба выглядели одинаково смущенными, но наконец состязание между Робом и Кормьером, кто кого переохочет, стало подходить к концу.

Кормьер погрозил пальцем Кругляку и прорычал:

— Ты мне нравишься. Можешь остаться.

Роб засиял.

Следующие несколько минут прошли для Джека в каком-то тумане. Кормьер занимался Мартой, а Роб подавал инженеру инструменты. Сначала мастер отделил от тела Марты ноги и опустил девчушку на пол. Она выглядела так, будто брела по пояс в воде. Но это ее, похоже, не беспокоило. Марта дружелюбно поглядывала на Кормьера, который недовольно осматривал ее соединения и шарниры.

Эгберт принес ящик с ногами, поставил его рядом с Кормьером и снова исчез. Потом явился с подносом, на котором стояли чайный набор, банка машинного масла и несколько больших стаканов. Он водрузил все это на стол и принялся наливать чай в изящную фарфоровую чашку. Поднес ее Кормьеру, и тот залил в себя ароматный напиток одним жадным глотком, продолжая разбирать на части одну из ног Марты с помощью гаечного ключа. Инженер вытер рот предплечьем и отдал чашку Эгберту, который аккуратно принял ее и вернул на поднос.

— Не забудь о гостях, — буркнул Кормьер.

Эгберт налил масло в четыре стакана и, поставив их на маленький серебряный поднос, стал обходить комнату. Предложил один Робу, который принял подношение и начал пить, отставив в сторону мизинец.

— Очень вкусно, Эгберт, — сказал он.

Дворецкий протянул другой стакан Марте, еще один — Грипперу, который посмотрел на него и заглотил одним махом содержимое вместе с сосудом.

Эгберт предложил напиток и Джеку. Тот тупо уставился на стакан и поднос.

— Премиум-класс! — с широкой улыбкой прорекламировал дворецкий.

Джек взял стакан. Эгберт ободряюще смотрел на механика. Тот начал пить, и улыбка на лице дворецкого стала шире.

— Надеюсь, вам нравится, сэр, — сказал он.

Потом Эгберт поставил оставшиеся стаканы на поднос и выплыл из комнаты с грацией, которой трудно было ожидать от столь неуклюжего на вид существа.

— Ну вот. Все сделано, — воскликнул Кормьер и встал.

Теперь у Марты были две ноги одинаковой длины. Она восхищенно разглядывала их.

— Покружись-ка, — предложил Кормьер, очертив в воздухе круг указательным пальцем.

Марта послушалась. Джек хотел было подстраховать ее от падения, что частенько бывало, но буквально замер на месте, увидев, какие изящные пируэты совершает неловкая прежде девчушка. Марта остановилась и вдруг сделала реверанс. Гриппер и Роб заплодировали. Кормьер подбросил гаечный ключ, так что тот перевернулся в воздухе, и ловко поймал его. Потом указал на Робя:

— Ну, давай. Теперь твоя очередь.

Роб вразвалочку пошел вперед, но остановился, услышав взволнованный голос Джека:

— Прошу вас, мистер Кормьер! — умолял он.

Кормьер, прищурившись, глянул на него одним глазом:

— Что? Что такое? Тебе тоже нужно что-нибудь подправить? Если присмотреться, голова как будто сидит не очень правильно. Подойди сюда, и я...

— Нет! — крикнул Джек.

Кормьер слегка оторопел от такой бурной реакции механика.

— Мы пришли сюда, чтобы попросить вас о помощи! — сказал Джек.

— Помощи в чем? — с подозрением спросил Кормьер.

— Наш друг... — начал Джек. — Дело в том, что... Мы нашли одно из ваших оригинальных творений!

Кормьер мгновение глядел на него, потом презрительно фыркнул, откинул назад голову и снова не то зарычал, не то захохотал.

— Чепуха! Тут все, что у меня осталось, до последнего кусочка. Мои творения — они все под этой крышей.

Джек встал прямо перед Кормьером:

— Это неправда.

Инженер был удивлен и одновременно рассержен:

— Кто ты такой, чтобы говорить мне, что правда, а что нет?

— Меня зовут Джек, если вы об этом спрашиваете. Я и мои друзья пришли сюда в надежде, что вы поможете нам найти нашего друга, который является одним из ваших творений.

— Ну и ну, — сказал Кормьер, насмешливо изгибая бровь. — Неужели я потерял кого-то, сам того не заметив? Так скажите мне, что случилось с вашим другом?

— Его забрало Агентство.

Кормьер мгновение разглядывал Джека, потом хохотнул и огладил бороду.

— Ну что ж, тогда вам лучше поговорить с Агентством, или я не прав?

Он отвернулся, притворяясь, что осматривает Роба, но Джек понимал, что пробился сквозь броню старика: перед тем как Кормьер отвел взгляд, в его глазах промелькнул огонек сомнения.

— Мы не можем разговаривать с Агентством, ведь мы механиклы, вы сами это знаете, — сказал Джек.

Кормьер пожал плечами и хмыкнул.

— Мне бы хотелось иметь брови, — сказал Роб. — Новые. Такие, чтоб не отпадали. С которыми я буду выглядеть особенным. Может быть, заостренные на кончиках, тогда я смазывал бы их маслом для волос и делал еще тоньше, как настоящий джентльмен.

Кормьер изучал коленные суставы Роба, но вдруг резко поднял голову.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что хотел бы иметь другие брови...

— Нет, после этого, ты сказал, что хотел бы быть как...

— Настоящий джентльмен. — Роб улыбнулся.

— Мы не используем это слово в нашем доме, — тихо проговорил Кормьер.

— Какое? «Джентльмен»?

— Нет, — буркнул инженер. — Слово на букву «эн».

Он снова принялся осматривать суставы Роба. Кругляк удивленно посмотрел на Джека. Тот нахмурился.

— Вы можете остаться на ночь, но только на одну, — тихо сказал Кормьер. Голос его теперь звучал по-другому — мягче, и в нем не слышалось агрессии. Джека смутила эта внезапная перемена настроения. — А потом можете идти своей дорогой, — добавил инженер, махнув гаечным ключом.

— А как же Эстель? — спросил Джек.

— Какая Эстель?

— Девушка, которую вы не пустили в дом.

— Мясо? Мясо останется за дверью! — сказал Кормьер, вдруг обозлившись на Джека: природная вспыльчивость характера взяла свое.

Но и Джек почувствовал прилив чего-то темного и злого:

— Эстель, — сказал он. — Ее зовут Эстель.

Сам того не замечая, Джек сделал шаг к Кормьеру. Тот оглядел механикла с головы до ног.

— Кроме того, вы сами — мясо! Чем вы отличаетесь? — спросил Джек.

Кормьер засопел:

— Я — особенный.

Джек не сводил с инженера сердитого взгляда.

— Ну хорошо. Она может войти. На одну ночь. Но после этого вы все отправитесь восвояси. — Инженер нахмурился. — Мне интересно, как вы добрались сюда?

— Приехали на машине, — ответил Роб. — То есть нас привез Джек. Он умеет водить. У него даже есть специальные водительские ноги.

Кормьер с отвращением посмотрел на ноги Джека и покачал головой.

— Кто приделал их тебе?

— Я сам, — сказал Джек.

Инженер отвернулся, бормоча что-то себе под нос, а потом прорычал:

— Одна ночь, — ни к кому в отдельности не обращаясь.

Он подтянул несколько винтов и гаек на теле Роба, потом перешел к осмотру Гриппера, почесывая седую голову и изрыгая проклятия. После этого вывел всех обратно в коридор и скомандовал:

— Вверх по лестнице, слева — комната. Переночуете там.

Когда Кормьер открыл входную дверь, Эстель сидела на верхней ступеньке лестницы, лицом к городу, прижав колени к подбородку. Дождь продолжал лить серой сплошной стеной.

— Эй, Мясо, — сказал Кормьер.

Джек скрежетнул челюстью и злобно впился взглядом в спину инженера.

Эстель так и не вынула из ушей затычки, поэтому Кормьеру пришлось ткнуть ее носком ботинка. Девушка обернулась и посмотрела на него убийственным взглядом. Кормьера это не впечатлило.

— Заходи, — бросил он ей, держа дверь приоткрытой.

Эстель встала и осторожно шагнула ко входу, злобно поглядывая на хозяина. Кормьер выставил вперед ладонь и сделал ей знак остановиться прямо перед дверью.

— Ах, ах, с тебя натечет воды мне на пол. Встряхнись хорошенько.

— Я не собака, — сказала Эстель. Кормьер приподнял бровь. Девушка вздохнула и нехотя встряхнулась. Кормьер что-то проворчал и посторонился.

Войдя в дом, вымокшая гостья одарила хозяина еще одним презрительным взглядом, который тот проигнорировал.

— Деревья, — сказала она.

— А что с ними? — осклабился Кормьер.

— Они кричат, — пояснила Эстель.

Инженер опять что-то пробурчал и подошел к черной коробке, прикрепленной к стене прямо у двери на высоте человеческого роста. Он щелкнул переключателем, и настроение Эстель немедленно изменилось. Девушка опустила плечи и издала вздох облегчения, расслабила мышцы лица и вынула из ушей затычки. Кормьер повернулся к Джеку и остальным:

— Эти деревья я сделал сам. Они издают звуки такой частоты, которую может слышать только Мясо. Люди всю жизнь ныли мне в уши, так что сам я к этому звуку привык, но незваных гостей это держит на расстоянии. — Он посмотрел на Эстель. — Обычно.

Кормьер оглядел девушку с головы до ног и шмыгнул носом.

— Твои друзья были очень милы и заступились за тебя. Я же тебе не доверяю. Буду благодарен, если ты не будешь выходить из комнаты наверху. Там есть постель. Она твоя на эту ночь.

Он развернулся и обвел взглядом незваных гостей:

— И я хочу, чтобы утром все вы ушли.

Кормьер пошел по коридору и крикнул:

— Эгберт!

Тот появился в проходе, двигаясь так плавно, будто катился на роликах.

— Проводи всех этих в свободную комнату наверху, — распорядился Кормьер, махнув большим пальцем себе за плечо.

— Да, сэр, — отозвался слуга.

Эгберт подплыл к лестнице и грациозно выставил руку, показывая гостям путь. Джек сделал знак друзьям следовать за ним. Когда Эстель оказалась нос к носу с Эгбертом, она кисло и недоверчиво взглянула на него. Дворецкий улыбнулся.

Все стали подниматься. Ступеньки лестницы были сделаны из прочного металла, однако стоило ступить на них Грипперу, как они мучительно застонали. Тем не менее, подъем завершился без неприятностей. Комната оказалась пустой, за исключением кровати с продавленным матрасом.

— Мадам понадобятся постельное белье и одеяло? — спросил Эгберт.

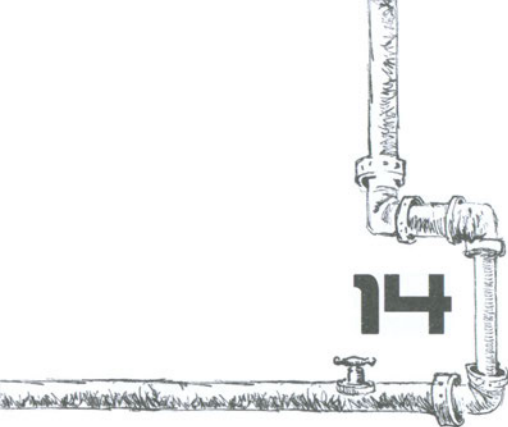
— Мадам они понадобятся, — ответила Эстель.

Слуга исчез. Они молча стояли в комнате и осматривались.

— Итак, будем честны. Он не собирается помогать нам, так? — проговорила Эстель, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ей не ответили.

На рассвете Кристофера доставили в лабораторию, где его ждал Блейк. После того как Ривз ушел, инженер попросил его сесть. Недоброе чувство разлилось в груди Кристофера, когда он устраивался в кресле.

— Что ты помнишь из своего прошлого? — дружелюбно и непринужденно спросил Блейк.

Кристофер недоуменно взглянул на него:

— Что помню?

— Я хочу, чтобы ты подумал о своем прошлом.

-- Зачем?

Блейк улыбнулся.

— Развлеки меня.

Кристофер посмотрел на хозяина лаборатории с подозрением. Этот человек явно что-то замышлял, но пока иного выбора, кроме как подчиниться, у пленника не было. Может, если он поможет Блейку, тот позволит ему вернуться к друзьям. Кристофер понимал, что эта мысль навеяна отчаянием, но уцепился за нее, как утопающий хватается за плавающий

на воде обломок. Он сглотнул, прикрыл глаза и попытался сконцентрироваться:

— Я помню...

Язык пламени лизнул воздух перед ним, и Кристофер почувствовал першение в горле от едкого дыма. Он открыл глаза, сердце сжалось в груди. Нет, об этом Блейк от него не узнает. Даже думать о таком невозможно — слишком болезненные воспоминания.

— Сиротский приют. Я помню приют, — сказал мальчик.

— Что ты помнишь о приюте? — спросил Блейк.

— Все помню, — ответил Кристофер. — Уроки. Няню миссис Джессап. Сторожа мистера Дженкинса.

— А до того?

Кристофер раскрыл рот, но не знал, что сказать. В глубине его ума мерцал один только огонь и ничего больше.

Блейк заговорил неожиданно мягким, полным сочувствия голосом:

— Твои воспоминания о прошлом, о приюте — все они не-реальны.

Кристофер почувствовал, как внутри него поднимается горячая волна паники. На лбу вдруг выступил пот.

— Но я помню, — возразил он. — Няню миссис Джессап. Сторожа Дженкинса.

— А до того?

И опять он не знал, что сказать.

— Мне очень жаль, Кристофер, — посочувствовал Блейк с выражением искренней симпатии на лице. — Я спрашиваю лишь потому, что нам нужно разобраться в твоём прошлом, чтобы мы могли изменить будущее.

Кристофер покачал головой, сомнения продолжали терзать его, внутри все сжималось от панического ужаса.

— Но... вы говорите глупости. Как могут воспоминания быть фальшивыми? Я хочу домой. Хочу пойти домой сейчас же!

Блейк вздохнул и раздраженно помотал головой.

— Ох, Кристофер, Кристофер. Мы здесь пытаемся раскрыть секрет. Твои воспоминания искажены, чтобы скрыть какую-то тайну. — Блейк горько усмехнулся. — Мне однажды сказали, что секреты становятся секретами не просто так. Но я не склонен этому верить. По-моему, секреты предназначены для того, чтобы их раскрывали. Как зарытые сокровища.

— Вы говорите, «что-то скрыть». Но что? — спросил Кристофер.

Блейк протянул руку к столу у себя за спиной и достал из жестяной коробки маленький прямоугольный кусочек металла. Инженер показал его Кристоферу с обеих сторон.

— Что ты видишь?

— Кусок железа.

Блейк запустил руку в нагрудный карман и извлек из него металлический стержень вроде ручки для письма. С его помощью он начал выводить на металлической пластинке какие-то знаки. Закончив, поднял ее вверх. Кристофер увидел нацарапанные на ней символы. Какое-то время они светились мягким белым светом, который потом угас, и на металле осталась изящная надпись, созданная Блейком.

— А теперь что ты видишь? — спросил он.

— Глифы.

Блейк улыбнулся.

— Очень хорошо, да, глифы. — Хозяин лаборатории слез со стула и стал копать в другой большой коробке на столе.

Когда он обернулся к собеседнику, то держал в руке маленькую куклу-марионетку. Головка у нее была гладкая, без лица. Блейк начал аккуратно выпцарапывать на кукольном черепе крошечные значки.

— Секрет глифов в их комбинации. Различные сочетания дают разные результаты, получаются отличные друг от друга характеры и прочее, а вариаций существует великое множество. Есть основные наборы глифов и дополнительные. Некоторые из дополнительных можно использовать для создания воспоминаний. Вот твои друзья не нуждаются в воспомина-

ниях. Они приходят в мир с памятью как чистая доска, как эта кукла.

Блейк сложил губы трубочкой и сдул с головы марионетки тончайшие металлические стружки, потом накрыл ее ладонью, смежил веки и что-то прошептал. Под его рукой на мгновение вспыхнул и погас свет.

Прошло несколько секунд, ступни марионетки задержались. Блейк улыбнулся и поставил куклу на стол. Ноги у нее подкосились, но она устояла и начала, подергиваясь и спотыкаясь, ходить по столу. Наконец ее походка стала ровной, ритмичной.

— Стоп, — скомандовал Блейк.

Марионетка остановилась.

— Сядь.

Кукла села на край стола, опустив руки по бокам.

Блейк улыбнулся и развел руками:

— Вуаля! Рудиментарное состояние. Базовая система оживлена в простейшей форме.

Инженер, казалось, был искренне доволен результатом. Глаза у него сияли, как у маленького ребенка.

— Не перестаю удивляться этому, — сказал он. — Ну да ладно, за работу.

Он снова взял инструмент в форме ручки, подошел к Кристоферу и встал рядом с его головой. Нажал какой-то рычаг, и спинка кресла начала отклоняться назад. Вместе с ней пошел под уклон и Кристофер. Он опять запаниковал и попытался удержаться в вертикальном положении.

— Ш-ш-ш, — шикнул Блейк и мягко, но решительно надавил рукой на грудь «пациента».

Встав позади Кристофера, хозяин лаборатории положил ему на лоб, прямо под линией роста волос, свою ладонь.

— Ты, вероятно, слышал, как мистер Ривз упоминал о какой-то штопке. Штопка — это процесс, требующий немало мастерства. Механиклов высокого класса можно штопать и перештопывать много раз, чтобы подогнать под нужды вла-

дельца. Лучший способ объяснить, что такое штопанье, — это продемонстрировать процедуру на практике.

Блейк поднес к глазам Кристофера кусочек металла. С близкого расстояния можно было лучше оценить тонкость и изящество, с какими были выведены надписи на поверхности пластинки.

— Это заплатка, — объяснил Блейк. — Причем необычная, потому что я дополнил ее особыми глифами.

Блейк сильнее нажал на лоб Кристофера:

— С твоего позволения.

Кристофер не считал, что в его положении разумно возражать. Ему к тому же было любопытно. Он кивнул, как мог, учитывая, что к его лбу была плотно прижата рука инженера.

Блейк приподнял челку Кристофера, слегка дернул ее, и вдруг волосы стали отделяться от головы. От удивления Кристофер изогнулся и вывернул шею.

— Это стандартная процедура, — пояснил инженер и улыбнулся почти виновато. — Откинься назад.

Кристофер попытался расслабиться. Он сфокусировал взгляд на потолке и почувствовал, что Блейк поднял руку и прижал к его черепу заплатку. Раздался негромкий щелчок, возникло впечатление, будто голова стала чуть тяжелее. Блейк вернул волосы Кристофера на место.

— Ну, — сказал инженер.

— Что — «ну»? — не понял Кристофер.

— Помнишь пикник, когда тебе было пять лет? С тобой еще был Рыжик. Твой пес.

Кристофер сдвинул брови:

— Я никогда не был на пикнике и совершенно точно у меня не было со...

Вдруг вспыхнул золотой свет, появился теплый запах свежей травы. Кристофер очутился на склоне холма, который возвышался над соседними, купавшимися в солнечных лучах. Он сидел на одеяле. Рядом лежали остатки бутербродов. Сбоку — бутылка лимонада. От одного взгляда на нее на языке

возникли знакомый вкус и ощущение лопающихся пузырьков газа. Он вспомнил этот ароматный взрыв во рту после большого глотка и то, как он зажмурил глаза от яркости голубого неба и солнца. И услышал лай — это Рыжик с тявканьем радостно несется к нему, вывесив из пасти язык, а его красновато-коричневые уши хлопают на ветру. Рыжик — его собака, бежит к нему, приближается...

... Кристофер вытянул руки.

Вдруг раздался щелчок, за ним — противный свистящий звук. Мир снова стал серым, и Кристофер обнаружил, что сидит все в том же кресле с откинутой назад спинкой. Боль от утраты была почти невыносимой, он дернулся вперед и прижал кулаки к груди, выдохнув:

— Что это было?

— Кристофер...

Мальчик сполз с кресла и бесформенной грудой свалился на пол, прокричав:

— ЧТО ЭТО БЫЛО?!

— Прости, но это был самый простой способ показать тебе, — сказал Блейк.

Кристофер оперся рукой о сиденье. Чувство утраты рассеивалось, он все еще видел Рыжика, но боль от укола грусти, такого острого, ослабевала. Он словно очнулся от похожего на явь сна, когда пережитая в сновидении эмоция переносится в мир бодрствования и ты переживаешь ее, пока она не изгладится, как поднятая легким ветерком рябь на воде.

— Мне жаль, — сказал Блейк, — прости меня.

— Это был сон?

Инженер покачал головой.

— Нет, это было воспоминание. — Он нахмурился и погружился в задумчивость. — Или, по крайней мере, его имитация. — Блейк поднял вверх металлическую пластинку, зажав ее между большим и указательным пальцами. — На этой заплатке написано то, что ты называешь воспоминаниями. Если встроить ее в голову механикла, у него создастся ил-

люзия, будто он имеет какое-то прошлое. Как тебе известно, некоторые покупатели ищут механиклов, которые могли бы заменить им детей. Иногда такие клиенты считают необходимым, чтобы купленное приспособление обладало некоторыми воспоминаниями об их семье. Первый день в школе. Происшествие с укусом пчелы, когда ребенка утешали родители, — и все в таком роде.

Кристоферу стало тошно. Ему не нравился тон Блейка — инженер будто читал публичную лекцию, упиваясь собственным величием. «Лектор» взглянул на слушателя, стараясь изобразить озабоченность, но в его глазах было кое-что еще — пустота бессердечия. Подросток понял: для Блейка он всего лишь расходный материал, средство достижения каких-то своих целей.

— Ты в порядке? — спросил инженер.

Кристофер потер лоб. Он вдруг почувствовал такую усталость, будто на его плечи лег тяжкий груз.

— Значит, мои воспоминания — вовсе не мои воспоминания?

— В том-то и дело, что мы не знаем этого наверняка. Кое-что из того, что ты считаешь воспоминаниями, вполне может являться таковыми. А что-то, увы, нет.

Вдруг Кристофер увидел свою мать. Мука в волосах. Улыбка. В груди снова возникла боль, на этот раз более сильная, и он знал, что так просто она не отступит.

— Как же мне понять, что произошло на самом деле, а чего не было? Как разобраться, где реальность? — всхлипнул Кристофер.

Блейк сделал шаг к своему подопечному и положил руку ему на плечо.

— Ничего, дружище. Мы во всем разберемся. Я обещаю.

Лицо инженера потеряло четкость очертаний и заколебалось — так показалось Кристоферу сквозь пелену слез.

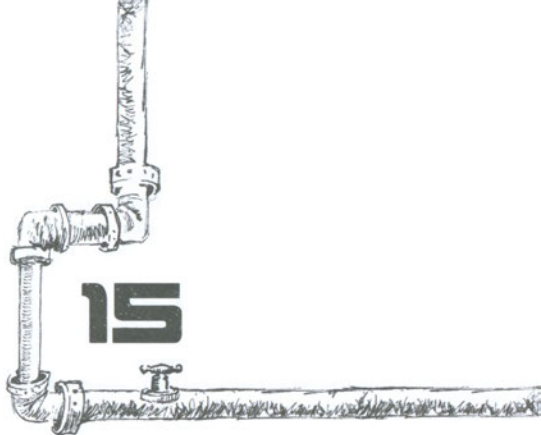
«Неужели я способен плакать?» — вновь подумал он. Сама эта возможность сейчас воспринималась как насмешка.

Блейк усадил его обратно в кресло. Кристоферу стало стыдно — его сотрясали конвульсивные всхлипы. Раньше он испытывал желание сбежать, но теперь понял: в этом нет смысла. Ему захотелось остаться. Любопытно было узнать, какие из его воспоминаний подлинные, а какие нет. Любопытно и страшно.

— Вероятно, это будет долгий процесс, — мягко предупредил Блейк. — Тебя немного подштопали. Нам нужно отделить фальшивые воспоминания от настоящих. Придется покопаться в них.

Кристофер кивнул и, утерев нос рукой, изо всех сил постарался выпрямить спину, пока Блейк осматривал его череп. Он смотрел в потолок, размышляя о том, как изменилась его жизнь и что в ней было правдой, а что ложью.

Джек наблюдал за Этель. Девушка с недовольным видом сидела на кровати. Пальто она так и не сняла, руки держала засунутыми глубоко в карманы. Механикл видел запачканные грязью подошвы ее ботинок: она не разулась, даже когда легла спать.

Сквозь окно в комнату проникал тусклый свет раннего утра. Кругляк сидел в углу. Марта, Джек и Гриппер прислонились к дальней стене.

— Ты о чем-то думаешь, Этель? — спросил Роб.

— Да, — ответила Этель.

— Я так и знал, — сказал Роб. — Я догадался, потому что ты сделала такое хмурое, думающее лицо. У меня плохо получается хмурое, думающее лицо, потому что на нем нет настоящей кожи, как у тебя. Но когда я хочу, чтобы люди думали, будто я погружен в размышления, то иногда поглаживаю подбородок, вот так.

Кругляк прищурился и изобразил, как он трет подбородок большим и указательным пальцами.

— Тогда окружающие могут догадаться, что я задумался. И если им хочется попросить у меня совета, они знают, что это самый лучший момент. Ведь я могу думать о чем-нибудь полезном, понимаете. Например, о том, как...

— Роб, — прервал его Джек, — это не помогает.

Кругляк с разочарованным видом убрал руку от подбородка и повернулся к Эстель:

— О чем ты думаешь?

— О том же, о чем думала вчера. Думаю, что Кормьер нам не поможет, — ответила она, глядя в стену.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джек, изо всех сил стараясь притвориться, будто не верит в горькую правдивость слов Эстель. — Он может передумать.

— Разве не ты говорил, что он отказался нас поддерживать? — сказала Эстель, глядя на него едва ли не с жалостью.

— Мы можем уговорить его, — возразил Джек.

Эстель покачала головой и фыркнула.

Джек резко вскочил на ноги:

— Ну и что тогда прикажешь нам делать? Хочешь все бросить и оставить Кристофера в Агентстве?

Услышав, каким резким тоном Джек сказал это, даже Гриппер повернулся и изумленно взглянул на него.

— Нет, конечно нет, — поспешно ответила Эстель, вставая с кровати.

— Вот и хорошо, — сказал Джек, как будто этого было достаточно для решения всех проблем.

Однако Эстель так не считала, она собралась крикнуть что-то еще, как вдруг ее прервал бодрый звонкий голос:

— Хотите каши? Или, может быть, вареных яиц и копченой селедки?

Все обернулись и увидели стоявшего в дверях Эгберта. Кончики его пальцев были деликатно соединены в вежливом, почти молитвенном жесте. При этом дворецкий улыбался от уха до уха.

— Что?! — рявкнула Эстель.

— Я интересовался, не желает ли мадам каши на завтрак, или, может быть, вареных яиц с копченой селедкой.

Эстель злобно посмотрела на дворецкого.

— Может быть, мадам желает и того, и другого? — ничуть не смутившись, продолжил слуга. — Добавить ли меда к вашей каше? И еще могу ли я предложить...

— Нет, не можете, — сказала Эстель. — И я мисс, а не мадам¹. Разве мистер Кормьер не обучил вас манерам? Естественно, нет, забудьте, что я говорила. Мистер Кормьер и манеры — эти слова несовместимы в одном предложении.

Эгберт продолжал улыбаться, и это еще больше разозлило девушку.

— Передайте мистеру Кормьеру, что не нужно изображать заботу о нас. Я не считаю его заботливым человеком. А вот мой приятель Джек, кажется, считает.

Джек стиснул челюсти.

— Я только предположил...

— Что? Что мы падем ниц и будем умолять его, так что ли, Джек? Он не собирается нам помогать, почему ты никак не возьмешь этого в свою металлическую башку?

Джек шагнул к Эстель.

— Не смей...

— Мистер Кормьер действительно иногда бывает заботливым, — сказал Эгберт.

— Тебя никто не спрашивает, щепка. Лучше заткнись! — заорала Эстель.

Эгберт улыбался. Джек начал кричать на Эстель, она — на него. Крики становились все более яростными, наконец уже невозможно было различить, кто на кого кричит и что они говорят. Вдруг в общий гвалт влился еще один голос:

— Я СКУЧАЮ БЕЗ КРИСТОФЕРА!

Все взгляды обратились на Кругляка Роба. Он стоял в центре комнаты, с бунтарским видом сжав кулаки.

---

¹ Мисс — обращение к незамужней женщине, мадам — к замужней.

— Я скучаю без Кристофера, — повторил он, свирепо глядя на своих разругавшихся приятелей. — И мы не должны ссориться. Нам нужно постараться найти его.

Джек обернулся и посмотрел на Эстель. Она с виноватым видом потупила взгляд.

— Это просто, — продолжил Роб, — нам только нужно сделать все, что мы можем, потому что он наш друг. Мы перед ним в долгу. Он бы никогда не оставил нас в беде.

Джек улыбнулся и одобрительно кивнул. Кругляк гордо выпрямился и немного подвигал руками и ногами, чтобы снять напряжение.

— Давайте кашу, — со вздохом произнесла Эстель, поворачиваясь к Эгберту.

Дворецкий поклонился.

— Хорошо, мадам.

Вслед за Эгбертом все строем спустились вниз по лестнице. Кормьера нигде не было видно. Дворецкий бегло проинформировал их, что «мистер Кормьер присоединится к нам после завтрака», и провел всех в столовую, где стоял стол такой величины, будто за ним обедал великан. Эстель села, сгорбившись и зажав руки меж колен. Джек подумал, что она сейчас выглядит вдвое младше своего возраста, и впервые заметил, что ее злость на самом деле — маска, под которой скрывается страх. Она переживала за Кристофера так же, как все они, и именно беспокойство стало причиной ее раздражительности.

Механиклам Эгберт подал масло, и они приняли угощение с благодарностью. Все разместились за столом, за исключением Гриппера. Гигант остался стоять у двери, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

Джек почти ощущал трескучее напряжение, висевшее в воздухе. У них оставался последний шанс уговорить Кормьера помочь им, прежде чем великий мастер вышвырнет их из своего дома. На плечах Джека лежала большая ответственность, и он это чувствовал. Любой ценой нужно было

добиться содействия Кормьера ради спасения Кристофера. Роб вовремя напомнил им об этом, и Джек обернулся, чтобы поблагодарить его.

И только тогда он заметил, что Кругляк исчез.

Кругляк Роб всегда отличался привычкой совать нос не в свои дела, как говорил мистер Абсалом. Он неизменно проявлял любопытство ко всему на свете и имел склонность внезапно пропадать, когда и куда бы они ни отправились.

Этим утром, когда они шли по коридору в доме Кормьера, Кругляка потянуло на старое. Приступ любопытства охватил его, как только вся компания покинула комнату наверху. И в какой-то момент Роб обнаружил, что стоит и смотрит по сторонам, пока его приятели во главе с Эгбертом удаляются.

Оглядываясь в поисках чего-нибудь интересненького, Роб вдруг услышал тихое постукивание.

Звук доносился откуда-то справа. Роб повернулся в ту сторону. Будь у него сердце, оно бы сейчас подскочило и заколотилось от радости. Кругляк увидел приоткрытую дверь, которая вела в другую часть дома.

— Что это? Кто там? — спросил он.

Постукивание раздавалось снова, будто крошечные ножки топтали по металлу. Роб не мог удержаться. Он бросил последний взгляд на приятелей, скрывавшихся за поворотом коридора, и проскользнул в дверной проем.

Коридор, в котором теперь оказался Кругляк Роб, был узким и мрачным. Обе стены были отделаны старыми серыми панелями. В таком странном месте Робу бывать еще не доводилось. Проход извивался зигзагом, потолок коридора становился то выше, то ниже. Судя по звукам над его головой, какие-то невидимые в темноте существа спешно разбегались по углам. Роб двигался вперед, ощущая щекочущее возбуждение. Страшно ему не было. Кругляк Роб вообще редко чего-нибудь

пугался. Он считал мир осмысленным местом и разумно полагал, что из любого затруднения, как правило, имеется какой-нибудь простой выход.

Так же он относился и к тому, что от них забрали Кристофера. По мнению Роба, вернуть друга можно было так же легко.

Он скучал по Кристоферу, чувствовал тоску где-то в глубине своего существа. Но это было другое чувство, совсем не похожее на жгучее любопытство, которое толкнуло Кругляка идти туда, откуда доносился странный звук. От тоски становилось холодно, одиноко и пусто, как будто от тебя отрезали какую-то часть и нужно было найти ее и приставить обратно.

Роб подошел к открытой двери слева от себя: топотание, кажется, доносилось именно из этой комнаты. Комнатка была маленькая, не больше чулана с небольшим грязным оконцем, какие обычно пристраивают сзади к сельским домам. На полу громоздились автомобильные аккумуляторы и обломки металла. Роб немного подождал, но топота больше не было слышно, и он уже готов был развернуться и уйти, как вдруг на подоконнике что-то шевельнулось.

С подоконника, на кучу валявшихся на полу болтов и гаек, упала маленькая медная пластинка. Существо, которое толкнуло и уронило кусочек меди, пытаясь слезть с окна, выглядело как серый диск размером с человеческий кулак, с шестью паучьими ножками и со сверкающими черными глазками. Странное создание скребло острыми, как иглы, кончиками лапок по стеклу, и от этого возникал скрипучий, царапающий слух звук. Роб шагнул вперед и помахал рукой:

— Привет.

Паучок резко развернулся и глянул на Кругляка глазами-бусинками. Его членистые лапки задрожали.

— Я — Кругляк Роб. Я друг.

Паук смотрел на незваного гостя с подозрением. Роб снова пересчитал его лапы и напомнил себе, что у пауков их, вообще-то, восемь. Насекомые обычно шестилапы — например,

мухи, а пауки мух едят. Так, может, этот «недопаук» боится быть съеденным? Кругляк Роб оглянулся через плечо, будто ожидал, что оттуда в любой момент может появиться другой — огромный металлический паучище.

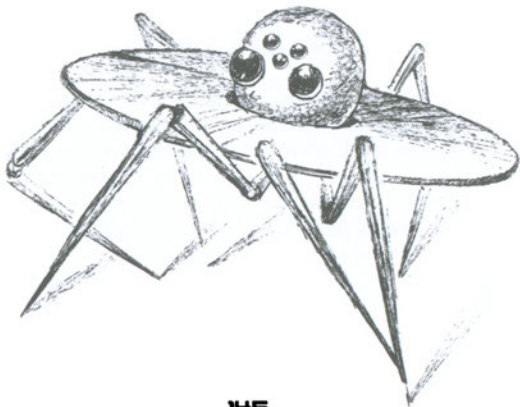
Убедившись, что там никого нет, он снова повернулся к пауку. «Или *не-пауку*», — напомнил он себе. Немного поразмыслив, Кругляк решил, что называть его *не-пауком* не стоит. К тому же это существо вообще не походило ни на одно известное Робу насекомое, поэтому Кругляк принял самое логичное из всех возможных решение и дал ему имя Джордж.

— Джордж, иди сюда, мальчик мой, — сказал он.

Существо присело на две задние лапы и стало аккуратно перетирать воздух перед собой двумя передними, будто проверяло, насколько он плотный. Кругляк Роб воспринял реакцию недопаука на новое имя как добрый знак, подошел ближе и выставил вперед предплечье. Лапки Джорджа пощелкивали и совершали медленные круговые движения в воздухе, потом они нерешительно прикоснулись к руке Роба.

— Давай, Джордж, — с улыбкой проговорил Кругляк.

Недопаук поставил две лапки на предплечье Роба, потом четыре, потом все шесть, — поглядывая на нового приятеля

сверкающими глазками. Кругляк хохотнул от удовольствия. Затем Джордж, явно очень довольный, пробежал вверх по руке Роба и уютно устроился под его подбородком. Кругляк захихикал, развернулся и вышел из комнаты.

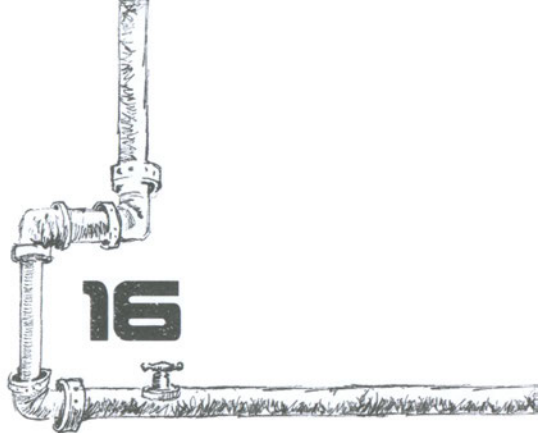
— Посмотрим, что еще мы тут найдем, — сказал он своему новому другу.

Новая находка не заставила себя ждать. В пяти футах по коридору, справа, была еще одна дверь. Она тоже была не заперта, и — Роб есть Роб — он просто толкнул дверь плечом и спокойно вошел внутрь.

Комната оказалась просторной и на удивление опрятной. Тут были большая кровать, платяной шкаф, туалетный столик. На высокой подставке у кровати балансировали тазик и кувшин для умывания. Роб внимательно осмотрел помещение, скосил глаза вправо...

И тут он обнаружил самую удивительную вещь на свете!..

Джек следил за тем, как Эстель полирует дно второй тарелки каши.

Поймав на себе взгляд механикла, она, уже наполовину поднеся ложку ко рту, спросила:

— Что?

— Ничего, — сказал Джек, наблюдая, как девушка потупила взгляд. — Только одна вещь.

— Какая? — спросила Эстель, настороженно взглянув на него.

— Прости, — сказал Джек, — прости за то, что произошло.

Девушка посмотрела на него с благодарностью, потом дернула плечом и нахмурилась, чтобы Джек не подумал, будто она смягчилась.

Джек усмехнулся и вдруг почувствовал дерзкий порыв. Сейчас, может быть, самый подходящий момент для того, что он собирался сделать. Слова вылетели у него изо рта прежде, чем он сам это осознал:

— Эстель, почему ты ушла из дома?

Она резко вскинула голову. Казалось, вопрос застал ее врасплох: нижняя губа задвигалась вверх-вниз, вверх-вниз — словно ее обладательница вдруг разучилась говорить, а потом Эстель выдала:

— Я хотела увидеть мир. И усовершенствовать себя.

Джек кивнул, чтобы показать понимание, но втайне обрадовался первому успеху и решил еще немного поднажать:

— Каким был твой отец?

— Мерзким! — выпалила Эстель, и стоило ей произнести это слово, как Джек понял, что она уже жалеет о сказанном.

— Мерзким? В смысле денег? Как мистер Абсалом?

Эстель молча смотрела на него, отрицательно покачивая головой. Джек понял, что она имела в виду другое. Девушка опустила глаза и уставилась на свою ложку, которой помещивала кашу в тарелке.

— Отец научил меня всему, что знал. Но... — Тут Эстель криво усмехнулась. — Я становилась все более искусной и начала сама учить его кое-чему. Большинство людей ценят помощь. Большинство сказали бы хоть какие-то слова благодарности, хоть раз, но не он!

Эстель воткнула ложку в кашу. Джек воспринял это как сигнал: тема закрыта. Девушка приподняла плечи, будто пыталась защититься. Она смутилась, что так много рассказала о себе.

По окончании завтрака пришел Эгберт и провозгласил:

— Мистер Кормьер готов принять вас.

— Он что, король? — буркнула Эстель.

Дворецкий проводил их по коридору в ту комнату, где накануне они впервые встретились с хозяином дома. По дороге Марта держалась за руку Джека.

— А где Роб? — спросила она.

— Я не знаю, — ответил Джек.

— Не стоит за него беспокоиться, — сказала Эстель. — Он вернется, как обычно.

Они вошли в комнату и застали Кормьера стоящим на коленях на полу — он яростно отвинчивал что-то от мотора.

В зубах у него была зажата папка, и он рычал от напряжения. Хозяин едва взглянул на них и отрывисто кивнул Эгберту.

— Вы сказали, что хотите попрощаться с гостями, мистер Кормьер, — сказал Эгберт.

Инженер махнул им рукой, будто отпуская с миром, промычал: «Щасливо», — и вернулся к своему занятию.

— Мы не уйдем, — заявил Джек, смело вступая в комнату. Кормьер вынул папку изо рта и сурово глянул на него.

— Что?

— Я сказал, мы не...

— Я слышал, что ты сказал, — перебил Джека Кормьер и начал подпиливать что-то на моторе.

Джек горько усмехнулся.

— Вы, очевидно, не хотите слушать, но я все равно скажу.

Инженер вздохнул и покачал головой.

— Наш друг — одно из ваших оригинальных творений, хоть и сам, вероятно, не знает об этом. И только вы вправе потребовать, чтобы его вернули.

— Все мои оригиналы известны наперечет. Как я уже сказал, у меня от них остались только рожки да ножки, — пробормотал Кормьер.

— Вы уверены?

— Разумеется, уверен. Как бы там ни было, допустим, этот ваш друг — один из моих оригиналов, но откуда вам это известно? На нем же нет клейма?

Джек вопросительно посмотрел на Эстель.

— На некоторые модели мастера ставят клейма, — пояснила она.

— Свои я никогда не клеймил, — сказал Кормьер. — Клейма — это для эго-маньяков.

— На нем нет клейма, — подтвердила Эстель.

— Ну, один этот факт ничего не значит. — Кормьер пожал плечами. — Но вы так и не ответили на мой вопрос. Почему вы решили, что он — один из моих?

— Это очень хорошая модель, — сказала Эстель.

Кормьер хмыкнул.

— Мастерство изготовления превосходно, — продолжила девушка.

Инженер на мгновение задумался, после чего кивнул, как будто согласился с доводом Эстель относительно его гениальности.

— Внешний вид, речь, движения — все на высшем уровне, — встрял Джек.

— Ба! — сказал Кормьер, занятый пилением.

— Никто другой не мог бы изготовить такую модель. Он — один из ваших, — добавил Джек.

Старик медленно поднялся на ноги и картинно вытер испачканные маслом руки о тряпицу. Потом ткнул пальцем в сторону Джека и Эстель.

— А теперь слушайте, и слушайте внимательно. Я — Филипп Кормьер, величайший инженер своего времени и вообще всех времен, уверен в одном: все мои сохранившиеся оригиналы сосчитаны и известны. У меня есть имена, даты, адреса и прочие сведения обо всех владельцах. Я бы совершенно точно знал, если бы кто-то из моих болтался без присмотра где-нибудь на свалке.

Кормьер приподнял бровь, как бы вызывая на возражения.

— Вы должны нам помочь, — тихо проговорил Джек.

— Я не обязан никому помогать, — ответил Кормьер.

— Вы пришли на выручку Марте и Робу, впервые увидев их. Вы могли оставить нас на улице, но вместо этого пригласили в свой дом. Почему вы это сделали?

— Мне было скучно, — слегка встревоженным тоном ответил Кормьер.

— А я думаю, вы просто хороший человек, мистер Кормьер. Отзывчивый, небезразличный, — сказал Джек.

— Чушь!

— Ну, значит, я ошибся. — Джек взял Марту за руку и слегка подтолкнул ее к Кормьеру: — Вам ни до кого дела нет, мистер Кормьер, конечно же. Это же вполне очевидно.

Инженер обхватил ладонью гаечный ключ. Костяшки пальцев у него побелели. Рука тряслась от ярости.

— Убирайтесь! — прошипел он.

— Мистер Кормьер... — начал Джек.

— Я сказал, убирайтесь! — проорал хозяин и рубанул гаечным ключом по мотору с такой силой, что искры полетели. — Меня ваш жестяной дружок не интересует. Пусть Агентство его хоть на части разберет и сдаст в утиль, мне все равно! У них там, в Лондоне, есть такие машины — дробилки. Его приплюснут и сомнут в кубик размером не больше кулака.

Марта разрыдалась.

Увидев это, Кормьер расстроился, вид у него стал виноватый, но, несмотря на это, он прокричал:

— Да, так и есть! В кубик! Это все, на что он годен! Он не больше моя работа, чем воздух. Какое мне до него дело? А теперь — вон!

Кормьер стоял и хватал ртом воздух, грудь его тяжело вздымалась. Марта плакала. Гриппер, сцепив руки, с несчастным видом смотрел в пол. Даже Эгберт, казалось, был в шоке. Эстель презрительно взглянула на Кормьера и повернулась к Джеку. Тот заметил в ее глазах мерцание, свидетельствовавшее, что она признает это дело безнадежным. Джек ощутил неприятное чувство падения с большой высоты. Он кивнул Эстель, и они повернулись, чтобы уйти.

Запыхавшийся Кормьер с виноватым лицом наблюдал, как они идут к двери.

Тем бы все и кончилось, если бы в этот момент в дверном проеме не появился Кругляк Роб. Он что-то держал в высоко поднятой руке.

Кругляк пронзил Кормьера очень строгим (по его меркам) взглядом и спросил:

— Откуда у вас в спальне фотография Кристофера?

Большую часть своего первого дня в «Утесе» Кристофер провел в кресле. Блейк работал с ним, используя разные заплатки, беспрестанно извиняясь и отпуская замечания вроде: «Сейчас может немного пощипать» или «Потерпи».

Не раз Кристофер видел картинки из прошлого, невероятно живые и разноцветные. Яркие до рези в глазах. Он видел мистера Дженкинса, который мыл пол в приюте. Дезинфицирующее средство, которое он использовал, было таким едким, что глаза начинали слезиться. Рабочие саржевые брюки дворника — вылинявшие, бледно-синие — вдруг расцветались такой жгучей синевой, что Кристоферу хотелось прикрыть глаза. Вот Дженкинс оторвался от работы, поднял взгляд... И тут же — и он сам, и блестящий красно-коричневый пол коридора, и жгучий запах моющего средства — все вмиг исчезало, будто картинку затягивало в сливное отверстие раковины.

— Что ты скажешь насчет этого? — спрашивал Блейк.

— Насчет чего? — уточнял Кристофер.

— Воспоминания с дворником, мистером Дженкинсом.

Кристофер хмурил брови:

— Кто такой мистер Дженкинс?

Блейк вздыхал и вытирал потный лоб тыльной стороной ладони, говоря:

— Еще одна фальшивка.

Инженер скинул пиджак и завернул рукава рубашки. Он сортировал заплатки на голове Кристофера: осторожно прикасался к ним щипцами, какие-то удалял — и тогда просил «пациента» вспомнить тот или иной случай из жизни. Он уже разобрался с большей частью воспоминаний Кристофера о сиротском приюте. Работая, Блейк хмыкал и бормотал:

— Хорошие! Удивляюсь, где твой друг мистер Абсалом взял все эти отличные воспоминания?

— Мистер Абсалом не был моим другом, — возразил Кристофер. Пока он произносил эту фразу, приютский сад переливчато засверкал желтым, белым, красным, оранжевым —

и исчез. Кристофера вдруг что-то кольнуло, но ощущение пропало так же внезапно, как появилось.

— Вот эта была отличная! — сказал Блейк, держа заплатку щипцами и изучая ее. — Запахи, звуки, текстуры — все как настоящие!

Он опустил пластинку в маленький продолговатый лоток в форме почки, она звякнула, ударившись о другие.

— Абсалом был лгун, — сказал Кристофер и почувствовал, как по его телу пробежала сердитая дрожь.

— Мне неприятно это слышать, — отозвался Блейк. — Нет ничего хуже лжи. — Инженер прищурился и обвел взглядом череп Кристофера:

— Что ты вспоминаешь сейчас?

Мальчик сглотнул. В голове промелькнули образы: кухни, льющийся в окно теплый свет, запах выпечки.

— Я вижу свою мать.

— Хорошо, — сказал Блейк, — я думаю...

— Ничего хорошего! — резко бросил Кристофер, но, увидев изумленное выражение на лице Блейка, тут же пожалел, что заговорил таким тоном. Но он не мог сдержаться. Напряжение было слишком велико. С каждым извлеченным из него воспоминанием его все сильнее охватывала паника.

— Простите, — сказал он.

— Ничего страшного, — с улыбкой отозвался Блейк. — Я собирался сказать, что мы, возможно, подбираемся к твоим настоящим воспоминаниям.

Кристофер кивнул и отвернулся, чтобы Блейк не заметил страха в его глазах. Вдруг и мать окажется ненастоящей, подумал он. Вдруг и она тоже — всего лишь иллюзия, созданная очередной заплаткой на его черепе? Что тогда? Внутри рос страх, который ощущался как что-то неприятно холодное, постепенно заполнявшее собой все внутри, будто в груди засел камень: даже дышать стало трудно.

— И эти слезы! — восхищался Блейк, не замечая настроения Кристофера. — Чтобы заставить механикла плакать,

нужно особое искусство. Мне никогда не удавалось сделать слезы.

— И еще я ем, — сказал Кристофер, — и пью.

Блейк негромко крикнул и с усилием отделил очередную заплатку от головы Кристофера. Продемонстрировав ее, он сказал:

— Нет, ты этого *не* делаешь.

Кристофер заморгал.

— Эта заплатка довольно умно придумана. Она дает тебе фальшивые ощущения, близкие к настоящим. Ты считаешь, что ежедневно принимаешь пищу и тому подобное. На самом деле ты ни разу в жизни не пробовал сэндвич с беконом. Если подумать, это, вероятно, жесточайшая пытка. — Блейк слабо улыбнулся собственной попытке пошутить и опустил заплатку в лоток.

— Меня ведь сделал Кормьер, да? — спросил Кристофер.

Последовала короткая пауза, в продолжение которой Блейк обдумывал вопрос.

— Очень похоже на то.

— Тогда почему он меня бросил? Как я оказался у Абса-лома?

— Вот это мы и хотим выяснить, не так ли? — бодро отозвался Блейк.

— Вы знали его?

— Кого? — Блейк кинул еще одну заплатку в лоток.

— Кормьера. Вы его знали?

Блейк не ответил. Слышно было только легкое постукивание — он поддевал щипцами края очередной заплатки.

Кристофер закусил губу и решил усилить натиск:

— Я слышал, что он работал с вашим отцом.

Блейк швырнул в лоток какой-то инструмент, который со звоном отскочил и упал на пол.

Инженер обошел кресло, на котором сидел Кристофер, и встал так, чтобы тот мог его видеть. Рывком вытер руку о полотенце, потер лоб.

— Похоже, на сегодня все, — сказал он, улыбнувшись, но ухмылка получилась натянутая и недобрая. Рычаг на кресле Блейк нажал с откровенной злобой, так что Кристофера едва не выбросило с сиденья, когда спинка была приведена в вертикальное положение.

Хозяин лаборатории открыл дверь и крикнул в коридор:

— Будьте любезны, мистер Ривз!

Потом вернулся к столу и стал делать какие-то заметки в блокноте. Кристофер понял, что экспериментатор пытается игнорировать его. Он собирался спросить Блейка об отце еще раз, испытывая и чувство враждебности, и мрачное удовольствие при мысли, что ему удастся сильнее разозлить своего тюремщика.

Но тут появились Ривз с мистером Данлопом.

Блейк, не отрывая взгляда от блокнота, указал на Кристофера:

— Можете увести его.

— Хорошо, сэр. Могу я поинтересоваться, как продвигается работа?

— Соскребли только первый слой. Завтра станет ясно, как *оно*, — Блейк указал на Кристофера ручкой, — восприняло то, что его лишили части воспоминаний.

Кристофер разозлился, поняв, что это о нем говорят как о безличном объекте — «*оно*».

Ривз грубо взял его за руку и подтолкнул к выходу.

— Постойте!

Ривз повернулся вместе с Кристофером. Блейк взял что-то со стола и подошел к ним.

— Это для тебя, — сказал он и протянул Кристоферу марионетку.

Гнев Блейка, похоже, улегся, но выражение его лица было непонятным. Была ли это вина? Кристофер взял куклу и сказал:

— Спасибо.

Блейк развернулся на пятках и вернулся обратно к столу.

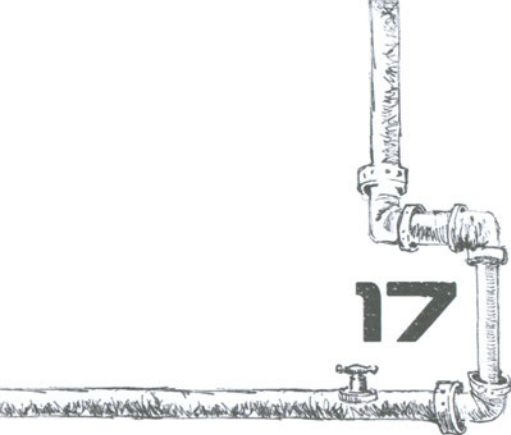
Данлоп и Ривз проводили Кристофера в камеру. Небо за окном темнело, синева его становилась глубже. Лязг дверного засова заставил вздрогнуть. Вот он лязгнул еще раз — дверь заперта. Кристофер поставил марионетку на пол. Кукла смотрела на него, будто ожидая каких-то приказаний.

— Сядь, — сказал он.

Кукла села на пол.

Кристофер забрался на койку и уставился в стену. Так он и лежал, пока в камере не стало темно и марионетка на полу не превратилась в серый силуэт, едва различимый во мраке.

Оглядываясь назад в прошлое, Джек мог утверждать, что еще ни разу не видел, чтобы человек побледнел так, как Кормьер в тот момент, когда Кругляк Роб протянул ему фотографию Кристофера. Великий инженер отшатнулся назад, будто получив удар под дых. И если бы не стоявший на полу мотор, он точно бы упал. Глаза всех, кто находился в комнате, были прикованы к хозяину дома, его рот открывался и закрывался, но так и не смог выдать ни звука. Казалось, прошла вечность, прежде чем к ошеломленному старику вернулась способность выражаться членораздельно. Когда же он наконец заговорил, из его рта понесся какой-то бессвязный лепет:

— Как... ты... Крис... он... но это же... как ты... это не...

Кормьер зачем-то протягивал Робу запачканную машинным маслом тряпицу, которую держал в руке, и продолжал нести околесицу. Роб вопросительно посмотрел на Джека и спросил:

— Он что — сломался?

Тогда Кормьер прочистил горло, зарычал и вдруг начал оживать, как запущенный мотор, у которого колесики и ш-

стеренки потихоньку раскручиваются и наконец начинают вращаться с бешеной скоростью. Краска вернулась на его лицо, глаза засверкали.

— Эгберт, приготовь все, что нужно, — проревел хозяин дома.

— Нужно для чего? — спокойно спросил дворецкий.

— Мы едем в Лондон! — выпалил Кормьер таким тоном, будто Эгберт задал ему глупейший вопрос.

— Хорошо, сэр. — Слуга отвесил легкий поклон и покинул комнату.

— Зачем он собрался в Лондон? — спросил Кругляк Роб у Джека.

— Потому что там находится Агентство, — пояснил тот.

Кругляк нахмурился и уставился в пол. Но вдруг его лицо озарилось улыбкой: он понял, что все это означает. Роб сделал шаг к Кормьеру и снова протянул ему фотографию. Хозяин дома шагал взад-вперед, ероша рукой волосы. Он посмотрел на Кругляка, будто впервые его видел. Роб сказал:

— Он и сейчас такой же. Просто чтоб вы знали. Мы его найдем.

Кормьер осторожно взял снимок, посмотрел на него. На фотографии рядом с Кристофером стоял он сам; оба улыбались.

Кормьер вдруг засмеялся, будто полоскал горло галькой. Кругляк Роб поддержал его. Эстель, изогнув бровь, переглянулась с Джеком, а двое весельчаков пошли на второй смешливый заход.

Хозяин начал метаться по дому и кричать, размахивая руками. Эгберт бегал туда-сюда, собирая сумки и инструменты. Он останавливался только для того, чтобы поклониться и произнести: «Хорошо, сэр» — со случайными интервалами. Остальные стояли в коридоре и наблюдали за всей этой суматохой. Кормьер вертел головой и непрерывно бормотал что-то себе под нос. Посреди спешных сборов взгляд его остановился только однажды — на Робе.

— Что это? — вдруг спросил инженер, заметив на шее Роба паука.

— Это Джордж, — ответил Роб, а перепуганный Джордж попытался спрятаться под подбородком приятеля.

— Джордж? Джордж?! Как это? — выпалил Кормьер.

— Его так зовут, — пояснил Роб.

Старик нахмурился и поскреб подбородок.

— Не припомню, чтобы я давал ему имя.

— Он шестиногий не-паук, — сказал Роб.

Инженер кивнул, но посмотрел на Кругляка взглядом, какой люди обычно припасают для сумасшедших, после чего кинулся вдоль коридора, выкрикивая на ходу имя слуги.

Эстель протянула руку, чтобы погладить Джорджа.

Не-паук осторожно потрогал кончики пальцев Эстель, а когда освоился и достаточно расхрабрился, проскакал по ее руке до самого плеча и уселся там. Девушка засмеялась. Джек оглянулся на нее, а Роб изогнул бровь и машинально поднял руку, чтобы вернуть норовистую часть своего лица на место, если та вдруг отвалится. Механиклы обменялись взглядами. Ни один из них до сих пор не слышал, чтобы Эстель смеялась.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — ответил Джек, а Роб притворился, будто рассматривает какую-то особенно интересную грязинку на полу.

Через несколько мгновений появился Кормьер. Он был в дорожных сапогах и длинном черном кожаном пальто. Инженер порывлся во внутренних карманах, набитых отвертками, гаечными ключами, гайками и болтами всех размеров. Похлопал по ним снаружи и, когда удостоверился, что при нем есть все необходимое, приподнял плечи и покрутил головой, как будто для того, чтобы снять напряжение.

— Ну хорошо, в путь, — сказал наконец Кормьер, потирая руки.

— Все мы? — спросил Джек.

— Конечно! — рывкнул Кормьер, потом нахмурился и посмотрел на Марту. — Но ты, наверное, можешь остаться.

Марта собралась было протестовать, но тут вперед выступил Джек.

— Так будет лучше, Марта, — сказал он. — Тебе нужно привыкнуть к новым ногам.

Девчушка надулась и крепко прижала к себе медвежонка Теда, хмуро глядя на остальных.

— Эгберт присмотрит за тобой, пока мы не вернемся, — сказал Кормьер и добавил, делая большие паузы между словами: — Раньше... я брякнул... когда разгорячился... и ты заплакала... ну... что...

— Нормальный способ извиниться перед кем-нибудь — это сказать «прости», — подала мысль Эстель, вскинув бровь.

Кормьер недовольно глянул на нее, потом повернулся к Марте и хрипло выдавил из себя:

— Прости, — после чего прорычал: — Ладно! — И потопал к выходу.

Все потянулись следом за ним.

Когда Кормьер спустился по лестнице, то остановился и ошалевшими глазами уставился на остатки ворот.

— Кто это сделал?

Роб указал на Гриппера. Кормьер строго взглянул на него. Гигант запаниковал.

— Придется тебе все это исправить, когда мы вернемся, — сказал ему Кормьер сурово и с усмешкой добавил: — Я мог бы использовать одну из твоих рук, чтобы укрепить ворота.

Гигант с тревогой ухватился за правую.

За воротами у грузовика собрались десятки механиклов, среди которых начался переполох при виде Кормьера. Они попрятались за фонарные столбы и стволы деревьев и оттуда глазели на него. Заметив их, инженер демонстративно откашлялся, заложил руки за спину и опустил голову. Он быстро направился к грузовику и стал дергать водительскую дверцу. Но ее заклинило. Джек пришел ему на помощь. Инженер сквозь стиснутые зубы прорычал:

— Быстрее!

Несколько механиклов показались из укрытий.

Джек положил ладонь на ручку дверцы, потом вдруг передумал ее открывать и отошел в сторону.

— Что ты стоишь? — прошипел Кормьер. — Помоги мне!

Джек заметил стоявшего рядом Сэма Шестиного. Тот смотрел на Кормьера с абсолютным благоговением, не решаясь заговорить.

— Вы должны что-нибудь сказать им, — решительно шепнул Джек инженеру.

— Что? Нет! — смутившись, бросил Кормьер, дергая ручку.

— Они ждали вас так долго. Нужно обратиться к ним, — повторил Джек, кивая на механиклов, которые потихоньку подступали ближе. — Тогда я открою дверцу.

Инженер сжал кулаки.

— Ладно. Хорошо.

Он расправил плечи, упер руки в бока, топнул ногой о землю.

— Ладно. Ну. Тогда потом, — сказал он.

Джек смотрел на него, изогнув бровь.

Кормьер раздраженно выкатил глаза, но снова собрался с духом и заявил:

— Я, Филипп Кормьер, хочу сказать вам, что я вернусь.

И воздел палец ввысь.

Все молчали.

Роб прислонился к грузовичку и в упор глядел на Кормьера.

— И когда я вернусь, то всех почию, — шепотом подсказал Кругляк.

Инженера такое продолжение его речи ошеломило. Джек ухмыльнулся.

— Отлично, когда вернусь, то всех почию, — крикнул механиклам Кормьер, и, вжав голову в плечи, пробурчал: — Ну, поехали, наконец.

Ему открыли дверцу, и Кормьер, явно испытывая облегчение, наконец-то залез в машину. Джек повернулся и подмигнул Сэму, тот улыбнулся.

Вся компания уселась в грузовичок. Роб сказал:
— Не забудьте, мистер Кормьер, слово есть слово.
Старик прорычал что-то невнятное.

Джек не мог решить, водит ли Кормьер машину лучше Абсалома, или, наоборот, намного хуже. Трудность оценки вызывал стиль вождения, дико беспорядочный и до безумия самоуверенный одновременно. Кормьер боролся с рулем, словно пытался смирить дикого быка, придавив его за рога к земле. Повороты он проезжал размашисто, руль выкручивал в самый последний момент и при этом добавлял газа. Положение не спасало даже то, что Кругляк Роб вскрикивал: «Уииии!» — каждый раз, как они сворачивали.

Тем не менее, им удалось добраться до Лондона за два часа без единой остановки в пути. По дороге Джек и Эстель пытались выудить из Кормьера больше информации, но глаза инженера были все время прикованы к дороге и в ответ приятели в лучшем случае получали ворчливое бурчание.

— Значит, он все-таки один из ваших, — сказала Эстель.

Кормьер хмыкнул, что можно было принять за положительный ответ.

— Как же вы тогда его потеряли? — спросил Джек.

Инженер снова хмыкнул, и это можно было расценить как «Не суйся не в свое дело».

— Немного же вы нам рассказываете, — заметила Эстель.

Очередное хмыканье — на сей раз весьма определенное: «Да, потому что это не ваше дело».

Эстель скрестила на груди руки и откинулась на спинку кресла:

— Очаровательно, — сказала она Джеку.

Лондон стал для них сенсацией, особенно для Кругляка Роба, который до сих пор ни разу не видел «настоящего города» и беспрерывно напоминал об этом всем и каждому. Он

охла и ахала, пока они ехали по улицам, указывал Джорджу на разные диковинки, а тот в ответ дружелюбно щебетал, уютно устроившись под подбородком своего нового друга.

Машин тут было столько, сколько они за всю жизнь не видали. Роб и все остальные привыкли к сельским дорогам, где обычной была встреча с лошадей, запряженной в повозку, а машину мог увидеть, в лучшем случае, один раз за несколько часов. За рулем многих автомобилей сидели механики, а их хозяева, устроившись на задних сиденьях, читали газеты или слушали, как им читают последние модели механизированных слуг «Харрисон V5» (они считались высокоинтеллектуальными).

Другие механики продавали на перекрестках газеты или торговали фруктами с лотков. Глаза Роба буквально разбегались в разные стороны, так ему хотелось ничего не пропустить. Джек даже начал опасаться, как бы они не выпали из головы Кругляка.

Грузовик остановился у роскошного на вид здания с романскими колоннами. Кормьер выскочил из кабины и стал рассматривать фасад дома, оперев руки в бедра. Остальные тоже вылезли наружу и встали рядом с водителем.

Джек никогда еще не видел, чтобы у дома было столько окон. Они жались друг к другу на высоте пяти этажей, а само здание занимало, наверное, половину улицы. Люди в костюмах деловито заходили внутрь и выходили наружу сквозь крутящуюся дверь. У посетителей были в основном очень серьезные лица. На мужчинах были строгие темные костюмы. Женщины были одеты в твидовые юбки и пиджаки, под самое горло застегнутые блузки и делового фасона шляпки. Кормьер прищурился, глядя на большую вывеску, украшавшую центральную часть здания. Она была грязно-белая с крупными черными рельефными буквами, из которых складывалось одно простое слово: «Агентство».

Кормьер направился прямо к вращающейся двери, остальные потянулись за ним. Громкий лязг за спиной предупредил

Джека о том, что Гриппер тоже покинул машину и направляется к зданию. Он повернулся к гиганту и велел ему остаться. Гриппер разочарованно скрежетнул челюстями.

— Нет, — отрезал Джек, — ты не можешь пойти с нами. Кроме того, мы ведь ненадолго.

Гриппер обиженно забрался обратно в грузовик.

Джек прошел вслед за остальными в вертящуюся дверь и оказался в центре просторного мраморного атриума¹. Пол блестел и искрился, деревянные стенные панели сияли, множество людей сновало по прохладному залу в разных направлениях, что создавало в нем атмосферу элегантной деловитости. К выходу прошли трое мужчин в макинтошах и мягких фетровых шляпах. Увидев их, Джек запаниковал. На какой-то жуткий миг он словно снова оказался в сарае Абсаломы в тот ужасный вечер: увидел, как под вспышки голубых молний агенты тащат к машине Кристофера. Ему пришлось бороться с порывом схватить Эстель за руку.

Прямо напротив входа находился большой стол регистратора, за которым сидел молодой мужчина в светло-сером костюме. Он что-то писал в конторской книге. Кормьер постучал по столу, чтобы привлечь к себе внимание. Мужчина вскинул лицо и улыбнулся с профессиональным дружелюбием. Но когда он посмотрел в лицо Кормьеру, улыбка его исчезла, а лицо стало молочно-белым.

— Приветствую, — сказал Кормьер.

— Вы... вы... — запинаясь молодой человек.

— Да, это я, — рассеял его сомнения Кормьер.

Регистратор оглянулся через правое плечо. На стене у него за спиной висело шесть портретов. Со всех величественно взирали на мир солидные мужчины. Первым, конечно, был изображен Ранкибл. Третьим слева висел Кормьер — гораздо более опрятный и моложавый, но все-таки несомнен-

---

¹ Атриум — в древности внутренний двор жилого дома этрусков и римлян, обычно с крытой галереей и бассейном в центре; в современной архитектуре — накрытый прозрачной крышей внутренний двор здания.

но Кормьер. Он стоял боком, держась левой рукой за лацкан пиджака, и в его глазах сверкала обычная воинственная задиристость.

— Чем... чем я могу вам помочь, сэр? — спросил регистратор, в панике добавив: — Мистер Кормьер, сэр.

— Мне нужен Гибберт, — только и ответил Кормьер, взялся левой рукой за лацкан пальто и гордо выпрямился, копируя позу на портрете.

— Гибберт, — сказал молодой человек.

— Гибберт, — повторил посетитель.

«Они разговаривают, как две лягушки», — подумал Джек.

— Мистер Гибберт?! — почти крикнул регистратор.

Кормьер наклонился вперед и угрожающе прорычал:

— Да. Мистер Гибберт.

Регистратор нервно сглотнул:

— Он не может принять вас, сэр.

Кормьер сердито глянул на него.

— Он не может принять вас, — взвизгнул регистратор, — без предварительной записи.

Молодой человек облизнул губы. Кормьер обдумал его слова, потом кивнул в сторону портрета.

— Кто это там?

Регистратор повернулся на стуле и посмотрел на портрет.

— Это вы, сэр.

— А кто я?

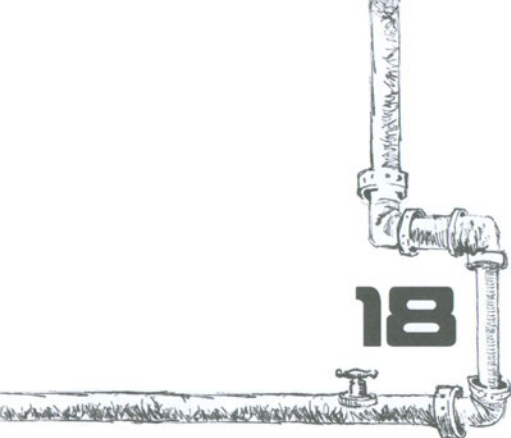
Регистратор снова сглотнул, будто у него что-то застряло в горле.

— Вы — Филипп Кормьер.

— Верхний этаж, кабинет номер семь. Верно? — сказал Кормьер.

Регистратор, бледный как полотно, кивнул.

— Ты отличный парень, — улыбнулся Кормьер, после чего развернулся на пятках и направился к лифту.

Двери лифта были темные, вычурные, покрытые причудливым лакированным орнаментом из переплетающихся ветвей шиповника. Кормьер нажал медную кнопку, двери разъехались в стороны. Внутри кабины стоял маленький механик в коричневой униформе и шапочке посыльного.

Они вошли в лифт, и механик звонким голосом спросил:

— Куда, сэр?

— На верхний этаж, пожалуйста, — ответил Кормьер.

Лифтер нажал кнопку, двери соединились. Последовала короткая пауза, затем что-то лязгнуло, кабина вздрогнула и лифт поехал вверх.

Некоторое время все молчали. Кормьер откашлялся и стал смотреть прямо перед собой, но что-то не давало ему покоя. Он посмотрел на мальчика, потом отвернулся от него. Затем, будто не мог удержаться, снова взглянул на лифтера:

— Ты модель Пилкингтона, да?

— Так и есть, сэр, — ответил мальчик.

— Класс четвертый. Я прав? — сказал Кормьер.

— Да, сэр. Четвертый класс, и горжусь этим, сэр.

Снова наступила тишина, нарушаемая только скрипом блоков и зубчатых колес лифта. Кормьер склонил голову и вздохнул. Потом засунул руку в карман пальто, вынул оттуда гаечный ключ и встал на колени рядом с мальчиком.

— Можно?

— Конечно, сэр, — разрешил лифтер.

Кормьер взял правую руку мальчика, быстро подвигал ею вверх-вниз и проворчал:

— Так и знал.

Мастер расстегнул куртку лифтера, вынул из рукава его правую руку и подтянул гайку на плече. Пока все это происходило, мальчик безропотно смотрел прямо перед собой. Удовлетворившись сделанным, Кормьер велел своему пациенту подвигать рукой. Тот выполнил просьбу. Кормьер извлек из кармана пальто маленькую масленку с узким носиком и смазал плечо и локоть мальчика.

— А теперь? — сказал инженер. Мальчик легко поднял руку, потом опустил ее, не глядя на мастера. — Заметил это сразу как вошли, — пробормотал Кормьер, глядя в пол. Вид у него был почти смущенный. Мальчик моргал глазами и безучастно смотрел вперед, а Кормьер тем временем застегивал на нем курточку.

Потом инженер встал и прочистил горло. Лифт вздрогнул и остановился, двери открылись.

— Пятый этаж, — объявил лифтер.

Все покинули кабину.

Когда они шли по коридору, Роб наклонился к Джеку и прошептал:

— Ты видел, какие брови у этого мальчишки? Совсем как настоящие.

Мимо них изящной походкой шла маленькая девчушка в бледно-сером платье. Она несла поднос с письмами. Роб проводил ее взглядом. Джеку пришлось развернуть приятеля в нужном направлении и мягко подтолкнуть локтем, чтобы Кругляк не сбился с пути. Они прошли еще немного и увидели деревянную дверь, на которой была золотая табличка с надписью: «Эдгар Гибберт, главный уполномоченный».

Кормьер стукнул в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, влетел внутрь.

За большим столом перед окном сидел мужчина лет пятидесяти, маленький, седой, лысеющий. На носу — очки, одет в темно-серый костюм. Глядя на вошедших, хозяин кабинета заморгал глазами, придя в величайшее изумление.

У стола стояли в ряд три стула. Кормьер подошел к среднему, выдвинул его, откинул назад полы пальто и уселся. Джек и Эстель решили разместиться с по обеим сторонам от него. Роб встал сзади.

Кормьер улыбнулся хозяину кабинета, у которого буквально отвисла челюсть.

— Эдгар Гибберт, — с усмешкой проговорил Кормьер и хлопнул себя по бедрам, — старый добрый Эдгар Гибберт.

— Старый добрый Эдгар, — повторил за вожаком Кругляк Роб.

— Что ты здесь делаешь, Филипп? — поинтересовался Гибберт. Щеки у него порозовели. Он ерзал на стуле, пытаясь сделать вид, что контролирует ситуацию, но на самом деле выглядел как человек, который только что обнаружил у себя в штанах что-то, доставляющее ему неудобство.

— Зашел поздороваться со старым приятелем, — ответил Кормьер, недобро улыбаясь.

Гибберт запыхтел, откашлялся.

— У тебя находится один из моих, типа «А», — сказал Кормьер и бросил на стол перед Гиббертом фото в рамке, где был запечатлен он сам с Кристофером. — Я хочу забрать его.

Главный уполномоченный снова заморгал, взял снимок и посмотрел на него.

Кормьер и Кристофер стояли рядом на фоне какого-то сарая. Оба улыбались и шутили от солнца. Верхняя часть фотографии выпцвела, изображение расплывалось в слепящей белизне. Джек любовался этим фото еще в доме Кормьера. И не только потому, что на нем был Кристофер, но еще оттого, что Кормьер выглядел там счастливым. Рука инженера лежала на правом плече паренька, который тоже сиял.

Гибберт положил фотографию на стол, подоткнул пальцем очки ближе к переносице и осторожно сказал:

— Прости, Филипп, но ты его потерял.

— Ха! — рявкнул Кормьер. — Ты имеешь в виду, что вы его заграбастали?

Гибберт позволил тени улыбки коснуться уголков своих губ.

— Нет, я говорю о том, что ты потерял его много лет назад.

— Ты послал агентов...

Главный уполномоченный склонил голову и усиленно покачал ею.

— Филипп...

— Он не пропал. Ты послал агентов, и они его забрали.

— Мы все это уже проходили, и как твой друг...

— Ты послал их, они забрали мальчика, и я хочу его вернуть!

Гибберт поднял руку и продолжил разговор с Кормьером, глядя в стол:

— Ты потерял его, и, по общему мнению, это была трагедия. Но прошло уже много лет, Филипп. И тебе не следует забывать, что он противоречил пятому параграфу.

Кормьер взорвался:

— Пятый параграф появился в законе уже после того, как он был создан!

— Филипп...

Инженер ничего не желал слушать, он орал на Гибберта, а тот отвечал в спокойной, но неуступчивой манере.

Джек не вполне понимал, что происходит, но «параграф пятый» всплывал в этой перепалке довольно часто, вместе с «основными принципами базовой активации» и упоминаниями различных правил и систем, вместе с важностью «естественного закона механики». Кормьер со всего маха треснул ладонью по столу, и Джек подумал: интересно, что сломается раньше. Он обменялся взглядом с Этель, девушка надула щеки, потом раздраженно выдохнула и скрестила на груди руки. Джек тоже решил, что с него хватит.

— Простите, — сказал он вдруг, — выслушайте меня.

Гибберт повернулся к нему, словно забыл, что в комнате есть кто-то еще.

— Простите, мистер Гибберт, — повторил Джек, — но наш друг Кристофер жил с нами на авторазборке у мистера Абса-лома. Его забрали люди из вашего Агентства.

Гибберт нахмурился.

— Вы кто такой?

— Это Джек, — пояснил Кругляк Роб, прежде чем кто-нибудь другой успел открыть рот. — Он мой лучший друг после Кристофера. Вот этого Кристофера, который снят на фото вместе с мистером Кормьером. А это Этель. Она изготавливает кожу, хотя и не зарегистрирована, но ее это никогда не тревожило, потому что она знает себе цену. Делать кожу ее научил отец, он, бывало, бил дочь, но однажды она сама ему вре-зала, и больше он ни разу ее не ударил, потому что она ушла из дома. Этель мне все рассказала. Ведь это правда, Этель?

Все глаза обратились к Этель, которая, опустив голову, уставилась в пол, стараясь скрыть от пронзительных взглядов свои залитые краской щеки.

Кругляк Роб снова обратился к Гибберту:

— Мы ищем Кристофера. Вы знаете, где он?

Главный уполномоченный откашлялся и сказал:

— Боюсь, что нет.

Кормьер сурово глянул на него, но Гибберт воздел руку в умиротворяющем жесте:

— Это правда, Филипп. Насколько нам известно, твой образец типа «А» был утрачен несколько лет назад.

— Кристофер, — поправил его Джек.

— Простите? — не понял Гибберт.

— Его зовут Кристофер, — пояснил Джек.

Главный уполномоченный перевел взгляд с Кормьера на Джека и обратно.

— Если уж мы заговорили о нем, Филипп... Нужно было делать это с настоящими...

— Если ты еще раз используешь слово на букву «эн», клянусь, я перескочу через стол и придушу тебя голыми руками, — прорычал Кормьер.

Гибберт с опаской потрогал рукой свое горло и сглотнул.

— Человека, который руководил теми, кто забрал нашего друга, звали Мортимер Ривз, мистер Гибберт, — сказал Джек.

Главный уполномоченный нахмурился.

— Я не знаю никого с таким именем.

— Проверь свои досье, — посоветовал Кормьер.

— В этом нет необходимости, я знаю всех своих агентов по именам.

— Тогда Данлоп, — предложил вариант Джек.

— Кто? — переспросил Гибберт.

— Другого человека, который забрал Кристофера, звали Данлоп, — подсказала Эстель.

Хозяин кабинета повернулся к Кормьеру.

— У нас нет таких сотрудников. Есть только Меган Данлоп, но она работает в отделе маркировки и регистрации.

— Ты лжешь, — оборвал собеседника Кормьер.

Гибберт резко запрокинул голову, его щеки вспыхнули, он подобрался, прямее сел в кресле и сказал, пронзая воздух указательным пальцем:

— А теперь послушай! Я бы ни от кого не потерпел такого. Мы не первый день знакомы, Филипп, и ты знаешь, что я уважаемый человек.

Кормьер откинулся на спинку стула, одернул полы пиджака и пожал плечами.

Гибберт сердито ерзал на месте, и Джек видел, что замечание Кормьера действительно сильно его задело.

— Это оскорбительно, — брызжа слюной, бросил Гибберт.

Кормьер холодно взглянул на него и спросил:

— Кто подписывает приказы о захвате типов «А»?

— Если бы такой приказ был, то на нем стояла бы моя подпись, — ответил Гибберт снисходительно.

Кормьер вскинул бровь.

— Если ты спрашиваешь, подписывал ли я приказ об изъятии твоей модели, я отвечу: нет. Я никогда не отдавал таких распоряжений ни в последнее время, ни до того, как Кристофер был утрачен.

— Может, проверишь свои папки? — предложил Кормьер.

— Уверяю тебя, в этом нет смысла. Задания захватить кого бы то ни было подобным образом вообще никому не давали.

Кормьер вздохнул, опустил плечи и сгорбился на стуле.

— Я должен найти его, Эдгар.

— Понимаю, — сочувственно сказал Гибберт. — К несчастью для тебя, Филипп, нет никакой возможности напасть на его след.

Наступила тишина. Кормьер смотрел в потолок и натужно улыбался. Гибберт заметил эту улыбку и стал едва заметно отодвигаться назад в кресле.

— Есть один способ, — сказал, наконец, инженер.

Глаза Гибберта расширились, он отрицательно помотал головой.

— Нет, Филипп.

— Ты мог бы мне помочь.

— Нет, Филипп...

— У тебя же есть один, я знаю. Дай мне его на время, пользоваться.

Гибберт разволновался. Джек мог поклясться, что видит крошечные капельки пота у него на лбу.

— Параграф пятый утверждает...

— Да к *черту* параграф пятый! — крикнул Кормьер.

— Параграф пятый был введен в действие Его Величеством королем лично! — взвизгнул Гибберт. Он изо всех сил старался говорить тоном властного авторитета, но, обменявшись взглядом с Эстель, Джек решил, что они оба уловили в голосе главного уполномоченного отчетливо звучащую паническую нотку.

— Это запрещено...

— Ты так и не сказал, что у тебя его нет, — с ухмылкой заметил Кормьер.

— Мы... у нас его нет. Ты можешь использовать свой собственный.

— Который, как тебе известно, я уничтожил!

Гибберт вздохнул:

— У нас его нет, и даже если бы был, мы не позволили бы тебе им воспользоваться. Это было бы противозаконно и совершенно неправильно. — Главный уполномоченный сказал это, слегка повысив голос, и припечатал ладонь к столу.

— Я не понял. О чем вы говорите? Чего у вас нет? — спросил Джек.

Гибберт открыл рот, но его опередил Кормьер:

— «Прорицателя». Это специальное приспособление для...

Главный уполномоченный подскочил в кресле и затряс в воздухе пальцем.

— Секреты улучшенной активации нельзя!..

— О, заткнись, Эдгар. Ты начинаешь утомлять меня.

— Что такое «Прорицатель»? — решил уточнить Роб.

Кормьер склонился к нему.

— Филипп! Нет! — визгливо прокричал Гибберт и привстал с кресла. Кормьер покосился на хозяина кабинеты.

та, мгновение что-то обдумывал, потом вздохнул и, перегнувшись через стол, сказал:

— Сядь, Эдгар.

Розовощекий Гибберт мгновение смотрел на него испуганными круглыми глазами, потом медленно опустился в кресло. Плечи его поникли, глаза глядели вниз.

— Что за «Прорицатель» такой? — прошептал Кругляк Роб.

— Я не должен рассказывать вам, — шепнул в ответ Кормьер.

— Почему? — шепотом спросила Этель.

— Потому что это страшный секрет! — шепотом же ответил Кормьер.

— Это приспособление, которое помогает определять местоположение механиклов типа «А», — произнес отчаявшийся настоять на своем Гибберт. — Первое из них сконструировал мистер Кормьер, — главный уполномоченный сделал паузу, — и сам его уничтожил.

Гибберт многозначительно взглянул на собеседника. Джек попытался прочесть смысл этого взгляда, но не мог понять, что же происходит между двумя мужчинами.

— Зачем вы его уничтожили? — спросила Этель.

— Потому что оно было опасно, — ответил Кормьер, не отрывая глаз от Гибберта.

— Чем? — спросил Джек.

Мужчины глядели друг на друга.

— Почему вы не использовали его, когда в первый раз потеряли Кристофера? — задала вопрос Этель.

— Я уничтожил «Прорицатель» до того, как это случилось, — объяснил Кормьер.

Джек совершенно запутался. Все, о чем тут говорили, не имело для него никакого смысла, внутри росло чувство досады оттого, что ему дают слишком мало информации.

— Если «Прорицателя» используют только для определения местоположения, то почему же он опасен? — попытался

прояснить для себя хоть что-нибудь Джек. Его не удостоили ответом.

— Я подозревал, что Агентство сконструировало свой собственный «Прорицатель», — сказал Кормьер. — Когда Кристофер пропал в первый раз, я пришел к ним и попросил этот прибор. Но ваш профессор, мистер Лок, отказался дать его мне. Меня просто выставили за дверь.

— Мы не могли дать тебе то, чего у нас не было, — тихо проговорил Гибберт.

— Ну вот опять, ты упорно отрицаешь, что «Прорицатель» у вас был всегда. — Кормьер горько усмехнулся.

Гибберт не мог смотреть ему в глаза.

— Лок был очень упрямым и несговорчивым человеком. Вечно прикрывался тем, что соблюдает правила, постановления... — сказал Кормьер.

— Как и я, — вставил Гибберт, с вызовом выставив вперед челюсть.

Кормьер бросил на него отрывистый взгляд и кивнул.

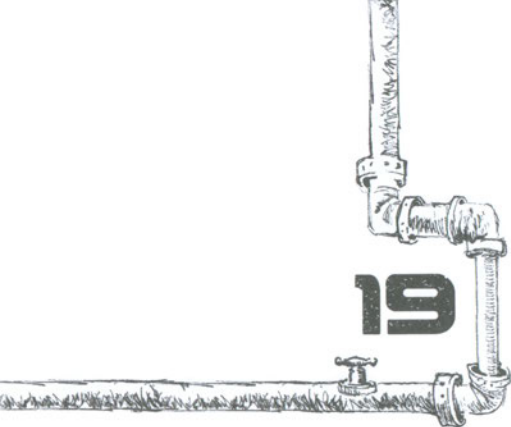
— Да, как и ты. — Он тихо застонал, вставая. — Нам пора.

— Как?! — в один голос воскликнули Джек и Эстель.

— Мы сделали все, что могли, — ответил Кормьер.

Они вышли из кабинета. Гибберт провожал их взглядом. Странно, но выглядел он при этом немного виноватым.

Кормьер маршевым шагом протопал по коридору и вызвал лифт. Джеку не нужно было смотреть на Эстель — он и без того чувствовал, что она кипит от ярости. В кабинете у Гибберта был момент, когда Джек подумал, что они добьются успеха и получают средство отыскать Кристофера, однако надежда оказалось напрасной. Как и Эстель, Джек чувствовал нарастающую злость, но вместе с гневом появлялось и ужасное ощущение, будто что-то от него ускользает, уходит навсегда. Он попытался представить себе Кристофера, но от этого стало только хуже.

Тот же мальчик-лифтер приветствовал их, когда они вступили в кабину. Кормьер опустил на одно колено и спросил:

— Как рука?

Мальчик ловко покрутил ею и улыбнулся:

— Очень хорошо, сэр. Спасибо вам большое, сэр.

Кормьер улыбнулся в ответ и, казалось, хотел что-то сказать, но тут в лифт вошли два агента в макинтошах. Инженер встал с колена, снял с головы мальчика шапочку и потрепал

его по волосам. Лифтер потянулся вперед и нажал кнопку нижнего этажа. Двое агентов стояли, сцепив опущенные руки на причинных местах, и угрюмо смотрели прямо перед собой. Тем временем Кормьер легко пробежался пальцами по голове мальчика, будто набирая какой-то код. Тот, похоже, не возражал, и в кабине было слышно только легкое постукивание пальцев Кормьера, которые танцевали по металлической макушке лифтера. Джек обменялся взглядом с Эстель — он был удивлен происходящим и тем, каким беззаботным вдруг стал их суровый предводитель. Когда они спустились до нижнего этажа, Кормьер вернул шапочку на голову мальчика.

— Благодарю вас, сэр, — сказал лифтер.

— Нет, это тебе спасибо, — ответил Кормьер и слегка поклонился.

Джек заметил, что, услышав это, один из агентов недовольно нахмурился, но ничего не сказал и вместе с напарником быстро вышел из кабины в фойе.

Кормьер шел к выходу с довольной усмешкой. Эстель метала сердитые взгляды. Джек больше не мог выносить напряжения.

— Что мы теперь будем делать?! — тревожно спросил он. Кормьер взглянул на него:

— Вернемся к грузовику, — и прибавил шагу.

— Но погодите, — попытался задержать его Джек и выскочил за дверь вслед за инженером, который уже скакал вниз по ступенькам. — А как же «Прорицатель»?!

Кормьер резко обернулся и приложил палец к губам:

— Ш-ш-ш! Не беспокойся об этом.

— Но я беспокоюсь! — закричал Джек. — Кристофера здесь нет, и этот «Прорицатель» — единственное, что поможет нам отыскать его!

Кормьер ничего не ответил. Он просто стоял и шурился, глядя на здание Агентства.

— Вы ему верите? Думаете, у них и правда нет этого прибора? — спросила Эстель.

— Конечно, он у них есть, — ответил Кормьер.
— Значит, нам нужно достать его! — решил Джек.
— Само собой, — поддержал его предводитель. — Именно поэтому мы и вернемся сюда сегодня же вечером.

Джек попытался представить себе, как они попадут в здание, но не видел никаких доступных способов. Они отъехали от Агентства, остановились на ближайшем перекрестке и стали наблюдать за входом в здание, дожидаясь момента, когда оно опустеет.

Около пяти люди начали тонким ручейком вытекать из дверей. Сразу после пяти служащие повалили с работы лавиной, а к шести их поток почти иссяк. Когда было уже почти семь вечера, Кормьер потерял руки и сказал:

— Готово.

Джек по-прежнему не понимал, как они попадут внутрь, однако Кормьер лишь посмеялся над его тревогами и с хитрым видом постучал пальцем себе по носу. Гриппер предложил вломиться внутрь через центральный вход. Кормьер ответил ему, что делать этого не придется. Кругляк Роб заявил, что готов забраться на здание, взломать окно и, оказавшись внутри, обшарить все коридоры «бесшумно и скрытно».

— И как ты туда залезешь? — спросил Джек.

Роб заверил его, что об этом не стоит беспокоиться.

— А ты знаешь, где находится «Прорицатель», Роб?

Кругляк нахмурился и почесал подбородок.

— Надо подумать.

Этель, сложив руки на груди и высоко подняв голову, нахально спросила Кормьера:

— Ну так как же мы попадем внутрь?

— Легко, — ответил Кормьер. — Мы исполним вариацию на тему тактики Гриппера и войдем прямо через центральный вход.

— Ну тогда пошли, — сказал Роб и двинулся к зданию, но был пойман Этель, которая схватила его за воротник.

Они прождали еще час: к этому времени на улице стемнело и стало пусто. Тогда Кормьер небрежной походкой направился к зданию Агентства.

— Что он делает? — прошипела Эстель.

Джек пожал плечами. Тем не менее, они пошли следом.

Кормьер взбежал вверх по ступенькам и постучал в стекло вращающейся двери. Такого они не ожидали. Джек даже подумал, что их предводитель лишился рассудка, и напрягся, приготовившись бежать. Он видел, что Эстель тоже напряжена и готова рвануть отсюда. Вдруг что-то маленькое и темное прошаркало через фойе.

Это был мальчик-лифтер, и в руках он держал большую связку ключей. Механик не глядя вставил один в замок и открыл дверь.

Кормьер вошел, остальные молча таращились на него с другой стороны.

— Заходите же! — скомандовал Кормьер, махнув им.

Дверной проем оказался тесноват для Гриппера. Ему пришлось наклониться и протискиваться в него боком. Последним вошел Джек. Прежде чем толкнуть вращающуюся дверь, он оглянулся на пустынную улицу.

— Как вы это сделали? — спросил он Кормьера, когда они оказались внутри.

— Просто, — ответил тот, снял с мальчика шапочку и снова стал выстукивать что-то пальцами по его голове. — Это азбука Морзе. Все «пилкингтоны» способны понимать ее. — Кормьер ухмыльнулся: — Вот сейчас, например, я просто сказал ему «спасибо».

— Всегда рад вас видеть, сэр, — ответил тот.

Кормьер хохотнул и водрузил шапочку на голову мальчика.

— Как тебя зовут?

— Уильям, сэр.

— Ну вот что, Уильям, ты можешь показать нам, где находится «Прорицатель»?

— Могу, сэр.

Мальчик проводил их к нише с большими арочными дубовыми дверями, достал связку ключей, ловко выбрал один из них и открыл им дверь. Потом щелкнул выключателем и сказал:

— Следуйте за мной.

За дверью обнаружилась лестница, которая вела в подвал. Ступени были высокие, так что Джеку пришлось держать Роба за руку, пока они спускались. А вот для ног Гриппера они оказались слишком узкими. Гигант поддерживал себя, упираясь кистями в стены с двух сторон, чтобы не упасть, и двигался крайне осторожно. Джеку не нравилось, что у него за спиной шатаются две тонны металла, но поворачивать назад было поздно.

Идя за Уильямом, Кормьер весело насвистывал, как человек, который отправился на пикник в погожий солнечный день. Джеку было неуютно, путь вниз оказался слишком долгим, проход — слишком узким, к тому же они не знали, куда идут и что их там ждет. От свиста Кормьера становилось только хуже. Эстель прожигала взглядом горящих глаз спину Кормьера и спускалась молча.

А вот Кругляк Роб был очарован.

— Ты можешь меня научить издавать такие же звуки? — шепнул он Джеку, кивая на Кормьера.

Джек сжал его руку.

— Да, Роб, когда мы найдем Кристофера и все это останется позади.

Роб улыбнулся. У Джека не было сейчас настроения объяснять другу, что свистеть могут только те, кто обладает способностью дышать.

Лестница резко свернула вправо. Джек зажмурился, услышав сверху страшный грохот — это Гриппер пытался вписаться в поворот.

Наконец спуск был завершен и они оказались в узком выставочном зале с высоким потолком. На стенах висели карти-

ны, на полу стояли статуи и витрины с экспонатами. В шкафчике со стеклянной дверцей Джек приметил что-то похожее на замысловатый механизм очень больших часов. Медные колесики и шестеренки поблескивали в тусклом свете дежурного освещения. На помосте красовалась какая-то очень длинная, напоминавшая скелет структура, сделанная из металла.

— Это музей, — сказала Эстель, и в ее голосе прозвучало удивление.

Джек держался следом за Кормьером, который двигался вдоль витрин, выстроившихся у стены по левую руку от них. Там были выставлены разнообразнейшие предметы: книги в кожаных переплетах, куски пергамента, зубчатые колеса разных видов, куски проволоки, металлические руки и ноги...

Кормьер остановился у одной витрины, упер подбородок в грудь и погрузился в задумчивость. На висевшей над шкафом картине были запечатлены Джордж Ранкибл и его «Первенец». Портрет немного отличался от того, который они видели каждый день в сарае у Абсалома, изображение было более ярким и живым. Ранкибл был одет в алые куртку и накидку, бриджи до колен, жабо¹ на шее. Он выглядел благородным и отчужденным.

Джек смотрел на картину. Особое внимание он уделил «Первенцу». Нос у того был короткий, вздернутый. На круглой голове нарисованы волосы. По обе стороны от носа расположились два каких-то округлых желвака, тоже нарисованных, видимо, глаза. Одежда его напоминала мужскую. Косой рот был грубо но мастерски вырезан, и создавалось впечатление, что это создание вот-вот заговорит. Эстель тоже удивленно рассматривала портрет.

— Его сожгли, Эстель, только представь. — Джек передернул плечами, не в силах оторвать глаз от содержимого витрины. — Интересно...

---

¹ Жабо (фр. jabot — «птичий зоб») — отделка блузки, платья или мужской сорочки в виде оборки из ткани или кружева, спускающейся от горловины вниз по груди.

— Ш-ш-ш! — шикнул на него из сумрака Кормьер, который уже стоял в дальнем конце зала, приложив ухо к двойным деревянным дверям.

— Он там? — спросил инженер Уильяма.

— Я не знаю, сэр, — ответил тот. — Нам не рассказывают об этой части здания. И ключа от двери у меня тоже нет.

Кормьер ухмыльнулся.

— Ничего. — Он жестом подозвал Гриппера: — Ну, мистер Громила, не будете ли вы так любезны... — И отошел в сторону.

Гигант посмотрел на Кормьера, потом на дверь.

— Ну, давай же, — прорычал инженер.

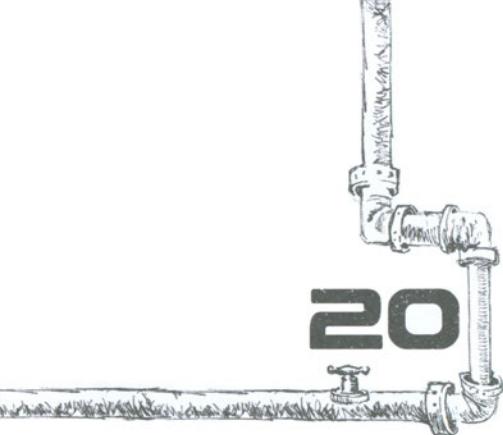
Гриппер вопросительно глянул на Джека.

— Сделай это, Грип, — сказал тот.

Гигант подошел к двери и занес над головой кулак. Джек видел, как растянулись пружины в его плечевом суставе, задвигались провода. Он не переставал удивляться, как это мистеру Абсалому, несмотря на всю его инженерную ограниченность, удалось создать такую эффективную машину. Джек сомневался, причастен ли его бывший босс хотя бы отчасти к разработке этой конструкции.

Гриппер на мгновение задержал руку в исходном положении, а затем нанес молниеносный удар, будто соскочила с пальцев туго натянутая резинка. Кулак гиганта проломил дверное полотно, как разрыв снаряда, потом Гриппер придвинулся ближе, ухватился своими клешнями за расщепленные края отверстия и стал крушить дерево, пока то, что еще оставалось от двери, не превратилось в крошево на полу. На косяках остались болтаться только покореженные петли.

Гриппер расчистил путь, и Кормьер, прищурясь, стал вглядываться в расстилавшуюся за дверью тьму.

— Он там, — сказал инженер. — Должен быть там.

Все столпились у порога, и Кормьер повернулся к Уильяму:

— Тебе хоть что-нибудь известно об этой комнате? — спросил он.

Мальчик покачал головой:

— Нет, сэр. Сюда нет доступа механикам и сотрудникам рангом ниже седьмого.

— То есть, я так понимаю, никому во всем здании, кроме мистера Гибберта?

— Верно, сэр.

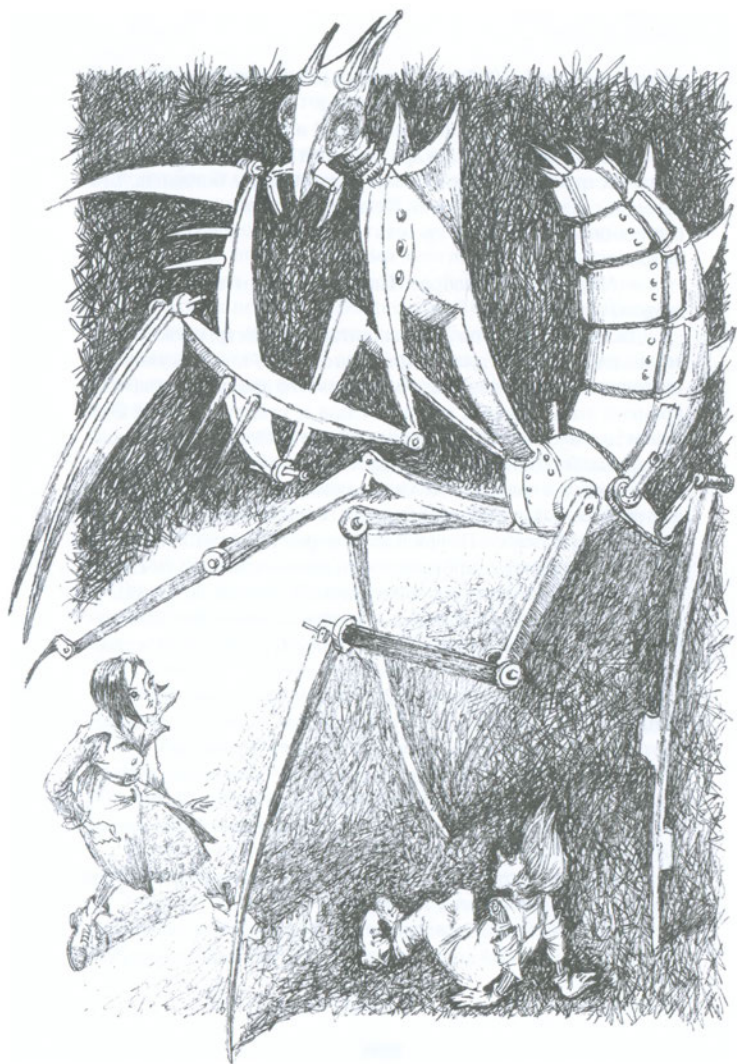
Кормьер усмехнулся.

— Я ничего не вижу, — сказал Джек.

— Тут слишком темно, — поддержала его Эстель. — Можно как-то зажечь свет?

— Например, вон те две лампочки? — спросил Роб.

Озадаченный Джек не успел спросить, о чем тот говорит, потому что из мрака выскочило нечто стремительно-серебри-

стое и врезалось в Роба: Кругляк пульей вылетел сквозь дверной проем обратно в выставочный зал.

Тишину разорвал пронзительный звук, похожий на тот, что производит сверлящая дрель, и перед ними выросло огромное монстрообразное существо, напоминавшее богомола. Его зеленые глаза ярко сверкали. Существо крутило сразу шестью серповидными лапами, урожая вторгшимся в его владения чужакам.

— Черт бы тебя побрал, Гибберт! — выругался Кормьер и отскочил к стене.

Джек видел, как на него надвигается монстр, и уже сжался, но вдруг что-то тупо ударило его в бок, и он растянулся на полу вне пределов досягаемости своего врага. Ему хватило времени только чтобы поднять глаза и увидеть Эстель. Это она оттолкнула его и спасла от опасности. Острый кончик одной из лап богомола застрял в доске, и монстр скреб и царапал пол в попытке вырвать ее. Очередной судорожный рывок — и страшное создание освободилось, едва не перевернувшись на ребристую спину. Теперь настал черед Уильяма проявлять самоотверженность: он бросился к Эстель и закрыл ее своим телом. И как раз вовремя: занесенная для удара остроконечная лапа чудовища опустилась и вспорола ему живот. Раздался скрежет раздираемого металла, Уильям покачнулся и упал на пол.

— Гриппер? Где Гриппер?! — закричал Джек. И тут же увидел его: Гриппер поднял руки и втянул голову в плечи. Гигант, как испуганный ребенок, в ужасе пятился назад.

Надежды Джека на помощь угасли, он повернулся и заметил Кормьера предводитель полз к нему на четвереньках.

— Драться бесполезно! — крикнул старик. — Надо как-то отвлечь его.

Кормьер сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Богомол повернул к нему голову.

Еще одна серебристая вспышка — и по воздуху мимо них пролетел серебряный диск. Кормьер на лету поймал «не-паука»

Джорджа и, жарко шепнув ему: «Прыгай!» — бросил металлического шестиного в сторону богомола.

Джеку показалось, что в глазах монстра промелькнул огонек любопытства и что-то еще. Да, в их зеленом сетчатом зеркале отобразилось какое-то паническое движение, желание сбежать, как у загнанного в угол животного.

Потом монстр закрыл глаза и жутко завизжал — это Джордж успел впиться лапками в его шею. Богомол стал отчаянно брыкаться, трясти головой, но цепкий недопаяк продолжал висеть на нем. Раздался режущий слух крик — Джордж глубже вонзил лапы в противника. Богомол замахал конечностями и стал кататься по полу. Джеку пришлось отползти в сторону, чтобы не оказаться наколотым на одну из его острых конечных лап.

Наконец очередным конвульсивным движением, похожим на взмах хлыста, богомол скинул с себя Джорджа. Недопаяк приземлился на спину и замахал лапками в воздухе.

Монстр вертел длинной шеей и издавал яростные крики. Джек от страха буквально окаменел и не мог шелохнуться, но в темноте смутно различал очертания фигуры дрожащего Гриппера. Голова богомола ходила вверх-вниз, крики не умолкали. Монстр направился к Уильяму, который находился к нему ближе всего. Этель потащила мальчика в сторону. Джек увидел, как чудовищное насекомое подалось назад. Увидел непокорное выражение в глазах Этель. Она швырнула в голову богомолу какую-то штуку — может быть, дверную петлю. Железка с лязгом отскочила, монстр мотнул башкой и снова завизжал. «Этого мало, — подумал Джек. — Он не успокоится, пока не прикончит нас всех».

И тут на сцену вышел Кормьер.

В руках он держал какую-то железяку, которую выудил из кучи обломков, оставшихся от двери. Богомол резко повернул голову в сторону новой жертвы, совершил нырок, и на какой-то ужасный момент Джек решил: все! Сейчас он налетит на Кормьера и собьет его с ног!

Однако старик ловко опустил свое оружие на голову монстра и, пользуясь секундной оторопью врага, широко замахнулся и нанес еще один удар — слева по черепу. Он стал решающим. Металл у основания шеи богомола был уже продырявлен острыми лапами Джорджа и разломился с ужасным треском. Голова чудища отлетела в сторону и ударилась об стену, потом упала на пол и качалась несколько мгновений, пока не замерла на месте. Огоньки в глазах погасли. По обезглавленному телу прошла конвульсивная дрожь, лапы заскребли по полу... Наконец монстр рухнул — и замер.

Слышно было только тяжелое дыхание Кормьера. Он смотрел на шею богомола: провода, как разорванные кровеносные сосуды, торчали из того места, к которому еще недавно крепилась голова.

— Низкопробное изделие, — выдохнул инженер. Потом утер пот со лба и коротко хохотнул.

В этот момент Джек его чуть ли не ненавидел. Они были на волосок от гибели! Эстель, должно быть, испытывала те же эмоции. Опустив голову и все еще пытаясь выровнять дыхание, девушка смотрела на Кормьера таким взглядом, будто тот был следующим кандидатом на получение удара по башке. Инженер ничего этого не замечал, он продолжал самодовольно ухмыляться и радоваться успеху.

Джек наконец пришел в себя. Первая его мысль была о Робе, но кое-кто успел записать это очко на свой счет. Джордж вскочил на лапы, вприпрыжку перебежал через груды обломков и вскоре уже торжественно водворялся обратно, уютно угнездившись под челюстью Роба.

— Роб, ты в порядке? — подбегая к другу, спросил Джек.

— Меня что-то ударило, — сказал тот, усиленно моргая глазами, будто пытаясь заново приспособиться к окружающему миру.

— Это был он, — объяснил Джек, указывая на неподвижное тело богомола.

Роб подошел к останкам монстра и уставился на них, разинув рот.

— А где его голова?

— Там, — сказала Эстель, устало махнув рукой в сторону стены, к которой продолжал трусливо жаться Гриппер.

Кормьер попытался поставить на ноги Уильяма, у которого в груди зияла глубокая рана: в темной глубине поблескивали зубчатые колесики и проводки. Попытки встать на ноги сопровождались низким рокотом мотора, который хотел и не мог завестись.

— Думаю, меня нужно подремонтировать, сэр, — сказал механик Кормьеру.

— Ничего, будешь как новенький, я обещаю, — ответил тот, потрепав Уильяма по волосам, и, казалось, моментально забыл о нем, отвернувшись. Инженер стремительно рванулся в дальнюю часть комнаты, погруженную во мрак.

Джек подошел к Уильяму и помог ему распрямиться.

Эстель наконец нашла выключатель. Вспыхнули лампы, и одновременно с этим раздалось громкое «Ага!» Кормьера.

Инженер застыл в глубине помещения перед черным помостом, на котором находилось нечто серебристое. Он протянул вперед сложенные лодочкой ладони и осторожно снял какой-то предмет с подставки, нагнулся, рассматривая его, да так и замер в этом положении, спиной ко всем, пока не провозгласил победоносное: «Да!» После чего развернулся и бодро зашагал к двери:

— А теперь уходим отсюда.

— Погодите, — сказал Джек. — Это он?

Кормьер обернулся к механику. Он держал в ладонях простую серебряную пирамидку высотой дюймов шесть, причем с такой нежностью, словно это был новорожденный ребенок. Это и был «Прорицатель». За исключением глянцевого серебристого блеска, ничего необычного во внешнем виде этого приспособления не было.

— Да, — ответил Кормьер, — это, несомненно, он.

Предводитель стоял в дверном проеме и смотрел на свою команду.

— Ну что, пошли.

Никто не двинулся с места. Джеку трудно было перевалить только что произошедшее. Голова у него шла кругом. Он вспоминал пережитый ужас: вот на них выскакивает из темноты какая-то жуткая штуковина; Кругляк Роб вылетает из комнаты; Гриппер сжимается от страха и не может ни на что решиться...

— Ну что же вы? — нетерпеливо торопил их Кормьер.

— Что с ним случилось? — вдруг спросил Роб.

Кругляк со встревоженным видом стоял над головой богомола и переводил взгляд с нее на тело монстра и обратно. На лице механикла было написано полное непонимание. Потом Роб кивнул сам себе, будто наконец что-то сообразил. Переваливаясь с ноги на ногу, он повернулся к Кормьеру.

— Вы убили его, — сказал Кругляк ровным и спокойным тоном, однако в глазах его безошибочно читалось обвинение. — Почему?

Инженер замаялся. Вопрос был ему явно неприятен.

— Оставим это. Нам нужно идти.

Кормьер вышел из комнаты. Роб еще раз взглянул на голову богомола. Вид у него был озадаченный и недовольный.

— Пошли, Роб, — сказал Джек.

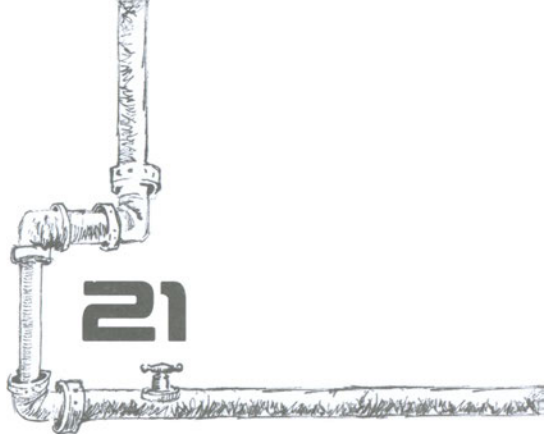
Кругляк собирался что-то сказать, но передумал и заковылял к двери. Эстель поддерживала Уильяма. Они уже шли по выставочному залу, когда девушка повернулась к Джеку и сказала:

— Его глаза. Ты видел его глаза?

Джек кивнул.

Мгновение Эстель боролась с собой, потом покачала головой, будто хотела что-то добавить к своим словам, но передумала. Так ничего и не сказав, она продолжила путь к лестнице. Джек ненадолго задержался перед портретом Джорджа Ранкибла с деревянным мальчиком, чтобы еще раз посмотреть на витрину с обгорелыми головешками и табличку над ней: «Останки „Первенца“».

Марионетка сидела на краешке стола в лаборатории, подложив кисти рук под бедра. Несмотря на отсутствие глаз, у куклы был такой вид, будто все внимание она сосредоточила на расположившемся в кресле Кристофере. В этой дыре, где не было ни Роба, ни Джека, ни остальных, эта маленькая игрушка стала для него самым близким другом.

— Знаешь, он был хорошим человеком, — сказал Блейк, возясь с очередной заплаткой.

Кристофер был удивлен задушевной интонацией его голоса, и осторожно уточнил:

— Кто?

— Мой отец. Он был хороший человек, — повторил Блейк. — Ты спрашивал о нем. Простая вежливость требует дать тебе ответ.

Последовала пауза. Кристофер размышлял, как продолжить беседу.

— Он занимался своим делом, всегда в первую очередь заботясь об интересах страны.

— И что это было за дело? — спросил Кристофер, изо всех сил стараясь, чтобы его вопрос прозвучал безразлично.

Блейк издал короткий презрительный смешок:

— Не притворяйся, будто ты не знаешь. Результаты его эксперимента уже давно всем известны. Именно из-за них улучшенная активация была поставлена вне закона и появился пятый параграф.

Кристофер помнил рассказанную Абсаломом историю. В том, как его бывший босс излагал события, всегда ощущался призыв к какому-то садистскому удовольствию, рассказчик явно радовался, повествуя о неудачах и страданиях других людей. Вероятно, Абсалом слегка приукрашивал историю, хотя Кристофер не мог утверждать этого наверняка. Однако картина в любом случае рисовалась ужасающая. Демонстрацию устроили в зале Королевского общества садоводов.

«В воздухе витали надежды. Нам сказали, что благодаря этой *машине* война будет выиграна за считанные дни», — говорил Абсалом. И еще добавлял, что людей по всей стране переполняли радостные предчувствия. Посмотреть на то, что премьер-министр назвал «венцом славы Англии», собрались сотни любопытных. Десятки из них были убиты.

Эту часть истории Абсалом всегда старался излагать с приличествующим случаю сожалением, однако в его речах все равно слышалось искреннее злорадство по поводу допущенных другими инженерами ошибок. «И ведь у него была лицензия, — самодовольно провозглашал он, — только представьте: *лицензия!* Это доказывает лишь одно: лицензия — есть она или нет — ничего не значит. Важно, хороший ли ты инженер, и ничего больше».

— А правда, что она изрыгала огонь? — спросил Кристофер. Блейк слегка усмехнулся.

— Да. Это правда.

— Вы сами это видели?

Последовала небольшая пауза, прежде чем инженер ответил:

— Нет.

Кристофер собирался уже задать следующий вопрос, но собеседник опередил его:

— Я видел эскизы и некоторые составные части.

— И какие они были?

— Великолепные! — с неподдельной гордостью в голосе ответил Блейк.

— А правда, что ваш отец сконструировал бóльшую часть?

— Да, — подтвердил инженер, явно очень довольный. — Отец говорил, что это будут военные машины, которые покончат с войнами. Когда они выйдут на поля сражений, то разметут всех людей со своего пути, как осенние листья.

Блейк подошел к столику и взял какой-то инструмент. От рассуждений о достижениях отца глаза инженера загорелись.

— Вы, наверное, очень им гордитесь, — сказал подросток.

Блейк на мгновение прервал свое занятие, словно припомнил что-то. На его левой щеке дернулся мускул.

— Да, очень, — тихо проговорил он.

— Даже после того, что случилось? — спросил Кристофер.

— Особенно после этого, — твердым голосом ответил Блейк и вернулся на привычное место за креслом.

Мальчик некоторое время обдумывал слова инженера. Ему нужно было узнать кое-что еще.

— А правда ли, что у нее была душа?

Повисла напряженная пауза. Наконец Блейк выдал отрывистое:

— Да.

Ему явно было неуютно от этих не прекращавшихся расспросов. Кристофер почувствовал, что получил некоторого рода преимущество над своим противником, и решил надавить на него сильнее:

— Зачем вообще одушевлять механиклов?

— Ну ты, похоже, весьма любознателен, — сказал Блейк, изво всех сил стараясь говорить беспечно, однако Кристофер уловил в его тоне металлическую нотку.

— Меня интересует, почему так важна улучшенная акти... Закончить фразу ему не удалось. Раздался звук «клик», и в голове у него как будто ветер засвистел.

Блейк посмотрел на заплатку, которую сжимал щипцами, и весело сказал:

— Эта совсем маленькая. Бледное воспоминание о каком-то весеннем утре. Совсем бесполезное. — Экспериментатор бросил заплатку в лоток. — Как ты себя чувствуешь?

— Я не знаю, — сказал Кристофер.

Он лгал. Работа по выявлению его подлинных воспоминаний продолжалась, и с каждым новым извлеченным из него фальшивым кусочком памяти Кристофер чувствовал все большую опустошенность. Но это его больше не пугало. Ощущение потери, которое он испытывал при исчезновении очередного воспоминания, было настолько кратким, что он почти привык к нему, как человек привыкает к моментальным уколам иглы. Словно снятие случайных наслоений памяти позволяло ему острее ощущать свое подлинное «я».

Но ему не хотелось откровенничать перед Блейком, особенно после того, что случилось с ним в камере накануне.

Кристофер ничего не сказал об этом инженеру, но с тех пор как были сняты некоторые заплатки, у него внутри что-то изменилось. Ночью он испытывал странные ощущения: в нем будто что-то расцветало. И это вызывало одновременно и страх, и восторг. В течение ночи эти ощущения возникали несколько раз; иногда они сопровождались образами, иногда нет. Но каждое было — словно открывшаяся дверь в забытую комнату в пустом доме. Кристофер совершенно терялся в такие будоражащие воображение моменты.

Он не хотел говорить о них Блейку, так как уже не верил, что того на самом деле интересует, каким образом чudo-механикл оказался в подручных у неудачника Абсалома.

Кристофер провел в компании с этим человеком достаточно много времени и научился понимать, когда тот хитрит. У Блейка на уме было что-то другое. Кристофер не сомневался в этом, но считал, что пока лучше играть по предложенным правилам.

Остаток дня они разбирались с воспоминаниями Кристофера. Обнаружилось еще несколько фальшивых: день рождения мальчика по имени Том в сиротском приюте; поездка на какой-то пляж, полная солнечного света, парящих в небе чаек и ощущения теплого песка между пальцами ног.

— Какие ощущения вызывает теплый песок, скользящий между пальцами? — спросил Блейк, сняв заплатку.

— Я не знаю, — ответил Кристофер, ведь воспоминание об этом полностью изгладилось из его памяти.

Блек работал с обычной спокойной сосредоточенностью. Слышно было только поскрипывание щипцов — *скрич-скратч* — да тихое клацанье падающих в лоток металлических заплаток.

У Кристофера вдруг возник вопрос:

— Вы когда-нибудь были на пляже?

Возникла короткая пауза, Блейк замер всего на мгновение. Но этого оказалось достаточно. Кристофер про себя улыбнулся. Он ясно ощутил что-то. Может быть, слабость?

Экспериментатор прочистил горло и вернулся к работе.

— Один раз, — сказал он.

— С родителями? — спросил Кристофер.

Долго слышалось лишь *скрич-скратч, скрич-скратч*. Потом Блейк шумно вздохнул:

— С отцом. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким.

— Простите, мне очень грустно слышать это, — сказал Кристофер.

Снова короткая пауза, и Блейк вернулся к своему занятию.

— Почему ваш отец этим занимался? — спросил Кристофер и напрягся. Он почувствовал какое-то движение за спиной. Послышался звук брошенных на верстак инструментов. Потом инженер обошел кресло, встал лицом к лицу со своим пытливым подопечным и стал вытирать руки о полотенце.

— Ты представляешь, сколько людей погибло во время Великой войны?

Кристофер покачал головой. Он слышал рассказы Абсалом об этой войне. Но бывший босс в основном хвалился своими героическими деяниями, хотя Эстель говорила им, что ей достоверно известно, чем занимался Абсалом в военное

время: инженер-недоучка мыл туалеты в одном из лондонских госпиталей.

— Миллионы погибли. Миллионы! Многие могли бы выжить, если бы мы закончили войну раньше. И это было бы возможно, имея мы военные машины.

Блейк оперся на кресло Кристофера:

— Механиклы, созданные для военных целей, не только спасали бы жизни, но и вернули бы величие нашей нации. Однако правительство остановило их производство из-за одного незначительного инцидента.

— В тот день погибли люди, — заметил Кристофер.

— Но многих можно было бы спасти, если бы мы продолжили разработки, — парировал Блейк, и лицо его перекопилось от злости. — Мой отец делал то, что делал, ради Англии.

— А чем занимаетесь вы? — спросил Кристофер.

Блейк расправил плечи и уставился на своего пациента. Мальчик выдержал его тяжелый взгляд и сказал:

— Наверное, вы очень любили отца, раз оправдываете совершенные им ошибки.

Инженер ничего не сказал, вместо этого он развернулся и пошел к двери, крикнув:

— Мистер Данлоп!

Помощник явился в лабораторию.

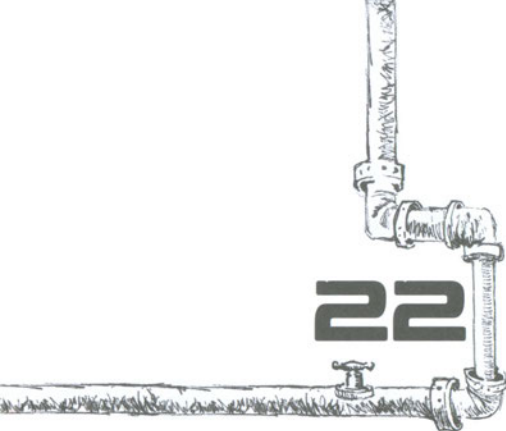
— Мы закончили на сегодня, — сказал Блейк, избегая взгляда своего подопытного.

Данлоп поднял подростка с кресла, бросил ему марионетку и потащил за локоть из комнаты. Однако Кристофер обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Блейка.

Тот утратил обычное присутствие духа: стоял с опущенной головой, опираясь на стол и глядя в сторону. Вероятно, инженер в этот момент думал о каком-то другом времени и другом месте.

Кристофер знал, каково это.

К Кормьеру вернулась его обычная сварливость.

После обретения «Прорицателя» он сперва впал в буйную радость.

Джек заметил, как он торопился, когда штопал Уильяма прямо в музее. В глазах Кормьера вспыхивали огоньки нетерпения, а уголки рта, ломая линию улыбки, резко опускались вниз, стоило его «пациенту» или кому-нибудь другому заговорить.

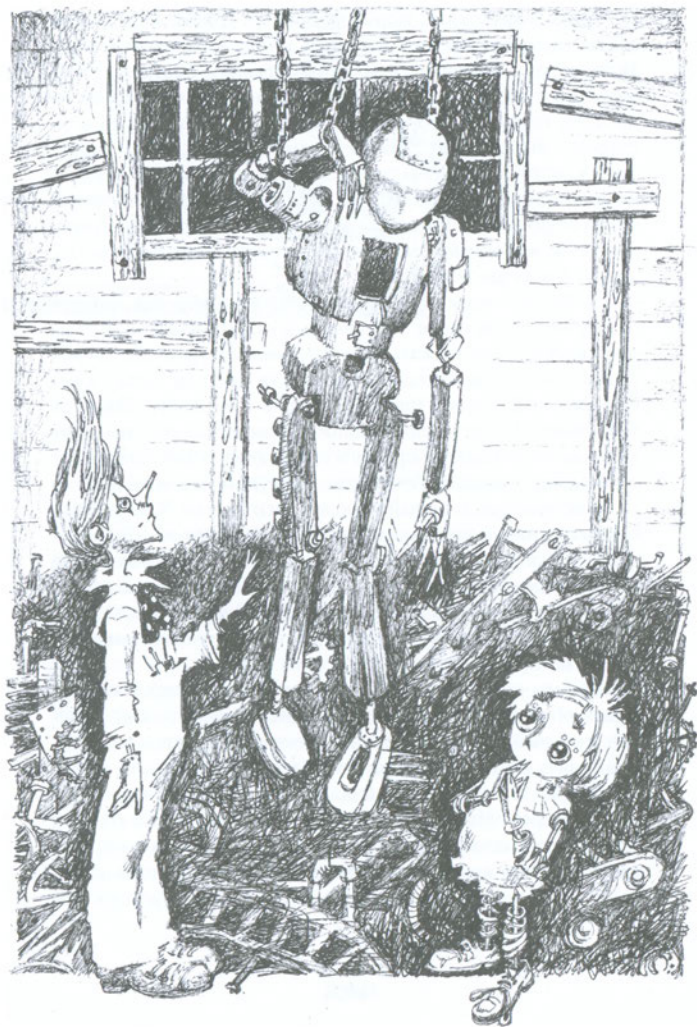
Для Уильяма они выдумали историю, будто ночью на него напали грабители в масках. Джек не думал, что Гибберт поверит в это, но он видел, как главный уполномоченный общался с их предводителем, и понял: этот человек не преминет возложить всю вину за произошедшее на Кормьера. «Уильяму ничего не грозит», — подумал Джек, когда они запирали мальчика в шкаф, а тот прощался с ними и в очередной раз благодарил своего спасителя. Инженер пробурчал в ответ полубезразличное: «Всего хорошего», — и закрыл дверцу.

Сидя в грузовике, Кормьер рывкнул Джеку, куда нужно ехать, и в результате они оказались милях в десяти от города. Всю поездку инженер пылающим взглядом смотрел сквозь ветровое стекло на дорогу, скрежетал челюстями и время от времени бормотал что-то себе под нос. Они наткнулись на старый заброшенный сарай, и Кормьер велел Джеку подрулить к нему. У сарая была ржавая крыша из оцинкованного железа, один из углов с края был оторван и закрутился вверх, будто некий гигант пытался отодрать его, как крышку с банки бобов. Обветренные каменные стены сарая покрывали пятна, вокруг росла жесткая трава.

Кормьер дернул за шнурок, тусклая лампочка осветила внутренности сарая — свалку старых проводов и труб на полу вперемешку с ржавыми останками моторов и деталями разных механизмов, используемых для работ на полях. Свет был тусклый, все внутри было сырым и вонючим. Джек не мог удержаться от воспоминаний о сарае Абсаломы, что лишь усилило то тягостное предчувствие, которое он испытывал с момента отъезда из Агентства. Он думал, его порадует обретение прибора, который поможет им отыскать Кристофера. Однако с того момента, как был убит богомол и «Прорицатель» оказался в руках Кормьера, всю компанию охватило какое-то смутное недовольство, словно все они заразились бациллой тихо бурлящего внутри гнева. У Джека было странное чувство, что происходящее вокруг постепенно выходит из-под контроля.

Кормьер стремительно метнулся внутрь сарая, словно забыв об остальных, и задел плечом металлический манекен, который был подвешен на цепях к потолочным балкам. Тот закачался с тихим скрипом. Джек стоял под ним и глядел вверх. Манекен напоминал недоделанную куклу, забытую мастером. На бочкообразной голове не было ни глаз, ни носа, ни рта, одна рука была поднята и заведена за шею, другая безвольно висела вдоль тела. На подошвах стоп Джек заметил коричневые полосы ржавчины, и там, где над ним

текла крыша, по боку манекена бежала пчелиными сотами полоса проеденных коррозией дырок. Раскачиваясь в воздухе, железная кукла словно издавала жалобные стоны.

— «Пустышка», — буркнул Кормьер, едва взглянув на манекен, и направился к верстаку в глубине сарая.

Роб подошел к Джеку и тоже уставился на манекен. Кругляк был необычайно тих. Он не произнес ни слова с того момента, как они покинули подвал в Агентстве, и сейчас смотрел на «пустышку» с выражением беспомощной грусти в глазах. Сейчас он выглядел старше и мудрее, как будто овладевшая им меланхолия добавила ему лет. Кругляк, казалось, ждал от Джека какого-то объяснения. Джек чувствовал: нужно что-то сказать другу, но совершенно не представлял, что.

— Как мы теперь поступим? — спросил он, поворачиваясь лицом к Кормьеру и намеренно возвышая голос, чтобы создалось впечатление, будто у него все под контролем. Однако на самом деле Джек никакой уверенности не чувствовал.

Кормьер не ответил. Он склонился над верстаком и был полностью поглощен изучением «Прорицателя». Джек обменялся взглядом с Этель, которая стояла, опустив руки и плотно сжав челюсти.

— Как работает эта штука? — спросила она раздраженно.

— Не беспокойся об этом, — прозвучал ответ. При этом Кормьер не удосужился даже взглянуть на нее.

Этель двинулась к инженеру, но Джек удержал подругу, схватив за плечо. Он покачал головой и откашлялся:

— Мы просто хотели бы знать, мистер Кормьер...

— Никуда не годится! Только на помойку выбросить этот хлам! Всего лишь прообраз. И как прикажете мне работать с таким барахлом? Ну что ты будешь делать!

Инженер крутил в руках «Прорицатель», будто искал на нем что-то. В тусклом свете одинокой лампочки металлическая поверхность прибора выглядела тонкой, как папиросная

бумага. Кругляк Роб медленным, но твердым шагом, опустив руки по швам, двинулся к Кормьеру. Джордж, как обычно, пристроился на его шее.

— Разве они могли состряпать что-то, хотя бы отдаленно годное к работе? Нет, о нет!

Кормьер поднял «Прорицатель» и встряхнул его, потом поставил на верстак. Он со вздохом опустил голову. Все молчали. Кругляк Роб стоял рядом с инженером, по-прежнему хмурый и неприступный.

— Мистер Кормьер? — сказал он.

Инженер обернулся. При виде Кругляка лицо старика немного смягчилось, но Роб продолжал хмуриться.

— Зачем вы убили его, мистер Кормьер? — потребовал ответа механикл.

Все замерло. В комнате наступила полная тишина, слышалось только тишайшее шуршание, напоминавшее шелест песчинок, перетекающих из одной части песочных часов в другую. Кормьер выпрямился, вся его фигура выражала удивление.

— Что? — переспросил он.

Голос Роба зазвучал тверже:

— Почему вы убили его, это существо в подвале? За что оно приняло смерть?

Кругляк Роб покачал головой, будто не мог поверить, что ему пришлось задавать такой вопрос. Кормьер взглянул на дверь, будто искал путь к бегству.

Роб не сводил с него глаз.

— Вы хотели его смерти и убили его, теперь он мертв, и это сделали вы. Почему?

Шелестящий звук в ушах Джека смолк. Теперь стало совершенно тихо, даже цепи, на которых был подвешен к потолку «пустышка», не звякали. Кормьер смотрел на Роба, лицо его, сперва сильно побледневшее, снова порозовело. Инженер открыл рот, но ничего не сказал. Наконец выпятил губы, повернулся к верстаку и, склонив голову, притворился, что изу-

чает «Прорицатель». Кругляк Роб не сводил глаз с предводителя.

— Сомневаюсь, что он тебе ответит, — шепнул Джек, склонившись к Робу.

Кругляк продолжал буравить взглядом спину инженера.

— Когда я приведу эту штуку в рабочее состояние, я смогу найти вашего друга, — вдруг сказал Кормьер, легко покачивая на руке «Прорицатель».

Теперь на инженера уставились все, даже Гриппер. Джек заметил, что капризное самодовольство их предводителя несколько подпорчено затаенным чувством стыда. В глазах старика читалась неуверенность и, может быть, даже промелькнул едва заметный огонек вины.

— На это потребуется время, — тихо проговорил Кормьер.

— Но мы найдем его? — спросила Эстель.

Инженер кивнул и повернулся к верстаку. Казалось, он мгновение что-то обдумывал, а потом посмотрел на Робана и сказал:

— Мы делаем то, что должны.

Кругляк нахмурился, обдумывая услышанное. Потом уставился в пол, кивнул и отошел назад, к остальным.

Кормьер отвернулся, но Джек успел заметить, как по его лицу пробежало волной какое-то непонятное выражение. Это было нечто напоминавшее неподдельное страдание.

Странно, но после этого разговора настроение у всех как будто улучшилось. Кругляк Роб больше не выглядел таким обескураженным и снова стал похож на привычного всем неунывающего весельчака. Кормьер продолжал хмуриться, но проявлял больше дружелюбия, особенно по отношению к Робу. Джек не мог удержаться от мысли, что резкости и переменам настроения Кормьера есть свое объяснение: инженер

часто вел себя так, будто его застали за каким-то постыдным делом, и злился из-за этого.

Джек вышел посидеть с Этель снаружи, пока Кормьер работал в сарае. Они смотрели на заходящее солнце. Небо озярилось оранжевым светом, свет постепенно бледнел, и одновременно с этим трава и деревья теряли краски и становились серыми.

Этель поддела носком ботинка пучок травы и сказала:

— Он что-то скрывает.

Джек взглянул на подругу.

— Ты тоже это чувствуешь, да? — спросила она.

Джек кивнул. Он с самого начала относился к Кормьеру с подозрением.

— Этот «Прорицатель», — Этель покачала головой и горько усмехнулась, — кажется, Кормьер сильно надеялся на него...

Джек ничего не ответил. Этель продолжала пинать ногой траву.

— Ты думал о том, куда мы пойдем, когда отыщем Кристофера?

Этот вопрос на мгновение вывел Джека из равновесия. На самом деле он пока не заглядывал так далеко.

— Я не знаю. Нам, наверное, надо будет где-нибудь обитать.

Этель надула губы и кивнула, задумчиво разглядывая носок ботинка.

— Ты не думаешь... — начал было Джек.

Она оглянулась на сарай, где в полутьме работал Кормьер.

— Что он позволит нам остаться с ним? — Этель покачала головой. — А если он захочет оставить у себя Кристофера? Что тогда?

— А кто сказал, что Кристофер захочет остаться с ним? — с вызовом заявил Джек.

— Никто не знает, что будет дальше. Я вообще не уверена, что мы его найдем, — обреченным тоном сказала Этель.

Джек бросил на нее отчаянный взгляд:

— Не говори так, Эстель. Никогда не говори. Мы его найдем, я уверен.

Она медленно выдохнула, вытянув губы, и вздохнула.

— Ну, прежде всего, должен заработать этот волшебный «Прорицатель». — Эстель плотнее закуталась в пальто, прислонилась к стенке сарая и попросила: — Разбуди меня, если что-нибудь случится. Хотя я в этом сомневаюсь.

За пару часов до рассвета Эстель почувствовала на плече руку Джека. Друг мягко будил ее. Девушка услышала свое имя, произнесенное шепотом, — оно словно вплывало в сон, пробиваясь сквозь темные слои дремоты. Эстель повернула голову и протерла глаза.

Какой яркий свет! Откуда он взялся? Ведь скрывшаяся за облаками луна не могла так сильно рассеять тьму. И, тем не менее, все вокруг было озарено и словно купалось в мерцающем сапфировом¹ свете. Эстель повернулась и заметила стоящих с разинутыми от изумления ртами Роба и Гриппера.

Рядом с сараем она увидела Кормьера. Он держал руки перед собой, словно человек, растянувший на пальцах моток пряжи. Между его ладонями висел в воздухе «Прорицатель». Металлическая пирамидка ярко серебрилась, по ее граням и над ними арками вились тонкие голубые нити молний, отчего вокруг прибора возникла мерцающая корона света. «Прорицатель» медленно и ровно вращался, и это его кружение вводило в гипнотический транс. На нем то появлялись, то исчезали глифы — как рябь на воде; сливались и разъединялись, текуче отделяясь друг от друга, потом соприкасались и сливались вновь, плавно и непрерывно.

---

¹ Сапфир — драгоценный камень разных оттенков синего цвета — от темно-синего до голубого.

Эстель машинально встала на ноги. Лицо Кругляка Роба, глазевшего на «Прорицатель», являло собой картину подлинного изумления и радости. Он повернулся к подруге и улыбнулся:

— Эстель, взгляни-ка.

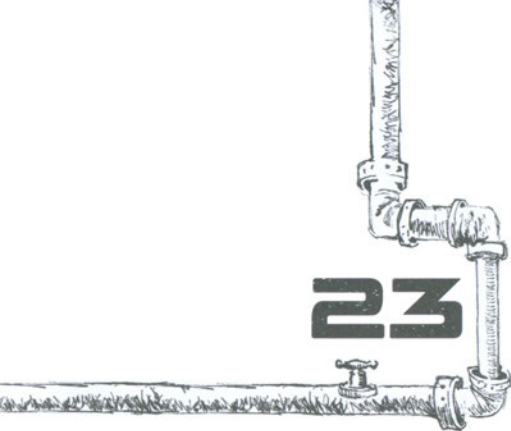
Кормьер двигал в воздухе руками, и прибор медленно вращался в созданной им самим текучей тишине, рассыпая вокруг нежные искры.

— Что происходит? — тихонько спросила Эстель, боясь говорить громко, чтобы не разрушить волшебство.

— Поиск, — ответил Кормьер и повернулся к ней.

«Прорицатель» так и висел в воздухе.

И тут Эстель увидела невероятное: Филипп Кормьер ей улыбнулся.

Данлоп толкнул его в лабораторию. Заметив улыбку на лице Блейка, Кристофер похолодел и понял, что у него будут крупные неприятности.

Инженер поманил его, лучисто улыбаясь.

— Доброе утро. Как вы себя сегодня чувствуете, юный Кристофер?

Узник посмотрел на кресло. К спинке была приделана длинная металлическая планка с какой-то похожей на купол штукой, сделанной из кружева тонких металлических полос.

— Тебе нравится? — спросил Блейк, поправляя руками конструкцию, как фокусник, демонстрирующий публике шляпу, из которой собирается достать кролика. — Я еще не придумал название для этого аппарата, но со временем оно появится.

В глазах инженера горел недобрый огонек.

— Не хочешь испытать его на себе?

Кристофер отвернулся, но Данлоп схватил его за локти и силой толкнул в кресло. Мальчику ничего не оставалось,

кроме как сесть в него вместе с марионеткой, которую он прижимал к груди. Его охватила дикая паника.

Блейк глянул на своего подопытного сверху вниз.

— Понимаешь, Кристофер, важно знать, что воспоминания лежат в памяти слоями. Возиться с ними — все равно что просеивать песок на морском дне. Иногда он сдвигается волнами в одну сторону, иногда в другую, очень трудно отделить фальшивые воспоминания от настоящих. Но в самой глубине хранятся только подлинные. — Блейк усмехнулся и покачал головой. — Но стоит туда добраться, и ты разберешься, какие из них твои, а какие нет, потому что начнешь вспоминать сам.

Кристофер смотрел прямо перед собой, пытаясь сохранить безучастное выражение лица.

Блейк опустил куполообразную шапку над его головой:

— Воспоминания оставляют следы, понимаешь.

Кристофер весь сжался.

— Будет лучше, если ты не станешь упираться.

Данлоп следил за ними с нервным любопытством. Он так сильно наморщил лоб, что стал выглядеть еще более глупым и похожим на обезьяну, чем обычно.

Кристофер хотел было спросить, что происходит, но тут раздался четкий и звонкий звук — «клик». Казалось, он резонирует внутри черепа, дальше последовала вспышка света, а потом прошлое полилось потоком.

Кристофер был так ошеломлен происходящим, что даже не испугался.

— Что ты видишь? — спросил Блейк.

Это можно было описать только одним словом. Лишь оно одно из всех на свете было подходящим:

— Дом.

Экспериментатор глубоко и удовлетворенно вздохнул.

— Сработало.

Кристофер увидел продолговатый сельский дом с выбеленными стенами, окруженный кустами с такой густой зеле-

ной глянцеvitой листво́й, что, казалось, он ощущал ее свежую упругость, даже не прикасаясь к ней.

— Что ты видишь, Кристофер?

— Я вижу дом. Это мой дом.

— Ты можешь войти в него для меня, Кристофер?

Он смутно сознавал, что Блейк опять снимает заплатки с его головы. Он хотел было воспротивиться, но понял, что в этом нет смысла. К тому же, ему самому было любопытно посмотреть, что там обнаружится. Устоять перед искушением он не мог. Цветение было реальным, как сама жизнь.

Напор ощущений — звуков, запахов, красок — был таким мощным, что его едва не опрокинуло этой волной, и он завалился набок.

— Эй, — сказал Блейк, хватая подопытного за плечи. — Полегче.

Ошеломленный впечатлениями Кристофер посмотрел на него. Блейк улыбался. Улыбка была нервная и почти детская — робкая и полная надежды.

Лицо Блейка начало расплываться. Кристофер слышал музыку — кто-то пел, изда́лека доносился женский голос. И что-то еще...

Огонь.

Часть крыши дома сзади и справа от него провалилась из-за пожара.

Он скорее почувствовал, чем увидел пламя. А вот дым был виден отчетливо — желтовато-серый, едкий, удушливый, он забивался в ноздри, отчего в глубине горла першило.

— Что там? Что случилось? — спрашивал Блейк.

— Ничего, это просто... огонь, — ответил Кристофер.

Глаза у него заслезились. Он вытер их рукой, а потом видение исчезло так же неожиданно, как появилось.

Он почувствовал утешительную руку Блейка на своем плече.

— Будь осторожен, Кристофер.

В крыше виднелась дыра с обугленными стропилами по краям, похожими на гнилые зубы. Доски пола под ногами были покрыты копотью, на стенах — обгорелые пятна.

— Ты помнишь, что случилось после пожара?

Кристофер покачал головой.

— Нет, только немного из того, что было до него.

— Что именно ты пом...

Голос Блейка смолк, и почерневший дом вдруг осветился дынным золотисто-коричневым сиянием. Он услышал голову, повернулся и обнаружил, что стоит на кухне.

Его мать месила тесто на кухонном столе. К ее пальцам прилипли вязкие комочки, и она улыбнулась, когда он вошел.

Из двери слева появился отец. Кристофер почувствовал, как у него в груди подскочило сердце. Отец был в солдатской форме, он вытирал руки тряпкой. Пальцы у него были запачканы маслом, карие глаза сияли. Отец улыбнулся ему. Кристофер, у которого и без того уже от удовольствия кружилась голова, почувствовал, как его поглощает новая волна счастья. Мир гудел вокруг него, и все было правильно.

Он словно на самом деле вернулся домой.

Сияние постепенно померкло, и комната снова стала серой. Кристофер прислонился к столу и почувствовал шершавость древесины, тонкие волны древесных волокон. Ему было очень приятно прикасаться к слегка ребристой поверхности и вызывать в памяти моменты, связанные с этим ощущением.

— Что ты вспоминаешь? — спросил Блейк, выведя его из забытья.

Кристофер повернулся к нему.

— Родителей. Я помню их. Обоих, — сказал и залучился от удовольствия.

Блейк ответил ему ободряющей улыбкой.

— Ты помнишь еще что-нибудь?

— Отрывочно. — Кристофер перебирал в уме череду нахлынувших на него образов.

— Может, что-нибудь особенно выделяется?

Он покачал головой и снова улыбнулся:

— Нет, там *все* особенное.

Освещение в кухне опять изменилось. Небо на улице потемнело. Наступил вечер. На кухне горели свечи, за столом кто-то сидел. Это был мальчик, постарше Кристофера, может, лет четырнадцати. Кристофер прятался за дверью и наблюдал за незнакомцем, надеясь, что тот его не увидит. У мальчика были темные волосы, глаза и одежда. Он ковырял отверткой в каком-то механизме, похожем на настенные часы. В его облике ощущалась угнетенность и запуганность. Это было заметно по тому, как он сидел, ссутулив плечи, и украдкой поглядывал на дверь справа от себя.

«Верно, — подумал про себя Кристофер, — *он пришел сюда с...*»

Мысль ускользнула, пронырливая, как рыба в воде.

«*И пришел, чтобы увидеть...*»

И эту тоже не удалось удержать.

— Что ты видишь, Кристофер?

Это был голос Блейка — тихий, потусторонний. Кристофер смотрел на мальчика, долго смотрел. Тут крылось что-то важное. Если бы только ему удалось вспомнить!..

Вдруг его охватила всепоглощающая уверенность в том, что о мальчике должен знать только он один.

— Ничего, — ответил он. — Я ничего не вижу, кроме кухни.

Справа от мальчика возникло какое-то движение. Шевельнулась чья-то тень в дверном проеме, и на кухне появилась новая фигура. Лица этого человека Кристофер не видел, но он был высоким и крепко сложенным. Мужчина остановился рядом с мальчиком, который со страхом смотрел на визитера. Тот наклонился и поднял вверх указательный палец, будто делая мальчику замечание. Потом он ударил по столу кулаком. Мальчик вздрогнул и сжался.

Кристофер ничего не слышал. Почему-то сцена разыгрывалась перед его глазами беззвучно. Губы мальчика задвигались, он что-то сказал.

Тут мужчина размахнулся и смел со стола часовой механизм, с которым возился мальчик. Железный ящичек пролетел через кухню и ударился об стену.

Мужчина вышел из комнаты.

Мальчик заплакал. Он опустил голову, плечи его вздрагивали от неконтролируемых рыданий. Кристофер почувствовал отчаяние паренька и сделал инстинктивный шаг вперед. Страдалец вскинул голову и увидел его.

Глаза их встретились.

Кристофер ахнул.

— Что случилось? — послышался голос Блейка.

Кристофер и сидевший за столом паренек продолжали смотреть друг на друга. Прямые жидкие волосы мальчика уныло свисали вниз, в его глазах застыла печаль, и Кристоферу при виде этого тоже стало очень грустно.

Но, помимо этого, был мимолетный момент узнавания. Кристофер *знал* этого паренька. Он вдруг ощутил прилив энергии. Они были знакомы. Этот мальчик...

— Моя мать. Я только что увидел ее, — солгал он.

Образ мальчика начал таять и пропадать...

Комната превратилась в спальню. Кристофер улыбнулся. После встречи взглядом с пареньком он как-то странно разволновался, а теперь начал успокаиваться. Сердце билось ровнее.

— Это моя спальня, — гордо сказал Кристофер.

— Есть там что-нибудь интересное? — спросил Блейк. Голос его снова звучал отчетливо, и в нем слышался оттенок нетерпения.

— Я раньше спал здесь, — задумчиво проговорил Кристофер. — *По-настоящему спал*, знаете, как...

На мгновение само видение и испытанная от него радость были вытеснены вопросом. По-настоящему? Он *не* настоящий. Откуда у него могла быть семья? Почему он не помнит всего, что с ним происходило до того? И после?

Словно прочитав его мысли, Блейк спросил:

— Что еще ты помнишь? О времени после пожара? Расскажи мне об этом. Попробуй вспомнить.

Кристофер сосредоточился. Прошло несколько мгновений, он покачал головой и сказал:

— Ничего не помню.

Блейк предложил ему углубиться дальше. Кристофера не нужно было побуждать. Он перемещался из комнаты в комнату, как перышко, несомое нежным дуновением ветерка.

Везде, где бы он ни оказался, его удивляли новые воспоминания и ощущения. Вот слышен смех — это он вместе с родителями, хохоча, вваливается в дом через парадную дверь, чтобы спрятаться от дождя и ветра; влетевшие в дом листья кружатся у его стоп. Вот они сидят в гостиной, мать энергично вытирает волосы полотенцем. Огоньки свечей рассказывают ему свои истории. Пахнет клубникой: запах теплый, густой, спелый, рассказывающий о жарком летнем дне. Свет солнца, дождь, ветер, снег. Завывание ветра, треплющего ночью навес крыши, и натянутое до подбородка одеяло. Лунный свет, проникающий в окно спальни... Сплетение всех этих воспоминаний создавало непередаваемое ощущение уюта и покоя.

И, тем не менее, среди воспоминаний оставалось одно щемящее — о мальчике с печальными глазами.

— Ты абсолютно уверен, что там больше никого нет? — спросил Блейк.

— Нет, никого, — заверил его Кристофер.

И, разумеется, опять солгал. Теперь он видел сад и в нем еще что-то, на периферии поля зрения. Вдруг сад озарился вечерним светом, стал из серого золотым, глаза Кристофера расширились. Он вновь почувствовал на плече руку...

«Плик» — и все стало скрываться за водянистой бурой пеленой. Он инстинктивно попытался смахнуть коричневый туман с глаз.

— Расслабься, Кристофер, — сказал Блейк. По его тону было слышно, что он скрежещет зубами.

— Что вы де...

— Расслабься, — повторил инженер. — Пусть купол делает свое дело. Ты пойдешь дальше. Мне нужно знать больше.

— Больше? — спросил Кристофер. Он начал впадать в панику. Видения становились мрачнее. Он почувствовал дым и услышал, как кто-то выкрикивает его имя.

— Кристофер, — прорычал Блейк.

— Я не могу... — Глаза щипало, дым незаметно прокрадывался в горло. — Я не могу...

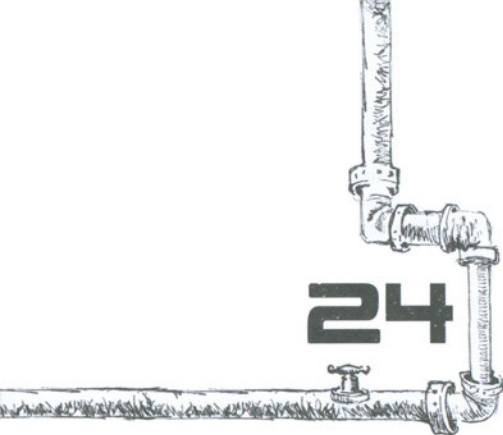
— Послушай меня, Кристофер, — ревел Блейк.

И огонь тоже ревел и трещал, слышались хлопки и треск охваченного пламенем дерева. Кристофер ничего не видел. Не мог дышать. Он попытался вскрикнуть, но ничего не вышло.

— Кристофер! — раздался чей-то пронзительный вопль, он был двухголосый — два голоса переплетались. Один — из прошлого, другой — Блейка — из настоящего.

Ухватившись руками за купол, он отпихнул его в сторону что было сил!..

Блейк издал нечленораздельный вой, но Кристоферу не было до этого дела. Он выскочил из кресла и кинулся к двери. Марионетка упала на пол и пыталась подняться на ноги. Купол-шапка шипел и искрился у него за спиной. Впереди выросла громадная неуклюжая фигура глупого Данлопа, который непонимающе моргал поросычьиими глазками, глядя на разыгравшуюся перед ним сцену.

— Держи его! — прорычал Блейк.

Данлоп кивнул и, широко расставив ноги, двинулся на Кристофера. Он схватил мальчика за плечи и развернул в противоположном дверям направлении. Над Кристофером грозно склонился хозяин лаборатории, лицо Блейка покраснело и исказилось гримасой гнева:

— Почему ты не хочешь помочь мне?! — визгливо кричал он.

Кристофер тоже разозлился.

— Я вам помогаю!

Блейк вскинул вверх сжатые кулаки и попытался совладать с собой.

— Мне нужно, чтобы ты был честен со мной, Кристофер. Мне нужно, чтобы ты вспомнил самый первый момент, когда в тебе проснулось сознание. Мне нужно знать все обстоятельства, которые этому сопутствовали.

— Обстоятельства? — У Кристофера голова пошла кругом. Он не понимал, о чем толкует Блейк.

— Ты должен что-то помнить. Как это было? Кто там находился? Какие глифы могли быть использованы? Я ищу способ... средство... — Блейк зажмурился и от досады постучал себя кулаком по лбу. — Ты должен рассказать мне все.

— Я рассказал вам все! — протестующе заявил Кристофер.

— Ты от меня что-то скрываешь! — крикнул Блейк.

— Я даже не знаю, что вы хотите найти! — Этим ответом Кристофер заработал подзатыльник от стоявшего у него за спиной Данлопа.

Глаза Блейка расширились. Теперь он почти умолял Кристофера.

— Ты хоть понимаешь, насколько это важно? Понимаешь? Мне нужны эти воспоминания. Нужны они все. Без них мы не сможем двинуться дальше. Мне нужно, чтобы ты вспомнил момент пробуждения. Я хочу создать...

Блейк остановился и раздраженно провел рукой по волосам.

«Что ты хочешь создать?» — подумал Кристофер, закусив нижнюю губу и понимая, что, задав этот вопрос, вызовет новую вспышку гнева. Уголком глаза он видел электрошокер Данлопа — на обычном месте. У Блейка был такой вид, словно он вот-вот взорвется. Инженер в отчаянии оглядывался по сторонам, будто искал, на чем сорвать злость.

И нашел.

На столе стояла марионетка, которая успела взобраться туда после падения на пол. Кукла смотрела на них с выражением обреченности, хотя у нее и не было черт лица. Блейк ринулся к столу. Чувствуя опасность, марионетка некулюже по-

пыталась слезть вниз. Но Блейк опередил ее, схватил правой рукой и поднес к лицу Кристофера.

Блейк задыхался, лицо у него побагровело.

— Ты pomoжeшь мне? Расскажешь все, что мне нужно знать? Перестанешь скрывать?

Кристофер посмотрел на марионетку, которая извивалась в кулаке Блейка, пытаюсь высвободиться, и покачал головой.

— Не надо, прошу вас. Я старался... Я рассказал вам все, что знаю.

Блейк ухмыльнулся и направился к гидравлическому прессу, который Кристофер заметил в первый раз, когда попал в лабораторию. Марионетка удвоила усилия в попытке освободиться. Кристофер закричал:

— Нет!

Блейк нажал кнопку, и пресс ожил, еще одну — гидравлический молот опустил с гулким «ХАМММ». Удар был такой силы, что даже пол под ногами у Кристофера вздрогнул. Вибрация прошла по телу, отчего у него застучали зубы.

Блейк повернулся к своему пленнику:

— Ты pomoжeшь мне, Кристофер?

К глазам подростка подступили слезы. «Я не стану плакать, — твердо сказал он самому себе, — не стану», — и попытался отвернуться, но Данлоп схватил его за волосы и принудил смотреть.

ХАМММ.

Кристофер постарался выглядеть дерзким.

— Ты pomoжeшь мне? Прошу тебя по-хорошему, — сказал Блейк.

ХАМММ.

Кристофер попытался кивнуть, но Данлоп так крепко держал его за волосы, что сделать это было трудно.

— Что это значит? — спросил Блейк.

ХАМММ.

— Д-да, — выдавил из себя Кристофер.

ХАМММ.

Блейк приставил ладонь к уху.

ХАМММ.

— Я помогу вам, да! Я расскажу все, что знаю, — пролепетал Кристофер, и из его глаз хлынули слезы.

Блейк прикрыл веки и с облегчением выдохнул, потом благодарно кивнул и опустил марионетку.

— Это все, что я хотел услышать, Кристофер. Спасибо тебе.

Потом он повернулся и положил куклу под пресс.

Молот опустилсЯ.

ХАМММ.

И еще раз.

ХАМММ.

И снова.

ХАМММ.

Кристофер упал на колени. Он попытался поднять взгляд, но обнаружил, что не может. Пресс справился с задачей, от куеклы почти ничего не осталось.

Блейк подошел, присел перед пленником на корточки и помахал перед его носом кусочком сплющенного металла.

— Я просто хочу помочь тебе и ничего больше, — спокойно проговорил он.

Кристофер, тяжело дыша, смотрел на своего мучителя. Блейк улыбнулся.

— Вы могли остаться без руки, — хохотнул Данлоп.

— Мог, — отозвался Блейк, не отрывая глаз от Кристофера. Потом склонил голову набок и попытался изобразить сердечность.

— Ты поможешь мне, Кристофер?

Тот кивнул. Блейк улыбнулся и потрепал его по волосам:
— Хороший мальчик. — Некоторое время он пристально смотрел в лицо Кристофера с неподдельным восхищением. — Слезы. Подумать только. Какое изумительное мастерство. — Затем Блейк отвернулся и направился к креслу, отбросив в сторону кусок металла, который со звоном приземлился где-то в углу: — Уведите его, мистер Данлоп. Пусть отдохнет до завтра.

Когда охранник потащил его к двери, Кристофер оглянулся на Блейка, который возился со своим волшебным куполом.

«Я *помогу* вам, мистер Блейк, — подумал он, — я вам *хорошо помогу*, будьте уверены».

На время Кристофер даже забыл о своей печали. Пока его тащили обратно в камеру, он весь кипел от гнева.

На ночлег решили остановиться в лесу. Джек с улыбкой наблюдал, как довольный Кругляк Роб семенит за Гриппером — приятели вместе собирали хворост для костра. Роб еще никогда не ночевал на природе. Джек знал это, потому что Кругляк сказал ему об этом уже десяток раз, не меньше.

Как только запыхал огонь, Гриппер занял сторожевой пост на краю лагеря. Роб стоял перед костром, потирал руки и протягивал их вперед, к пламени.

— Что ты делаешь, Роб? — поинтересовалась Эстель.

— Грею руки, — ответил тот.

Эстель слегка улыбнулась и подмигнула Джеку.

Кормьер сидел напротив, прислонившись спиной к стволу дерева. Он все рассматривал «Прорицатель» и нежно поглаживал его. Казалось, инженер даже что-то нашептывал прибору, как любимому домашнему питомцу. По лицу старика бегали всполохи голубого света. Кормьер на мгновение оторвался от созерцания чудесного приспособления, поймал на себе взгляды Эстель и Джека и сказал:

— Он рядом. Уже недолго осталось, — после чего вернулся к любованию «Прорицателем».

Джек решился наконец задать вопрос, который мучил его с того дня во дворе у Абсалома:

— Откуда у Кристофера душа?

Увидев выражение лица Кормьера, Джек ощутил, что внутри у него пузырьками газировки пробежало удовольствие. Казалось, он выпустил стрелу, которая попала точно в цель. Джек улыбнулся самому себе, а явно потрясенный Кормьер тем временем пытался вернуться к привычной высокомерной ворчливости.

— Не твое дело, — пробурчал он, притворяясь, что очень занят разглядыванием «Прорицателя».

— Это справедливый вопрос! — не сдержалась Эстель, дерзко глядя на Кормьера.

Инженер сурово посмотрел на нее.

— Принципы механики очень сложны. А ты умеешь делать только кожу. Объяснять высокие материи таким, как ты, — это займет слишком много времени.

— Попробуйте объяснить мне, — предложил Джек.

Кормьер с затравленным видом огляделся и облизнул губы. Джек сильнее ощутил упоительно-радостное чувство победителя.

— Тебе? — с нервным смешком переспросил инженер. — Ты слишком юн, чтобы понять. Посмотри на себя. Когда ты сконструирован? Ты ведь почти дитя.

— Мне двенадцать, — с вызовом ответил Джек.

— Некоторым твоим частям, — прошептал Роб.

— Кристофер помнил своих родителей, — сказал Джек. — Какие у него могут быть родители, если он один из нас?

— Понятия не имею, — буркнул Кормьер. — Какое мне дело. Почему бы вам не спросить об этом свою умную подружку?

Теперь настал черед Эстель вспыхнуть.

— Я знаю достаточно! — сказала она.

Кормьер приподнял одну бровь.

— Правда? Незарегистрированная кожделка, которая, вполне вероятно, обладает только базовыми навыками. Но могу поспорить, ты замахваешься на то, чтобы стать инженером.

Щеки Эстель запылали.

— Ага! Делайте ставки. Удачи. Вам известно, что девушкам запрещено учиться на инженеров с тех пор, как Ранкибл издал свои эдикты? Вы говорите как мой отец. Он тоже был идиот! — выпалила Эстель.

— А как насчет твоей матери? Глупость передается в вашей семье и по ее линии? — Кормьер ослабился.

Эстель выпрямилась и встала, сжав выпрямленные руки в кулаки:

— Возьмите свои слова назад! — потребовала она.

Даже Гриппер обернулся, услышав тон, каким произнесла эту фразу девушка. Роб забыл, что греет руки, и они безвольно повисли, а сам он уставился на Эстель. Джек сел прямо, чтобы лучше видеть происходящее. Слышно было только потрескивание сучьев в костре.

Кормьер покачал головой и криво улыбнулся Эстель.

— Вы очень глупы, юная леди.

— Я сказала, возьмите свои слова назад. — Она уже дрожала от гнева, глаза ее потемнели.

У Кормьера на лице застыла полуулыбка — он понял, что переступил границы дозволенного, но был слишком упрям, чтобы пойти на попятный. Мгновение он размышлял, потом опустил взгляд и махнул Эстель рукой.

— Расскажи нам о своей матери.

Она натужно сглотнула.

— Зачем?

Кормьер посмотрел на нее с примирительным выражением на лице:

— Просто расскажи.

Эстель нервно оглянулась. Джек чувствовал, как она напряжена, рассержена и не уверена в себе.

— Мать была для меня самым главным человеком на свете. Это из-за нее я занялась изготовлением кожи. И благодаря ей преуспела в этом, насколько могла, потому что она всегда говорила: «Эстель Уилкинс, что бы ты ни делала, всегда старайся сделать как можно лучше». И я выполняла ее завет, чтобы она мною гордилась.

— Что с ней случилось?

— Она умерла.

— Как?

Эстель мотнула головой, потом хмыкнула, подавляя всхлип, и отвернулась, устремив взгляд во тьму.

Кормьер сочувственно кивнул.

Девушка повернулась и сердито посмотрела на него. Стальная решимость и жесткость на мгновение вернулись к Эстель.

— Мать научила меня всему. Она понимала, что важно знать, помимо прочего, и историю дела, которым занимаешься. Мама рассказала мне, как последователи Ранкибла делали людей из меди и стали и как от этого все изменилось. Рассказала о первых взрослых механиклах и о том, как их запретили из-за людского страха перед ними. О том, как стали делать детей, которые могли работать на фабриках и залезать в дымоходы. Уйдя из дома, я внимательно наблюдала за инженерами, даже такими никчемными, как Абсалом, — и училась! Все это я делала, потому что мама мне сказала, что я должна найти свое место в мире, а я уже решила: мое место — рядом с механиклами, и когда-нибудь я сама начну их изготавливать, легально или нет. Я многое узнала. — Эстель пожала плечами и съехидничала: — Но что я на самом деле знаю? Я всего лишь делаю кожу.

Девушка села, прижала колени к подбородку, обхватив их руками, и вперила сердитый взгляд в огонь.

Джек ощутил внезапный порыв подойти и обнять ее, но понимал, что таким образом, вполне вероятно, заработает пощечину, а потому не поддался побуждению.

Наступила тишина. Гриппер переступил с ноги на ногу, с любопытством поглядывая на остальных. Роб снова протянул руки к костру. Инженер ничего не сказал, а просто сидел и водил пальцами по «Прорицателю». Сварливость его исчезла, он беззвучно произносил какие-то слова.

Нарушила молчание Эстель.

— Видите ли, дело в том, что вы ничего не поймете сами, пока не потеряете кого-нибудь. — Она дерзко взглянула на Кормьера. — Кого вы потеряли, мистер Кормьер?

Инженер горько усмехнулся и продолжил гладить «Прорицателя». Наконец он заговорил голосом надтреснутым, срывающимся:

— Я потерял... всех.

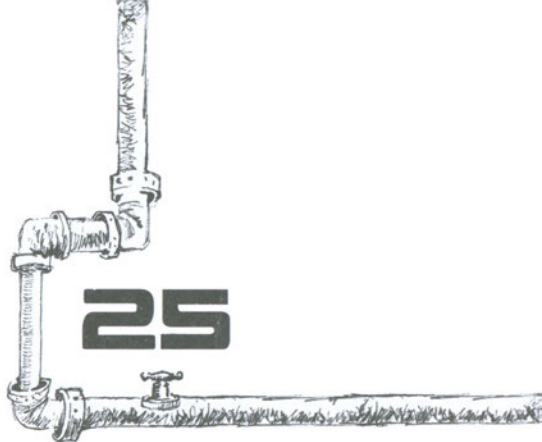
Он встал и кашлянул, потом прижал к груди «Прорицателя», как маленького ребенка, и пошел в лес.

Никто не произносил ни слова, пока Кормьер не скрылся из виду.

Остолбенелую тишину прервал Роб:

— Из-за тебя он заплакал, Эстель.

Кристофер чувствовал себя сломленным. Сломленным и одиноким.

В следующий раз, когда его привели в лабораторию, он был способен только сгорбившись сидеть на стуле, не поднимая взгляда от серого бетонного пола. В голове гудело, тело не покидала ноющая боль — холодная, серая, она росла и росла внутри, поглощая его целиком.

Пока не вернулась злость.

Блейк продолжал щелкать щипцами и ковыряться в заплатках. Всю его напускную любезность как рукой сняло. Он бесцеремонно ворочал голову Кристофера туда-сюда, не разговаривая с ним, но обмениваясь замечаниями с Ривзом, который иногда присутствовал на этих новых сеансах.

Теперь Блейк говорил о Кристофере только в среднем роде — «оно»: «Оно скоро раскроет нам свои секреты», упоминал о каких-то «глубоких раскопках», которые, по его словам, должны помочь разобраться с воспоминаниями Кристофера. Это «потребует немного больше времени, чем он рассчитывал», но результаты будут «великолепные».

Кристофер контролировал себя и все время смотрел в пол, чувствуя, как внутри него клубятся темные вихри злобы. Чем больше Блейк говорил о нем так, будто его рядом не было, тем быстрее закручивался смерч ярости.

Злость придавала сил, возбуждала в нем надежду. Он принял решение: бежать. Они ничего не смогут сделать, чтобы остановить его.

Следующие два дня прошли без изменений. Данлоп приводил пленника в лабораторию. Блейк ковырялся с заплатками, беспрерывно засыпая подопытного вопросами о первых моментах появления у него сознания. Были ли там какие-нибудь особые механизмы? Помнит ли Кристофер какие-то специальные символы или глифы?

Одни и те же вопросы повторялись снова и снова. Однако гнев давал Кристоферу силу и надежду. Он принял решение. Он сбежит, и они не смогут его удержать никакими средствами. Он ждал удобного момента.

И момент возник совершенно внезапно.

Блейк возился с куполом, пытаясь починить его, когда Кристофера приливной волной захватил новый поток ярчайших воспоминаний. Он был таким мощным, что он едва не соскочил с кресла, хватая ртом воздух, чтобы отдышаться.

Лаборатория исчезла, он снова оказался на кухне у себя дома, и увиденный прежде мальчик сидел на том же месте, жадно разглядывая какой-то маленький механизм, который держал в руках. На этот раз Кристофер видел блеск в глазах паренька — огоньки простой радости человека, занятого любимым делом. Кристофер улыбнулся мальчику, и тот ответил ему улыбкой.

Ощущения на этот раз были очень странные. Кристофер будто не просто наблюдал со стороны, он как будто вернулся в прошлое и встретился с мальчиком.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил паренек.

Он был немного старше Кристофера, но какая-то робость, сквозившая в его осанке, манере говорить и улыбаться, создавала впечатление, что на самом деле он младше.

— Что ты делаешь? — спросил Кристофер.

Мальчик показал ему затейливый механизм со множеством колесиков и шестеренок и сказал:

— Я делаю машину. Мне это нравится. Машины делают мир лучше. Отец всегда так говорит. — Казалось, он очень гордится своим творением. — Хочешь посмотреть? — предложил паренек, протягивая вещь Кристоферу.

— Да, — ответил тот и хотел уже взять механизм в руки, но тут видение дрогнуло, мир вокруг начал мерцать, потом потемнел...

Кристофер снова оказался у двери и наблюдал за мальчиком. Он видел ту же сцену, которая предстала перед ним, когда Блейк в первый раз поместил над его головой купол-шапку. Но теперь он еще и слышал слова...

В кухне было сумрачно, на улице лил дождь. Мальчик, как и прежде, взглянул в сторону двери. В комнату вошел мужчина и остановился перед ним. Паренек был явно напуган. Мужчина закричал на него:

— Что я говорил тебе насчет игрушек?

Мальчик что-то сказал в ответ, тихо и невнятно, и тут мужчина выбил у него из рук поделку.

— Секреты существуют не просто так, мальчик!

Кристофер почувствовал, как у него перехватило горло, будто из него высосали весь воздух. Он сдавленно вдохнул и наклонился вперед в кресле.

Он снова был в лаборатории, и Блейк суетился вокруг него.

Кристоферу пришлось прикусить губу, чтобы не сболтать лишнего. А потом он действовал чисто инстинктивно: сделал стеклянные глаза и огляделся с таким видом, будто ничего не сообщает.

На него снизошло странное ощущение покоя. Оценив окружающую обстановку, Кристофер понял: момент настал. Захотелось смеяться, но он подавил в себе не ко времени явившееся желание, и сказал:

— Я вижу... Я вижу...

Блейк стоял перед ним.

— Что, Кристофер? Что ты видишь?

Он прищурил глаза, будто сосредоточивался на том, что мог видеть он один.

— Это нечто важное... Я знаю... — как в бреду, проговорил Кристофер.

Блейк ждал продолжения и от волнения заламывал руки.

— Давай, скажи мне, что ты видишь.

Кристофер махнул рукой, чтобы тот подождал, и сделал знак, что ему нужно встать с кресла. Блейк помог ему спуститься.

Кристофер огляделся с видом человека, который смотрит на окружающее в первый раз, хотя на самом деле он уже приметил все, что ему было нужно.

Данлоп, опираясь на стол, жевал сандвич. Блейк в последние дни так увлекся работой, что забывал просить помощника есть за дверью. Охранник окинул безразличным взглядом происходящее и вернулся к поглощению обеда.

Кристофер начал блуждать по лаборатории, как будто потерялся в одном из своих видений и созерцал вещи, не доступные никому другому. Зачарованный Блейк следовал за ним немного позади и боялся вмешиваться, чтобы не потревожить подопытного, который мог от испуга упустить какие-нибудь важные откровения.

А Кристофер между тем кружным путем приближался к Данлопу. Кроме глупости и неспособности осознать, что в окружающем мире есть что-то другое, помимо его сандвичей, помощник Блейка обладал еще одним качеством — безотказной предсказуемостью. Все его действия были известны заранее: каждый день он входил в лабораторию в одно и то же

время, вешал пальто в одном и том же месте, потирал бока, чесал подбородок и садился за стол, где проводил все утро.

Именно предсказуемость Данлопа давала Кристоферу уверенность в том, что охранник оставит некоторые вещи в определенных местах.

Кристофер попятился назад, потом согнулся пополам, изображая приступ боли.

— Я вижу! Я вижу! — крикнул он.

— Что видишь, Кристофер?! — возбужденно вопрошал Блейк.

— Я вижу...

Кристофер выпрямился и резко повернулся кругом. Его расчет оказался верным. Данлоп жевал, с интересом рассматривая остаток сэндвича в своей руке, будто в нем таился какой-то важный секрет. Кристофер оказался рядом и не упустил такую возможность — рванулся вперед и схватил лежавший на столе электрошокер.

— Нет! — заорал Блейк.

Данлоп с сэндвичем в руке кинулся на Кристофера, но у того хватило времени нажать на кнопку, направив оружие в грудь нападавшего. Листья салата, помидоры, кусочки курицы и хлеба разлетелись в разные стороны. Охранник замер, опустив руки по швам и вздрагивая всем телом, как ребенок, который пытается унять вспышку гнева, глаза его выпучились от боли и удивления, словно он не мог поверить в случившееся. Потом агент начал валиться вперед. Кристофер резко развернулся и направил электрошокер на Блейка.

Данлоп с влажным стуком шмякнулся на пол и несколько мгновений корчился от скрутивших тело спазмов, после чего застыл в неподвижности.

— Кристофер! — крикнул Блейк, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами.

— Не подходите. — Кристофер нацелил оружие и слегка надавил на кнопку. На кончике электрошокера засверкали голубые искры.

Блейк отступил назад, смиренно подняв вверх руки.

— Кристофер, послушай меня, — тихо сказал он.

Кристофер покачал головой и нервно хохотнул.

— Нет, это вы меня послушайте.

— Кристофер, я предупре...

— Секреты существуют не просто так, *мальчик!* — проорал Кристофер.

Эффект, произведенный этими словами, не был бы более драматичным, если бы вместо них Кристофер использовал против Блейка электрошокер. У инженера был такой вид, будто его только что ударили по лицу: он стоял, разинув рот и испуганно вытаращив глаза. Испуг его был неподдельным, и Кристофер наслаждался этим зрелищем.

— Я вас знаю. Я видел вас у себя дома. И знаю, кто вы такой, Ричард Блейк. Я разговаривал с вами. Вы делали механические игрушки. И сказали мне, что хотите быть таким же, как ваш отец.

Блейк качал головой. Кристофер заглянул ему в глаза и увидел те же боль и непонимание, которые заметил в этих же глазах тогда, много лет назад.

— Вы с отцом приходили в мой дом. Зачем? — требовательно спросил он.

— Кристофер... Я... Кристофер, прошу тебя...

Блейк чуть придвинулся.

— Ни с места! — рявкнул Кристофер.

Лицо инженера выражало скорбь и мольбу, и на крошечную долю секунды Кристоферу стало жаль беднягу. Бывший любитель механических игрушек, должно быть, заметил это: лицо его помрачнело, и он воспользовался моментом слабости противника для броска.

Кристофер увернулся от расставленных рук Блейка и приставил электрошокер к его шее. От соприкосновения с телом оружие сработало — «ФРРЗЗАК», — глаза Блейка закатились, и он рухнул на пол рядом с Данлопом.

Охранник стонал и пытался подняться на ноги. На этот раз Кристофер сунул оружие прямо ему в рот. Жилы на шее Данлопа напряглись. Все его тело застыло в ожидании нового разряда. В голове Кристофера пронеслось: «*Это за Джека!*» — и он издал торжествующий вопль. Данлоп обмяк. Кристофер наклонился и снял с пояса тюремщика связку ключей. Руки тряслись, и он дважды ронял свою добычу. Потом выпрямился и сделал несколько вдохов и выдохов, чтобы успокоиться, последний раз взглянул на Блейка, который сжался на полу в позе зародыша, поле чего бросился к выходу.

Путь до двери, казалось, длился вечность, при каждом шаге Кристофер ожидал, что кто-нибудь выскочит из-за нее и схватит его, а потому всю дорогу задерживал дыхание. Добравшись до двери, стал отпирать ее дрожащими руками, зажав электрошокер между колен. Ключ не сразу попал в замочную скважину, но вот дверь со скрипом отворилась, и у Кристофера увлажнились глаза. Он вышел наружу и постарался закрыть за собой дверь как можно тише, но она все равно протестующе застонала.

Кристофер пошел по коридору к выходу из здания.

Тут было холодно. Проход показался ему гораздо более длинным и страшным, чем в первый раз. Кристофер не мог поверить своему счастью, когда наконец оказался у входной двери. Он стал в панике перебирать ключи, потому что понял, что не знает, какой из них от выхода. Один оказался слишком большим... второй тоже не подошел... Кристофер ругал себя, а потом сделал глубокий вдох и велел сам себе успокоиться.

Взял еще один ключ, вставил его в замок, и — о чудо! — ключ повернулся.

Кристофер распахнул дверь, внутрь хлынул солнечный свет. Ноги плохо слуша-

лись его, шаркали по полу, будто боялись выполнять простейшие команды.

Узник сделал несколько шагов по тюремному двору, ощущая на лице тепло солнца, и не мог удержаться от нервного смешка. Он повернул к воротам.

И тут путь ему преградил Ривз.

Кристофера будто ведром ледяной воды окатили. Он отшатнулся назад, споткнулся обо что-то и с ужасом понял, что выронил электрошокер за входной дверью.

Ривз улыбнулся:

— Ну и умен же ты.

Кристофер рванул к воротам, но Ривз схватил его за лацканы.

— Ну нет! Ничего не выйдет!

Ривз ударил его по лицу, и он упал на землю. Кристофер попытался подняться, однако Ривз опередил его — он уже сцапал оброненные Кристофером ключи и сжимал их в кулаке. Какое-то ужасное мгновение он готовился получить еще один жестокий удар, но вместо этого Ривз схватил его за шкирку и потащил к двери. Ноги Кристофера едва касались земли. Противник одной рукой крепко сжимал ворот его куртки, другой открывал дверь. Кристофер извивался в разные стороны, и наконец ему удалось вывернуться из захвата.

Он бросился к воротам, но в следующий миг увидел несутся ему навстречу землю — это Ривз, как игрок в регби, обхватил его сзади за пояс и повалил. Раздался звон, лязгнули зубы — голова Кристофера ударилась о землю. Он смутно видел нависшую над ним фигуру тюремщика. За спиной Ривза что-то шевельнулось, и Кристофер ощутил ледяной холод внутри, потому что из дверного проема, пошатываясь, вышел Блейк.

— Мистер Ривз! — крикнул он. — Оставьте его.

Ривз поднял Кристофера за плечи. Блейк, грубо отпихнув своего прихвостня, протиснулся вперед, схватил пленника за лацканы и начал кричать ему в лицо. Но удивительнее всего было то, что Блейк плакал.

— Ты не знаешь! Ничего не знаешь! Ведь ты — *ключ* ко всему! На тебе все сходится!

Вдруг он как будто устыдился своего порыва и отвел глаза. Наконец, и это далось ему нелегко, Блейк прорычал:

— Теперь меня ничто не остановит. Проект близок к завершению. Ты меня слышишь? Ничто не остановит!

Кристофер уловил крошечную паузу, будто мир задержал дыхание и все живое вдруг осознало: сейчас что-то случится.

Раздался страшной силы грохот, похожий на раскат грома.

Все повернулись к главным воротам, которые продолжали вибрировать, как будто по ним только что ударили молотом с обратной стороны.

А потом ворота разлетелись на куски, с неба посыпался дождь из осколков камня и деревянных щепок и во двор влетел Гриппер.

— ГРИП! — закричал Кристофер.

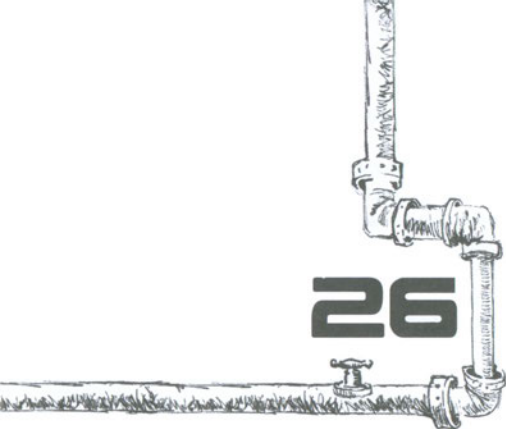
Гигант ударил себя кулаком в грудь и издал победный вопль.

Через то, что осталось от ворот, во двор неспешно вошел высокий бородатый мужчина в длинном кожаном пальто. Он остановился, оперев руки в бока, и окинул взглядом произведенные Гриппером разрушения. Наконец незнакомец заговорил.

— Я пришел за своим внуком, — громко и отчетливо произнес он.

— Что он сказал?.. — не понял Роб.

Они с Этель и Джеком только что пробрались во двор сквозь снесенные ворота и остановились за спиной Кормьера.

— Он пришел за своим внуком, — повторила Этель. Голос ее звучал как будто издалека. Лицо ее побелело, в глазах застыло такое полное и совершенное непонимание, что, казалось, она больше не моргнет никогда.

— У мистера Кормьера есть внук? — переспросил Роб.

— Д-да, Роб... п-получается... д-да, — запинаясь, вымолвил Джек, который совсем растерялся и не мог подобрать нужных слов.

В голове у него все завертелось. Неужели Кормьер действительно?.. Но как такое возможно? Кристофер был механиком. Допустим, он механик *очень* высокого класса, но ведь все равно он не настоящий. Может быть, «внук» — это прозвище, которое Кормьер дал ему как домашнему питомцу? Или?..

Следующим побуждением Джека было — бежать, бежать так быстро, как он не бегал никогда. Ведь вот он Кристофер. Джек бросился к другу с криком:

— КРИСТОФЕР!

Но рука Кормьера схватила Джека за шею и удержала: механикл застучал пятками по земле, попытался освободиться, чувствуя себя совершенно по-идиотски, потому что мир ускользал у него из-под ног. И вот он уже лежит навзничь и смотрит в небо.

— Пустите меня! — орал Джек. — Это Кристофер!

— Я знаю! — рыкнул в ответ Кормьер, при этом вид у него был одновременно сердитый и напуганный.

Только теперь Джек понял: что-то не так. Он повернул голову и увидел, что другой мужчина (это был Блейк) крепко держит Кристофера. Блейк щелкнул пальцами, на что Ривз отреагировал, как дрессированная собака, какой он, в сущности, и был, — и бросил боссу электрошокер.

Блейк приставил оружие к шее Кристофера и сказал:

— Если кто-нибудь сделает хоть шаг, он свое получит.

Джека заколотило от ярости, ему потребовалось собрать всю силу воли в кулак, чтобы не вырваться из объятий Кормьера.

Эстель двинулась вперед.

— Ну-ну, — сказал Блейк, игриво грозя девушке пальцем и улыбаясь.

Та сжала челюсти, но отступила.

— Отпусти его, Ричард, — сказал Кормьер.

— До чего же приятно видеть тебя, Филипп. Как поживаешь? У меня дела идут хорошо, спасибо. Я думал, ты уже умер, но, к счастью, ты, оказывается, жив-здоров. Ну так чем ты занимался в последнее время? Давай. Расскажи мне все.

Блейк не спускал глаз с Кормьера, растянув рот в идиотской улыбке. Кормьер вздохнул и встал в полный рост.

— Я тоже думал, что тебя уже нет в живых, Ричард. Нет, погоди, давай я лучше заменю «думал» на «надеялся».

Улыбка дрогнула на лице Блейка. Джек заметил, что в его глазах промелькнула вспышка гнева. Слова Кормьера видимо задели его за живое. Блейк заговорил, но речь давалась ему

с трудом. Складывалось впечатление, что животное естество взяло над ним власть, и он не говорит, а злобно лает, обнажив клыки. Джеку невольно пришел на ум образ загнанной в угол собаки со вздыбленной на холке шерстью.

— Разве не прекрасно, что два самых прославленных инженера своего времени могут воссоединиться? Величайший и второй по величии.

— Полагаю, величайший — я, — сказал Кормьер.

Блейк издал резкий, почти истерический смешок.

— Ох, Филипп, дорогой мой Филипп. Ну и шутник же ты. Только шутки твои устарели и совершенно неуместны.

— Мне есть что на это ответить, — вздохнул Кормьер.

— Не стесняйся, выразишься на мой счет, — подзадоривал Блейк.

— После тебя.

— Хватит! Перестаньте вы оба, — крикнула Эстель и шагнула к Блейку. — Отпусти моего друга, — прорывалась она.

Блейк холодно взглянул на девушку и снова метнул взгляд на Кормьера.

— Она любит поскандалить, да? Я полагаю, она не одна из твоих. Я бы сказал, более хрупкая, по сравнению с механиклами. Пусть ведет себя осторожнее, — с угрозой предупредил Блейк.

Из дверей «Утеса» появился встрепанный, ошалелый Данлоп.

При виде помощника Блейк ухмыльнулся:

— Ну, Филипп, твои шансы, и без того небольшие, стали еще меньше.

Кормьер спокойно повторил:

— Отпусти его.

— Или что, Филипп? Ты напустишь на меня войско своих потрепанных механиклов? — Блейк покачал головой и усмехнулся. — Мы оба знаем, что этого не случится, верно?

Джек почувствовал, что рука Кормьера уже не так плотно обхватывает его шею, потом она вообще обмякла, и он услышал тяжелый вздох инженера.

— Чего ты ожидал, когда явился сюда? — сказал Блейк. — Думал, я просто отдам его тебе, и дело с концом?

Блейк больше не прижимал электрошокер к шее Кристофера и держал руку на его плече, как добрый дядюшка, который позирует для фотографии с любимым племянником. Он небрежно взмахнул оружием.

— Я близок к тому, чтобы изменить мир, Филипп, а ты об этом ничего не знаешь.

— Что бы ты ни делал, я остановлю тебя, — сказал Кормьер.

Блейк вздохнул.

— Не остановишь. — Он повернулся к своим, крикнул: — Мистер Данлоп! — и бросил помощнику электрошокер. Данлоп, который к этому моменту уже полностью оправился, ловко поймал оружие, не сводя глаз с Кормьера и остальных. Блейк подтолкнул к нему Кристофера, и Данлоп крепко схватил пленника за воротник. У Джека снова возникло отчаянное желание ринуться к другу, но он видел по глазам Данлопа, что тот готов убивать, а потому велел себе успокоиться и не двигаться с места.

Блейк засунул руку в карман пиджака и вынул оттуда маленькую плоскую серебристую коробочку с небольшим рычажком и какими-то кнопками на одной из сторон. Он положил ее на ладонь и выставил на всеобщее обозрение.

— Я еще не придумал названия для этого умного изобретения, пусть даже умным признаю его пока только я сам. Однако хватит бахвалиться. Давайте лучше испытаем, а?

Блейк улыбнулся и нажал одну из кнопок. Тут же что-то зажужжало, словно пришли в движение тысячи механизмов. Жужжание усиливалось и превратилось в сердитый рокот, который постепенно заполнил весь двор. Глядя на Кормьера, Блейк грубо ухмылялся:

— Смотри, Филипп, вот мое величайшее изобретение и инструмент преобразования Англии.

Вокруг начали вырастать из-под земли зеленовато-серые шатры из потрепанного ветром брезента. Рокот усиливался.

Роб заткнул уши, Джек посмотрел на Кормьера с надеждой, будто ждал от предводителя какого-то знака. Но тот повесил голову и имел вид человека старого и слабого, обреченного смиренно принять роковую судьбу.

Между тем брезент постепенно обретал форму. Из земли появились не меньше полудюжины крюков, к которым были привязаны растяжки, державшие крышу и стенки шатров. Блейк продолжал улыбаться, а Ривз начал хохотать, в глазах его сверкали безумные огоньки.

— Что это? — спросил Джек.

Блейк сквозь шум прокричал в ответ:

— БУДУЩЕЕ!

Воздух пронзил режущий ухо звук циркулярной пилы. Раздались громкие хлопки — это лопались туго натянутые нити в полотнищах брезента. Зубчатое лезвие, с жужжанием пролетевшее по кругу на умопомрачительной скорости, проделало в крыше шатра длинную дыру. Брезентовая конструкция дрогнула, и из отверстия в крыше появилась первая фигура. Она была ростом на два фута выше Гриппера, а тело, утыканное страшными на вид шипами, сверкало, как бриллиант или отполированное серебро. Черные-пречерные глаза механического монстра смотрели на них невидящим взглядом. Монстр вскинул руку с когтистыми пальцами, и лезвие, с помощью которого была прорезана дыра в брезенте, спряталось в пазуху у запястья. Блейк щелкнул переключателем, и металлическое создание ударило кулаком о кулак с такой силой, что посыпались искры. Другая огромная фигура уже прорезала для себя дыру в другом шатре. Второе чудовище выбралось наружу и заняло место рядом с первым. Монстры замерли посреди двора, возвышаясь над всеми.

Мгновение все молчали. Блейк протянул руку к своим детищам, как довольный выступлением зверей дрессировщик в цирке.

— Я назвал их «берсерками». Разве они не восхитительны? — Он махнул серебристой коробочкой, которую держал

в руке. — Я контролирую их с помощью этого пульта. Пока не решил, как его назвать. Это временная мера, которая позволяет мне обходить некоторые стандартные ограничения. — Он многозначительно взглянул на Кормьера.

— И что это такое? — хрипло спросил тот.

— То, с помощью чего мы изменим мир, Филипп. И он станет лучше.

Услышав слово «мы», Кормьер криво улыбнулся и бросил на Блейка огненный взгляд.

— Ты можешь делать что угодно со своими жестяными игрушками, но я не уйду отсюда без внука.

Он сделал шаг к Кристоферу. Блейк щелкнул переключателем. Первый «берсерк» двинулся к Кормьеру и стукнул кулаком по земле. Удар вышел такой силы, что едва не свалил старика с ног. Второй «берсерк» сделал несколько неуклюжих шагов и занял позицию позади первого.

Джек следил за приближающимися к Кормьеру монстрами. Потом бросил взгляд на Кристофера, шею которого сжимал крюком руки Данлоп, и им вдруг овладела ярость. Он взглянул на Эстель, девушка кивнула. Они оба бросились к Кристоферу. Джек едва сознавал, что Роб выкрикивает его имя. Гриппер тоже ринулся вперед. Джек слышал лягз его конечностей у себя за спиной. Сперва он вообще не чувствовал страха. В какой-то безумный момент Джек даже думал, что им удастся спасти друга.

Но тут его подхватила когтистая лапища и запустила кувырком по воздуху. Джек успел заметить летящую зигзагом Эстель. Джек пытался выкрикнуть имя подруги, но мир бешено вращался вокруг него. Он грохнулся на землю, подскочил на месте и наконец затих в какой-то грязной луже.

Услышав громкий металлический лягз, Джек кое-как перевернулся на живот и отлепил себя от земли, опершись на руки. Бряцающий звук напугал его. Он обвел взглядом двор. Эстель с перепачканным грязью лицом лежала на боку и моргала глазами от ужаса. Кормьер стоял, опустив руки, подбородок его почти упирался в грудь. Роб был рядом с ним.

Данлоп наконец отпустил Кристофера, тот сделал несколько неуверенных шагов вперед и, разинув рот, тарашился на разыгравшуюся перед ним сцену.

Губы его произнесли всего одно слово:

— Грип?

Гриппер стоял на одном колене и пытался подняться. Первый удар, полученный от «берсерка», снес ему половину челюсти. Гриппер покачивался и поднимал руку вверх, будто просил о снисхождении.

«Но Грип не станет молить о пощаде, — подумал Джек, — потому что Грип храбрый, Грип сильный, и Грип...»

Джек не знал, что было громче — звук удара, нанесенного вторым «берсерком» по голове Гриппера, или мучительный крик Кристофера, который тот издал, когда увидел, как кулак монстра врзается в голову его друга. Гриппер балансировал какое-то время, размахивая руками, но в конце концов упал на спину. Некоторое время он лежал без движения, потом приподнялся на локте. Один из «берсерков» схватил бедолагу за голову и нанес Грипперу удар такой силы, что кулак пробил тело насквозь и вышел с другой стороны. Двор наполнился скрежетом сминаемого металла и визгом Кристофера. Джек услышал и другой звук. Кто-то умолял: «Хватит». Через мгновение он понял, что это был его собственный голос.

— Дай им сдачи, Гриппер. Отбивайся! — крикнул Джек.

Рука «берсерка» почти нежно легла на спину Гриппера между лопатками. Монстр будто пытался помочь своей жертве. Но вот «берсерки» крепче ухватили Гриппера: один — за правую руку, второй — за левую — и потянули в разные стороны.

Посыпался дождь из голубых искр, раздался скрип, скрежет — и правую руку Гриппера вырвали из сустава. Левая осталась болтаться на нескольких проводках. Гриппер, который до сих пор не проронил ни звука, издал нечто похожее на стон и повалился в грязь лицом вниз. «Берсерк» посмотрел на оторванную руку, которую сжимал в когтистой лапе, отшвырнул ее в сторону, и она с грохотом упала в груды металлолома.

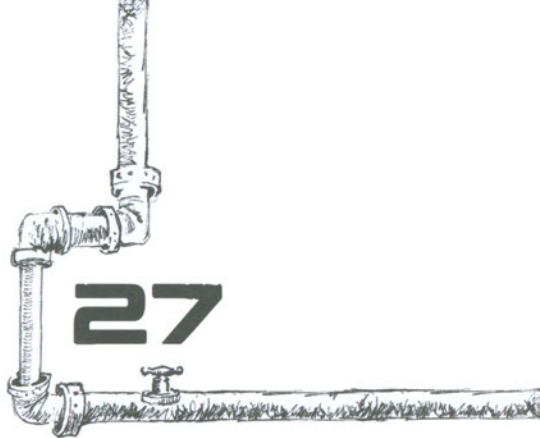
Джек пытался подняться, но силы покинули его, а мир вокруг вдруг расцветился настолько яркими красками — до рези в глазах. Он увидел Кругляка Роба, который с разинутым ртом созерцал происходящее. Кристофер орал во все горло и рвался к Грипперу, но Данлоп отпихивал его назад. Эстель плакала.

Гриппер пытался отползти в сторонку, но единственная оставшаяся у него рука не действовала, а толкаясь одними ногами далеко не продвнешься. Он был похож на выброшенную на берег рыбину, которая отчаянно извивается и бьется за жизнь на песке. Джек увидел, как Блейк с улыбкой на лице нажал на своем пульте какую-то кнопку и повернул рычажок. Первый «берсерк» взял из кучи лома металлический штырь. Джек умоляюще прошептал: «Нет». Это был скорее стон, предвещающий страдание, чем мольба о пощаде.

«Берсерк» медленно подошел к Грипперу и встал над ним. Раздался звук рассекаемого, рвущегося, кромсаемого металла. Воздух наполнил едкий запах горелого. Оторопелый Кругляк Роб сделал несколько шажков вперед, потом у него подкосились ноги, и он рухнул на землю.

Все смолкло, во дворе теперь слышались только всхлипы Эстель и стоны Кристофера, которые перемежались многократно повторяемым «Нет». «Берсерк» наклонил металлический штырь в одну сторону, затем в другую и потом выдернул его из разможенной головы Гриппера.

В камере было темно и душно, витал запах страха и поражения.

Кормьер понуро притулился в углу, прижав колени к подбородку. Эстель сидела на матрасе из металлической ячеистой сетки. Она прислонилась головой к стене и уставилась в потолок. Слезы промыли на ее запачканном грязью лице белесые дорожки.

Джек стоял на коленях у двери. Казалось, это единственное, что он мог сделать, что было правильно и разумно в сложившейся ситуации. Он подумал, может быть, идея Эстель посмотреть невидящим взглядом в потолок лучше, потому что сам Джек видел везде только лицо Гриппера. Он пробовал направить взгляд на пол, на стены, на зарешеченное окно, но это было бесполезно. Лицо Гриппера было повсюду. Глаза Гриппера были повсюду. И из них, как кровь, сочился свет.

— Джек?

Голос Роба мягко прозвучал из темноты. Джек поднял взгляд и увидел Кругляка Роба. Тот стоял над ним с тревожным выражением на лице.

— Да, Роб?

— У тебя что-то случилось с ногами?

Джек попытался улыбнуться.

— Нет, Роб. С ногами у меня все в порядке.

На самом деле ни с ногами, ни с прочими частями тела порядка не было. Он обнаружил, что не может пошевелиться. Если бы Джек был настоящим, то, наверное, чувствовал бы, что весь он как в огне, ощущал бы боль повсюду. Как и остальные, он не сопротивлялся, когда Блейк и его приспешники тащили их в темницу. Они ничего не могли поделать тогда. И ничего не могли поделать сейчас.

Ничего.

— Когда мы сбежим? — спросил Роб.

Джек поднял голову. Правая бровь у Кругляка опять отваливалась.

— Роб, я не знаю...

— Это будет скоро, правда? — Роб отвернулся и посмотрел на решетку окна. — Может, если мы разрежем эти прутья, я смогу вылезти из окна. — Кругляк опустил глаза и снова нахмурился: — Гриппера больше нет, да? Он не вернется?

Джека на миг оглушила прямота друга.

— Да, Роб, — хрипло подтвердил он.

Роб хмуро кивнул.

— Настоящий Боб тоже не вернется, теперь я это точно знаю. Но когда кто-нибудь уходит, лучший способ оставить его среди живых — это помнить о нем. Так говорил мне Кристофер после смерти Настоящего Боба.

Роб наклонился и шепнул Джеку:

— Мы с Мартой посадили для него цветок позади сарая. Эстель нам помогала.

Кругляк отрывисто кивнул, будто говоря: «Вот так-то», — и гордо выпрямился:

— Друзей всегда надо помнить. И лучший способ не забывать Гриппера — это спасти Кристофера и всем вместе вернуться домой.

Роб повернулся и вразвалочку подошел к Эстель. Он взял ее за руку и мягко потянул.

— Пошли, Эстель. Давай выбираться отсюда.

Но девушка не двигалась. Ей удалось только повернуть голову к Робу и посмотреть на него отсутствующим взглядом. Кругляк надулся и скрестил руки на груди. Он стал притопывать по полу. Потом посмотрел на зарешеченное окно.

— Я могу забраться туда. Заберусь и попробую пролезть сквозь решетку.

— Роб, — со вздохом сказал Джек.

— Я смогу, — не унимался Кругляк.

Все замолчали. Роб наконец сел на пол, повесив голову.

— Я могу, — тихо повторил он.

Тишина продлилась еще мгновение, после чего Роб, разом позабыв о своем мимолетном унынии, обратился к Кормьеру:

— А как это Кристофер стал вашим внуком?

Кормьер не ответил. Он еще глубже задвинулся в угол, будто старался укрыться от света, которого в камере было совсем немного.

— Оставь его, Роб, — сказал Джек. — Какая разница.

— Но это бессмыслица какая-то! — сказал Роб.

— Теперь все бессмыслица, — подала голос Эстель.

Роб подполз к ней на коленях и снова взял за руку.

— Мы выберемся отсюда, Эстель. Вот увидишь, — очень серьезно сказал он.

На этот раз она посмотрела на него и улыбнулась дрожащими губами. Роб ответил ей широкой ухмылкой, и пока это было достаточно.

Утром, когда в камеру сквозь окно проник тусклый серый свет, явился Данлоп, чтобы проводить всю компанию в лабораторию. Там они застали сидящего в кресле Блейка, который беспечно крутил в руке длинный гаечный ключ. У двери, кар-

тинно сложив внизу живота руки, стоял Ривз, всем своим видом являя образец чинного послушания и верности долгу.

— Добро пожаловать, милости просим, — сказал Блейк, прыгивая со стула и покручивая гаечным ключом.

Кристофер сидел в другом кресле.

Кормьер шагнул к нему, но был остановлен твердой рукой мистера Данлопа, которая уперлась ему в грудь.

— Не беспокойся, Филипп, с ним все в порядке, — елейным голоском проговорил Блейк.

Джеку не показалось, что с Кристофером все хорошо. Когда тот посмотрел на друзей, в глазах его читалась боль.

— Нет, он тебя не помнит, Филипп. — Блейк качал головой и вздыхал с насмешливым сожалением.

— Отпусти его, — сказал Кормьер.

Блейк улыбнулся, запустил руку в карман пиджака и достал из него «Прорицатель».

— Когда я услышал, что нашелся твой внук, то сразу понял: стоит мне заполучить его, и я еще на шаг приближусь к разгадке. Я думал, что смогу покопаться в его воспоминаниях и вытащить нужную мне информацию. Но это... — Блейк погладил пирамидку. — Это гораздо лучше. Теперь у меня в руках оказался прибор, необходимый для создания улучшенной активации. Мне только нужно узнать, как им пользоваться...

— Будь я проклят, если помогу тебе, — огрызнулся Кормьер.

Блейк слегка подскочил и уселся на высокий стальной верстак, свесив ноги вниз, как ребенок.

— Не желаете ли послушать небольшую лекцию по истории? — спросил он и, не дождавшись ответа, заключил: — Вот и хорошо. Начнем. Представьте себе. Вот живет на свете Филипп Кормьер, великий человек, превосходный инженер, который открыл новый и самый эффективный способ одушевления механиклов — улучшенную активацию. Тем временем в Европе разгорается война. Наша страна несет большие потери, и правительство решает воспользоваться услугами Кормьера и его друга Чарльза Блейка.

Говоря про своего отца, Блейк посмотрел на Кормьера, взгляды их скрестились. Блейк горько усмехнулся.

— Мой отец и мистер Кормьер вместе разрабатывали опытный образец военной машины, которая покончила бы с войной и спасла тысячи жизней. К несчастью, из-за ошибок присутствующего здесь мистера Кормьера много людей было убито во время первой демонстрации новинки, включая и моего отца, — поэтому разработки были прекращены.

Ноздри Блейка раздулись и затрепетали. Он посмотрел на Кормьера взглядом, исполненным ледяной ненависти, но тот и бровью не повел.

— Ошибки, которые привели к трагедии, были совершенны твоим отцом.

Губы Блейка вытянулись в тонкую линию и побелели от ярости.

— Твой отец был великим инженером, но отличался жестокостью и расчетливостью. Он готов был рискнуть чем угодно, чтобы заявить о своем величии. Тебе, как никому другому, это должно быть известно.

Блейк соскочил с верстака, быстро преодолел расстояние, отделявшее его от Кормьера и поднес к его носу гаечный ключ.

— Мой отец был хорошим человеком, — дрожа всем телом, сказал он.

Джек обменялся тревожным взглядом с Эстель.

Кормьер холодно смотрел в глаза Блейку:

— Если ударишь меня этой штукой, значит, ты не лучше его.

Блейк убрал гаечный ключ. Джек удивился, заметив, что его глаза наполнились слезами. Рука, сжимавшая инструмент, сильно задрожала.

Кормьер прикрыл глаза и кивнул. Вдруг Блейк швырнул свое оружие на пол, утер глаза и встал в центре комнаты, уперев одну руку в бедро и возбужденно барабанил ступней по полу. Взгляд его упал на Роба. Он жестом велел Кругляку выйти вперед.

Роб послушно сделал несколько шагов, переваливаясь с ноги на ногу и простодушно глядя на Блейка. Джека снова посетило страшное предчувствие. Сейчас произойдет нечто ужасное. Он напрягся.

— Скажи мне, мой упитанный друг, как ты двигаешься? — обратился к Робу Блейк.

— Посредством базовой активации, — угрюмо ответил Кругляк.

Блейк улыбнулся. Он даже потрепал Робу по волосам. Потом он приподнял парик на его голове и провел пальцем по глифам на металлическом черепе.

— Чем ты был до того, как стал механиклом, мой маленький друг?

Роб сперва растерялся, но потом ответил:

— Ничем.

— Это не совсем верно, — сказал Блейк, грозя ему пальцем. — Сперва ты был сырым материалом. Потом материалу придали первичную форму. Затем искусство инженера и манипуляции с магическими глифами зажгли в тебе жизнь. И ты стал стандартным образцом оживленной базовой системы.

Роб на мгновение задумался, а потом сказал:

— Благодарю вас.

Блейк указал на Кристофера.

— А в случае с ним мы имеем пример оживления улучшенной системы. Это более многоступенчатый и сложный процесс, который требует особого мастерства. Я прав, Филипп?

Кормьер не удостоил его ответом, даже не посмотрел в его сторону. Блейк, похоже, был доволен собой. Он раскачивался на пятках.

— Улучшенная система имеет множество преимуществ.

Хозяин лаборатории снова щелкнул пальцами:

— Будьте добры, мистер Ривз.

— Конечно, сэр, — ответил тот и подошел. Блейк встал позади своего помощника, взял его за плечи и немного подвинул. Ривз улыбнулся, босс похлопал его по плечу и ото-

шел. Ассистент продолжал улыбаться, но в глазах его вспыхивала промелькнула неуверенность.

Вдруг, не говоря ни слова, Блейк бросил Джеку электрошокер. Тот машинально поймал оружие, сжал в руке.

Блейк приподнял бровь:

— Ну что же ты, давай.

— Что я должен делать? — смущенно спросил Джек.

— Он жестокий и бессердечный человек. Обращался с твоим другом грубо, выходил за пределы допустимого. Проучи его. Ударь электрошоком, и я отпущу тебя и твоих друзей. Даю слово. Торжественно обещаю. Вы все будете свободны.

Джек посмотрел на Блейка, как на сумасшедшего. Кристофер ссутулился в кресле, Кормьер повесил голову, в глазах Эстель сверкали нетерпеливые злые огоньки.

— Мое слово — слово инженера. — Блейк кивнул на сильно нервничавшего Ривза. — Пусть помучается. Он этого заслуживает. Заслуживает всего, что получит.

Джек сжал в руке электрошокер. Держать его было ужасно, он был будто живой и посылал в ладонь импульсы, как извивающийся угорь. Ривз смотрел на механика с удивленной полуулыбкой, будто не верил своим глазам. Джек сделал к нему шаг и остановился. Ривз подался назад, нервно облизнул губы. Джек в ужасе смотрел на своего безоружного врага. Он не чувствовал отвращения к Ривзу, он был отвратителен сам себе. Ему казалось, что сам воздух вокруг него пульсирует, посылая ему прямо в череп какие-то темные вибрации. Он попытался шевельнуть сжимавшими электрошокер пальцами, но не смог. Рука стала как будто свинцовой, мертвой. Повернувшись к Блейку, Джек увидел в его глазах огоньки мрачной радости. Когда Джек заговорил, собственный голос показался ему далеким и слабым, едва слышным:

— Я не могу.

Потом он услышал стук — это упал на пол электрошокер. Оружие выскользнуло из его рук, а он этого даже не заметил. Довольный Блейк рассказывал по комнате и потирал ладони.

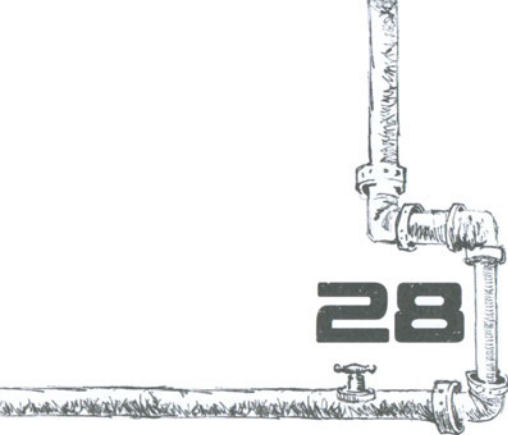
— Вы видите? Видите? Вот единственный крупный изъян в таких машинах. Ярко выраженная слабость в устройстве механиклов, оживленных на основе базовых принципов активации: они абсолютно не способны причинять боль.

Инженер ухмыльнулся, на лбу у него выступили крошечные капельки пота.

— И каково решение проблемы? Делать нечто большее, чем простые машины.

В этот момент Эстель бросилась к электрошокеру, сгребла его с пола и тут же направила на Блейка. Туповатый Данлоп не успел среагировать, так что прикрывать хозяина кинулся Ривз. Эстель взревела от ярости, ткнула его оружием в диафрагму, Ривз согнулся пополам и одеревенел, готовясь получить неизбежный удар током.

Ничего не случилось.

Глаза Эстель расширились, она еще раз ткнула Ривза электрошокером — безрезультатно. Данлоп налетел на Эстель и без труда обезоружил ее. Она брыкалась и пиналась, пока он заламывал ей руки. Блейк наклонился, поднял электрошокер и сказал:

— Из всех изобретений английской инженерии предохранитель, безусловно, величайшее.

Он указал на Эстель.

— В отличие от механиклов, склонность к насилию — часть ее натуры, это вообще поголовное свойство людей. Какой самый существенный элемент отделяет нас от созданий из металла? Что делает нас способными на самые гнусные поступки, тогда как механиклы ограничены примитивными представлениями о морали и правилах вежливости?

Блейк улыбнулся во весь рот, обнажив зубы, однако глаза его оставались мрачными, полными злобы.

— Должно быть, мы обладаем чем-то, чего они лишены. И, наверное, это наша душа.

Хозяин лаборатории очень медленно повернулся и так же медленно показал на Кристофера. Тот посмотрел на него с нескрываемой ненавистью.

— Перед вами результат улучшенной активации — обратился к слушателям Блейк. — Вы видите ненависть существа, которое наделили душой.

Глаза Кристофера удивленно расширились:

— Кто я? — воскликнул он.

— Ты мой внук, — проговорил Кормьер с видом человека, испытывающего муки совести.

— Я не помню... — начал Кристофер, но не смог завершить фразу, потому что его тело содрогнулось от рыданий.

Блейк подбросил в воздух электрошокер, поймал его и подкинул снова.

— Мистер Ривз, — позвал он.

— Да, сэр, — отозвался помощник.

Блейк указал оружием прямо перед собой.

— Будьте любезны, встаньте сюда.

Ривз нахмурился, но встал перед хозяином. Тот улыбнулся, размахнулся электрошокером и рубанул им Ривза по лицу. Все, кто был в комнате, кроме Кормьера, сжались. Ривз упал на одно колено и схватился рукой за щеку, другой рукой вслепую царапая воздух.

— Думаю, можно продолжить демонстрацию, — весело провозгласил Блейк и снова замахнулся. На этот раз Ривз получил удар, от которого завалился на бок. Раздался лязг, от щеки Ривза оторвался кусок плоти, а под ним сверкнул металл.

— О нет! Может создаться впечатление, что я преступил особые постановления закона. Какой ужас. Что там говорится? — Блейк склонил голову набок и процитировал: — «Инженерам не позволено создавать механиклов, которые соответствуют общепринятым размерам взрослого человеческого существа».

Ривз корчился на полу, пытаясь трясущимися пальцами приделать на место оторвавшуюся от щеки кожу.

— Но не будем забывать, — продолжил Блейк, — что я — один из величайших инженеров своего времени, а гении обладают исключительным правом делать то, что им нравится. Не правда ли, мистер Ривз?

Блейк треснул помощника электрошокером по голове. Джек поморщился от металлического лязга.

— Я спросил ваше мнение, мистер Ривз. Почему вы не защищаетесь?

Новый удар.

— Что с вами? Дайте мне сдачи.

Теперь Ривзу досталось по затылку. Снова раздался металлический лязг, за ним последовал стонущий скрип. Руки и ноги Ривза стали сгибаться внутрь и наружу, шарнирные соединения конвульсивно подрагивали.

— Вот вам еще один пример. Стандартные базовые системы не только не способны проявлять агрессию, они не в силах и защищаться от нее. — Блейк отбросил электрошокер в сторону, подошел к Кристоферу и мягко положил руку ему на плечо. Тот отпрянул.

— Чего ты хочешь, Ричард? — спросил Кормьер.

Блейк обернулся.

— Я хочу завершить работу, начатую моим отцом. Хочу, чтобы ему воздали по заслугам. Я хочу вернуть то, что когда-то было нашим, и защитить эту страну от орд варваров, которые принесут ей боль и страдания. Вы знаете, сколько людей отдали свои жизни во время последней войны? Знаете, скольких мы могли бы спасти, если бы наше правительство имело смелость разрешить использование улучшенных механизмов?

— Это не сработает, — с отвращением сказал Кормьер, покачивая головой.

Блейк заговорил дрожащим от волнения голосом:

— Близится война, Филипп, и мы должны быть готовы. Разве ты не видишь? Пока наш премьер-министр крутит большими пальцами и лжет, что когда-нибудь отменит пятый параграф, наши враги собираются с силами.

Кормьер пронзил Блейка яростным взглядом.

— Это неправильно и опасно, Ричард, ты сам знаешь. Я не стану объяснять тебе, как пользоваться «Прорицателем».

Блейк показал на Кристофера.

— Посмотри на него, Филипп. Посмотри. Разве неправильно было спасти душу твоего собственного внука от окончательной гибели и поместить ее в эту металлическую оболочку?

По лицу Кормьера опять пробежала волна стыда.

— Это было совсем другое дело, — едва слышно проговорил он.

Блейк покачал головой и сказал:

— Нет, Филипп, это было чудо. Пора принять это как факт. Я знаю, почему ты помогал моему отцу. Ты потерял сына на Великой войне. Подумай, сколько жизней мы можем сберечь, если возьмемся за дело сейчас и закончим то, что начали вы с отцом. И ты покажешь мне, как работает механизм одушевления.

В этот момент Ривзу удалось встать на колени, ухватившись руками за стол. Блейк бесстрастно взглянул на него и так же бесстрастно произнес:

— Если ты мне не поможешь, я позабочусь о том, чтобы твой внук умер второй раз.

Сказав это, он перевел ледяной взгляд на Кормьера. На лице Кормьера отразились печаль и гнев. Он оказался приперт к стенке и понимал это.

Блейк выпятил грудь.

— Я намерен совершить марш на Лондон со своей новой армией. Наше жалкое правительство и слабый монарх преклонят колени. Тогда и только тогда мы будем в состоянии снова сделать эту страну великой. Никто не устоит против нас, и ты поможешь мне привести в исполнение мой замысел.

Джеку никогда еще не было так тошно, он чувствовал себя больным и потерянным. Но, тем не менее, эпизод в лаборатории оказался поучительным.

Когда их привели обратно в камеру, Кормьер улегся на койку в позе зародыша лицом к стене.

— Расскажите нам про Кристофера, — обратилась Эстель к спине инженера.

— Я никому ничего не обязан объяснять, — последовал приглушенный ответ.

Эстель вскочила:

— Вам придется! Может, он и ваш внук, но нам он друг, и вы должны нам все рассказать.

Кормьер медленно повернулся, приподнявшись на локте. Наконец он со вздохом произнес:

— Случился пожар. Это было давно, после того как мой сын погиб на войне. Его жена и мой внук...

Кормьер зажмурил глаза, пытаясь унять боль.

Во взгляде Эстель не было жалости, она не отступала:

— Как вы вселили в него душу?

Вопрос причинил Кормьеру новое страдание.

— Со времен Ранкибла ходили разговоры о возможности одушевления машин. Изначально я создавал «Прорицатель» для того, чтобы выяснить, можно ли с его помощью совершенствовать механические системы. Но после того как Кристофер... после того как он... — Кормьер явно мучился. Он стиснул зубы и закрыл глаза. — Мне просто хотелось снова увидеть его. Он был для меня всем. Я уже потерял так много.

Глаза старика наполнились слезами.

— Я был... Я был...

— Сломлен, — сказал Кругляк Роб, как будто это само собой разумелось. — И решили подремонтить себя, — звонким голосом продолжил Роб.

Инженер слабо улыбнулся и продолжил:

— Я разработал «Прорицатель» как средство преодоления пропасти между нашим миром и посмертным. В мире есть

трещины, через которые можно провести души. Я нашел один из таких разломов и вернул назад душу моего внука.

— А он об этом знал? — спросил Джек.

Кормьер кивнул.

— Да.

— Но теперь не помнит, — подключилась Эстель.

— После эксперимента с военными машинами я уехал в Айронхэвен. Меня тошнило от себя самого и себе подобных. Я мог общаться только с Кристофером. Гибберт знал о его существовании, но не мешал нам. Я чинил механиклов. Они приходили отовсюду, списанные, брошенные, поломанные. — Кормьер покачал головой и горько усмехнулся. — Кристофер мне помогал. Он все твердил: «Мы можем сделать больше».

Кормьер опустил голову и закрыл глаза.

— Однажды вечером он вышел на улицу. Он просто хотел помогать другим. Наверное, его забрали сборщики утиля. Они уже появлялись в округе и стащили немного топлива и запчастей. Похоже, с горючим у них произошла какая-то неприятность, потому что на дороге произошел взрыв. Мы с Эгбертом нашли их. — Он помолчал. — То, что от них осталось, — и покачал головой. — Я думал, что Кристофер был уничтожен взрывом.

Тут подал голос Джек:

— Абсалом говорил, что нашел его в канаве.

— Он мог проваляться там не один год. Лежал в отключке, — сказала Эстель.

Джеку стало жалко старика, но вся эта история его все равно немного злила. Особенно досадно было, что Кормьер хранил от них так много секретов.

— Значит, у вас был «Прорицатель», и вы его уничтожили из опасения, как бы им не воспользовались другие люди?

Кормьер кивнул.

— Но Агентство изготовило свой собственный, — продолжил Джек.

— Вероятно, на тот случай, если параграф пятый когда-нибудь отменят и военным позволят создавать одушевленные машины для будущих войн, — предположил Кормьер.

— Не имея этого прибора, Блейк похитил Кристофера в надежде разгадать с его помощью секрет улучшенной активации, — добавила Эстель.

— Ваш приятель Абсалом, наверное, был не слишком осмотрительным, и каким-то образом слух о несчастном случае, который произошел с Кристофером, распространился по округе. Когда до Блейка дошли эти слухи, то он сразу догадался, о ком идет речь, — сказал Кормьер.

Некоторое время все молчали, осмысливая услышанное.

— Так когда мы сбежим отсюда? — спросил Роб. Он взглянул в глаза каждому и нахмурился, видя вокруг себя только угрюмые лица. — Мы ведь сбежим отсюда, да? — повторил вопрос Кругляк.

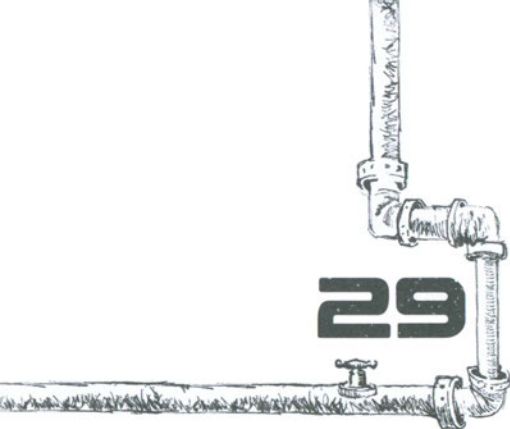
Кормьер снова вздохнул.

Казалось, этот разговор высосал из него последние остатки энергии, и он опять улегся на койку.

Эстель бросила на старика презрительный взгляд и повернулась к Робу:

— Мы сбежим, Роб. Это точно.

На следующее утро их провели по мрачному тоннелю за стены тюрьмы, на кладбище.

Там их подждал Блейк. За спиной у него стоял Ривз, по-нурий и сжавшийся, как побитая собака. Дрожащей правой рукой он прикрывал выступающий из-под содранной кожи металл, а в левой держал бездействующий «Прорицатель».

По границам кладбища стояла дюжина «берсерков». Серебристые тела поблескивали в жемчужном утреннем свете. Каждое — в шипах и зубцах, смесь стальных мускулов, острых лезвий и стрелковых приспособлений.

На их фоне кладбище с порушенной оградой выглядело маленьким, запущенным и тесным. Все здесь поросло мхом и лишайниками, а могильные камни были еле видны, будто их забивали в землю молотками. Территория вокруг кладбища была превращена в свалку металлолома. Повсюду валялись ржавые куски листового железа и обломки труб, а кроме того, разного вида «пустышки» и головы десятков отслуживших свой век «немых».

Надо всем возвышался помост — крепкая на вид конструкция, выстроенная из стальных балок. В каждом из четырех его углов торчали в небо металлические шесты высотой в десять футов.

— Добро пожаловать, проходите, проходите, — приветствовал их Блейк, широко разводя руки.

Взглянув на помост, Кормьер горестно покачал головой.

— Вижу, ты соорудил тут силовой узел, чтобы увеличить энергию «Прорицателя».

— Это лучший способ добиться психонического сращения, — сказал Блейк.

— Хотел бы я сказать, что впечатлен, но на самом деле думаю, ты спятил, Ричард. Правда, спятил. И здесь ты намерен собрать урожай своих душ?

— Именно, — улыбнулся Блейк. — Есть ли для этого место более подходящее, чем кладбище «Утеса», где похоронены самые жестокие выродки из всех существовавших в обществе? Какие души подойдут лучше для искусства ведения войны?

Эстель с отвращением обвела взглядом кладбище и «берсерков».

— Я не понимаю.

Кормьер повернулся к ней.

— Извлекать души удобнее всего на местах упокоения. Здесь легче преодолеть барьер между жизнью и смертью.

Блейк улыбнулся, не разжимая губ, и вдруг его словно охватило какое-то недоброе чувство.

— В такие моменты я вспоминаю об отце. — На его глаза навернулись слезы. — Если бы он был здесь сейчас, если бы видел, чего я достиг, как бы он мною гордился... — сказал Блейк прерывающимся от волнения голосом.

Кормьер покачал головой:

— Еще есть время остановиться, Ричард.

Блейк утер глаза рукавом и усмехнулся. На мгновение Джеку показалось, что этот человек, вопреки всему, все-таки достоин жалости.

— Прости, Филипп. Отступить уже слишком поздно. — Блейк сделал глубокий вдох, одернул жилет, встал как можно прямее и показал на Кристофера: — Вот я смотрю на него, Филипп, и думаю: почему именно тебе довелось вернуть его к жизни? Что в тебе такого особенного?

Кормьер приподнял подбородок. Но ответом противника не удостоил.

По сигналу Блейка Ривз, склонив голову, передал ему «Прорицатель». В свете раннего утра сверкающие грани прибора выглядели полупрозрачными, как папиросная бумага. Невозможно было поверить, что такой хрупкий инструмент на самом деле обладает огромной силой.

Джек подошел к Кристоферу. Тот улыбнулся.

— Вы пришли за мной, — прошептал он и едва не всхлипнул. — Спасибо.

— Незачем благодарить, — отозвался Джек. — Мы сделали бы это в любом случае.

При взгляде на Кормьера глаза Кристофера наполнились печалью.

— Я не помню его, — сказал он. — Ничего этого я не помню.

— Не страшно, — утешил друга Джек, — со временем все вспомнится.

Когда он посмотрел на Блейка, глаза Кристофера вспыхнули:

— Мы должны остановить его.

— Мы его остановим, — твердо проговорил Джек и улыбнулся: он надеялся, что его фальшивой уверенности хватит на то, чтобы заразить ею и Кристофера, пусть хоть на миг.

— Хватит трепаться, — прорычал Данлоп.

Блейк передал «Прорицатель» Кормьеру. Тот с болью в глазах посмотрел на своего внука, опустил плечи и вздохнул. Потом закрыл глаза и занес руку над прибором. Тот запульсировал светом. Блейк благоговейно взял серебристую пирамидку и повторил движения Кормьера. Стоило ему провести рукой над «Прорицателем», как на поверхности светя-

щегося прибора стали появляться новые глифы. Блейк жадным взглядом следил за этим процессом.

Эти глифы были зазубренные, угловатые, неприятные на вид, и двигались они по граням пирамидки с какой-то злой неумной энергией, как муравьи, готовые наброситься на жертву.

Блейк поманил Кормьера за собой к помосту. Старик двинулся следом за ним, ветер трепал полы его кожаного пальто. Они остановились у платформы, глядя вверх. Блейк поднял «Прорицатель» и выпустил его из рук. Прибор завис на уровне глаз. Блейк прикрыл веки и беззвучно прошептал несколько слов. «Прорицатель» переместился ближе к середине платформы. Оба мастера вытянули шеи и наблюдали за тем, как прибор парит в паре футов над самым центром помоста. Вдруг «Прорицатель» вспыхнул сапфировым светом. Четыре усика голубых молний вырвались наружу, и каждая обвилась вокруг одного из четырех шестов, торчавших по углам платформы. Прибор засиял ярче и начал медленно вращаться.

Кормьер опустил голову.

— У нас совсем мало времени, да? — сказал Кристофер, становясь плечом к плечу с Джеком.

Джек ощущал внутри мерцающее чувство беспомощности.

Вдруг он услышал рядом громкое щебетание Джорджа.

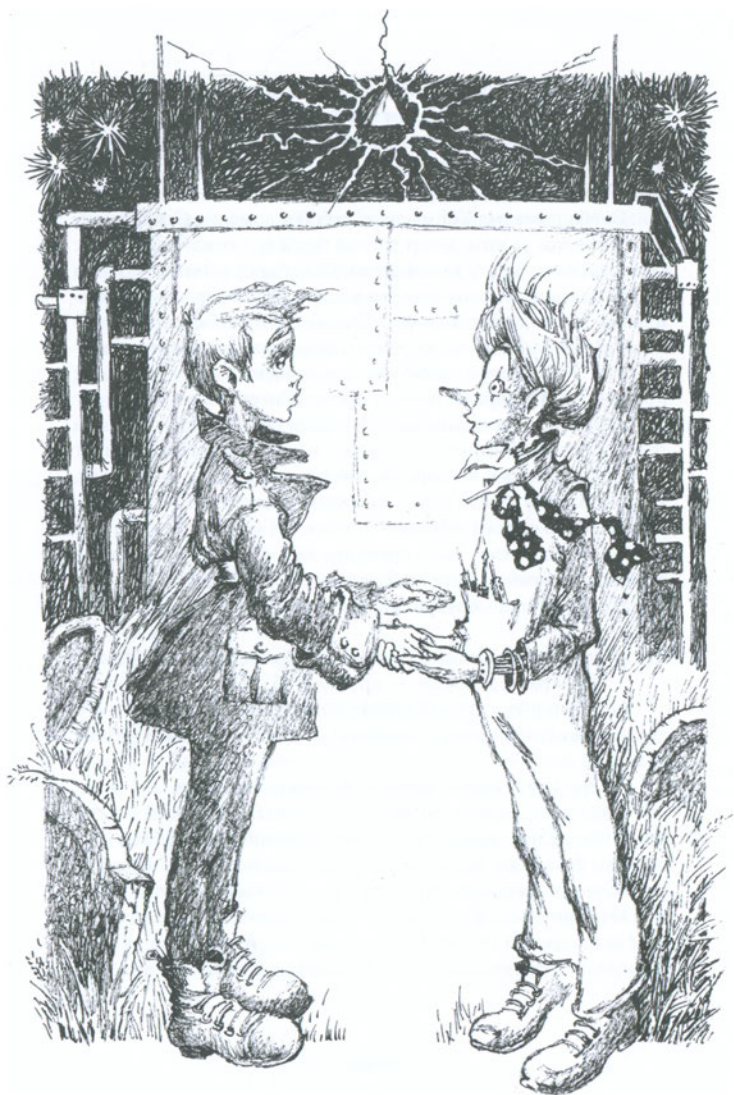
— Прекрати, Джордж, — просил Роб.

Но недопаук суетливо бегал вокруг шеи Роба, лапки его судорожно сгибались и разгибались, а сам он издавал резкие крики.

— Пусть эта тварь заткнется! — заорал Данлоп.

Охранник двинулся к Робу, размахивая электрошокером, но остановился, услышав приближающийся звук. Это был слабый, фоновый, какой-то приглушенный гул. Все взгляды устремились вдаль, на спускавшийся к кладбищу холм.

Отдаленный шум внезапно стал громче и превратился в металлический скрежет. Он звучал так, будто одновременно точили тысячу ножей. Данлоп заткнул уши, и вскоре его

примеру последовали остальные. Единственным, кто не зажал уши, был Кормьер. Он лишь ухмылялся, слыша этот звук. Его издавала текучая серебристая масса, которая устремилась вниз с холма, — это были тысячи металлических пауков. Волной жидкого серебра они катились к кладбищу. Они пищали, визжали, сверкали и неслись яростным потоком. Слышался несмолкаемый топот тонких лапок. Джордж щебетал, будто приветствуя своих собратьев.

Блейк застыл на месте с разинутым от ужаса ртом.

Джек улыбался.

Кормьер вынул из кармана пальто маленькую черную прямоугольную коробочку с кнопками.

— Это называется *пульт дистанционного управления*, — сказал он Блейку. — Просто чтобы ты знал, что название занято.

Раздался громоподобный металлический грохот — это пауки кинулись на низкую ограду кладбища и перекатились через нее, как цунами.

В этот момент Блейк, наконец, пришел в себя и побежал к помосту с криком:

— Спасайте «Прорицатель»!

Ривз стоял на месте как вкопанный. Наконец он медленно развернулся, будто забыв, как пользоваться ногами, и последовал за хозяином. Раздался высокий и отчаянный крик, напоминавший визг сверлящей дрели. Джек обернулся, и глаза его полезли из орбит: по кладбищу бежала, конвульсивно изгибаясь, какая-то странная фигура на серебристых ногах. Джеку потребовалось несколько мгновений, чтобы понять — это Данлоп, облепленный со всех сторон серебристыми пауками.

Волна пауков подбиралась к помосту. Джек молча поблагодарил судьбу за то, что пауки на их стороне.

— Он что-то делает с «Прорицателем»! — крикнул Роб, показывая на Блейка.

Все посмотрели на помост. Блейк, скрючив пальцы, выдвигал в воздухе перед прибором какие-то знаки. Сначала ни-

чего не происходило, но вдруг «Прорицатель» ярко вспыхнул и почти ослепил их. Раздался громкий треск, как удар разрывающей воздух молнии, и из прибора вырвался гигантский луч голубого света. Он упал прямо в центр кладбища. Послышался громкий урчащий звук, будто работала гигантская турбина, и от места, где луч бурил землю, начали разбегаться в разные стороны светящиеся изломанные трещины.

Казалось, весь воздух с ревом устремился в одну точку — в дыру, которая словно пронзила насквозь весь мир.

— Прибор работает на полную мощность. Он собирает всю окружающую психоническую адгезию, — сказал Кормьер.

Роб повернулся к нему и спросил:

— Это по-английски?

— Он хочет одушевить свои машины.

Воздух прорезал новый звук — жуткий вой, похожий на крик испытывающего муки зверя. Он разнесся эхом по кладбищу, сотрясая воздух, который будто заражался этим страданием.

— Смотрите, — сказал Роб, указывая на место, откуда разбегались трещины.

Из него, пульсируя, расползлось нечто дымно-черное, оно завивалось спиралью, а потом, будто под действием какой-то неведомой силы, устремилось прямо к одному из механических чудовищ, стоявших вдоль края кладбища.

Воздух завибрировал, послышался визг взрезаемого металла, и с глухим звуком «*вумпх*» тень прошла сквозь бронированную грудь монстра.

«Берсерка» передернуло. Глаза вспыхнули льдисто-голубым светом, и металлический гигант, конвульсивно вздрогнув, ожил. Он поднял руки вверх и посмотрел на свои когтистые пальцы, потом запрокинул голову и заревел в небеса.

Между тем Джек заметил еще одну тень, которая извивалась вдоль изломанной линии света. Он указал на нее, не в силах вымолвить ни слова.

— У нас мало времени, — сказал Кормьер.

— Что нам делать?! — прокричал Роб сквозь шум и рев.

«Берсерк» уже шагал к ним на своих похожих на каменные глыбы ступнях.

Послышалось очередное громкое «вумпх», вторая душа нашла своего обладателя, и еще один «берсерк» стал пробуждаться к жизни.

Кормьер засунул два пальца в рот и свистнул так громко, что у Эстель выступили слезы на глазах. Потом старик шелкнул пальцами, приказывая что-то паукам. Серебристая масса разделилась надвое и потекла в сторону первого «берсерка». Но авангард непаучьего войска был разом растоптан гигантской ступней монстра. Следующие ряды не-пауков взбирались на тела павших товарищей и карабкались вверх по ноге «берсерка», треща без умолку.

Джек удивленно взглянул на Кормьера.

— Вы не использовали свой дистанционный пульт. Почему они идут в атаку?

Старик махнул пультом:

— Он только вызвал их.

— Значит, у них есть души, — сказал Кристофер.

— Верно, — отозвался Кормьер, горящими глазами глядя на работу своих подопечных.

— Где вы взяли столько душ? — спросила Эстель.

— У крыс, — спокойно ответил инженер.

Эстель слегка побледнела и прижала ладонь ко рту.

— Пошли, — скомандовал Кормьер. Он выхватил из кучи металлолома стальной прут и двинулся к платформе.

Некоторые пауки уже взбирались по ее боковинам, выстраиваясь грозными пирамидами. Кормьер оказался у лестницы и только прикоснулся к ней, как вдруг весь помост сотряс разряд энергии, по металлическим балкам, изгибаясь и шипя, пронеслись голубые молнии. Кормьера отбросило назад, и он упал на спину. Вокруг него дождем посыпались серебристые паучки, которых тоже скинуло с платформы.

Первым к Кормьеру подоспел Кристофер. Он схватил старика за запястья, и они оба уставились на свежие красные пятна на ладони Кормьера, где была обожжена кожа.

— Это ничего, — прокричал сквозь шум старик. Несмотря на боль, глаза его были полны надежды. — Платформа... она не любит Мясо.

— Что нам нужно сделать? — спросил Кристофер. Он помог старику сесть. Роб стоял рядом.

— Надо уничтожить «Прорицатель», — сказал Кормьер. — Как только столб света погаснет, все души, которые были вызваны с его помощью, засосет обратно — туда, откуда они явились. Сам прибор обладает огромной силой, но его поверхность очень хрупка. Его надо просто прихлопнуть чем-нибудь металлическим.

Он протянул стальной прут Кристоферу. Тот кивнул и засунул орудие себе за пояс.

— А мы что будем делать? — спросил Джек.

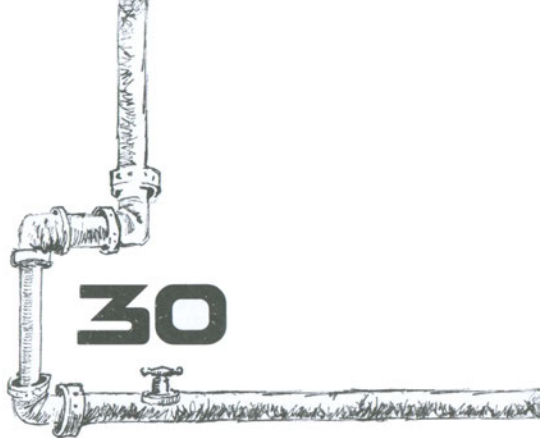
Поднявшись на ноги, Кормьер сказал:

— Мы будем биться. — После чего подмигнул и залился громким раскатистым хохотом, будто полоскал рот галькой. Роб тоже засмеялся, и вскоре они оба покатывались от смеха, заражая весельем друг друга. Джек, несмотря на грозившую им всем опасность, тоже не мог удержаться от улыбки.

— А теперь пошли! — скомандовал Кормьер.

Дважды повторять было не нужно. Джек возглавил атаку на платформу. За ним следовал Кристофер, замыкающим шел дико вращавший глазами Роб.

День померк, будто «Прорицатель» вобрал в себя свет всего мира. «Или, может быть, мир наполнялся тенями», — подумал Джек, когда они достигли лестницы на помост. Звук разрываемого металла и последовавший за ним вой возвестили о том, что еще один «берсерк» получил душу.

На платформу вывалилась новая толпа пауков. Они бросались на нее — но их отбрасывало назад ударами светящейся энергии, и они отлетали, осыпая все вокруг яркими искрами. Некоторые добирались до края платформы, но их сбрасывал вниз отчаянно метавшийся по помосту полубезумный Блейк.

— А где Джордж? — крикнул вдруг Кругляк, ощупывая шею.

— Не думай об этом сейчас, — отозвался Джек. — Мы найдем его позже.

«Будет ли это позже?» — задался вопросом Джек, однако вслух ничего не сказал. Он отбросил тревожную мысль и ухватился за перекладину лестницы, тут же ощутив, как через руку по всему телу прокатился энергетический удар. Лестница качалась, а крюки, которыми она цеплялась за по-

мост наверху, устрашающе подскакивали от вибрации платформы.

— Мы справимся, — прорычал Джек сквозь сжатые зубы и, собравшись с духом, начал взбираться. За ним последовали Кристофер и Роб.

По мере подъема перед Джеком открывался все более широкий вид на кладбище. Ожили уже три «берсерка». Они отбивались от пауков, разбрасывая назойливых металлических многоножек в разные стороны. Нападавшие так плотно облепили ноги одного из монстров, что тот едва мог передвигать ими, казалось, он бредет по колено в грязи, протестуя заывая. Другой больше преуспел в борьбе с полчищем пауков: он топтал их и прокладывал себе путь к платформе. Третий только разворачивался в сторону помоста.

Наконец Кристофер и Джек добрались до верха и помогли Робу перелезть с лесенки на помост. Они успели как раз вовремя. Платформу сотряс внезапный удар энергии. От толчка все попадали с ног. Лестница свалилась на землю. Путь к отступлению был отрезан. Делать нечего. Трое храбрецов поднялись. Джек постарался придать себе уверенный вид.

Блейк стоял на противоположной стороне платформы. Пауки перебирались через край, но он отшвыривал их ногами или смахивал вниз железным брусом. Ривз стоял в нескольких футах за спиной хозяина. Руки у него были опущены, голова уныло висела. Джек еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь имел такой забитый, пораженческий вид.

— Ну, идите сюда, давайте! Вам же будет хуже! — орал Блейк, а пауки все лезли и лезли наверх.

Джек ощутил новый приступ страха, услышав вой очередного оживающего «берсерка».

— Что будем делать? — прокричал Роб.

Кристофер выступил вперед:

— Я его отвлеку. А вы разбейте «Прорицатель».

Джек кивнул. Кристофер знаками показал Робу и Джеку, чтоб взяли левее, а сам намеревался подобраться к Блейку с правой стороны.

— А как быть с ним? — сказал Джек, указывая на Ривза.

Помощник Блейка смотрел на них с убитым выражением лица. Непохоже, чтобы он мог двинуться с места, даже если бы захотел.

— Не думаю, что он доставит нам неприятности, — сказал Кристофер, пригнулся и начал двигаться к Блейку. Джек взял Робу за руку, и они пошли влево. Вокруг завывал ветер, под ногами копошились и верещали пауки, позади завывали «берсерки». Всюду дым, искры! Казалось, им предстоит пробираться сквозь этот кошмар целую вечность.

Кристофер взвесил в руке стальной прут, который нес с собой, и ударил им по помосту, Блейк развернулся и оскатился, как пес, заведший врага.

— О нет! — сказал он, помахивая пальцем. — Нет, не сейчас. Только не сейчас.

Двинувшись в сторону Кристофера, он ухмыльнулся и попытался с размаху ударить его железным брусом. Кристофер успел увернуться. Он отшатнулся и едва не потерял равновесие. Блейк возбужденно провел рукой по волосам и снова занес оружие.

Джек потянул Робу вперед, кивнув на «Прорицатель». Прибор парил в воздухе прямо перед ними. Из пирамидки вырывались молнии, а вокруг нее собралась туманная, тихо пульсирующая аура. Джек и Роб ощущали давление исходящего от «Прорицателя» света, который отталкивал их назад, не давал подступить ближе, словно они шли против ветра, продвигаясь вперед дюйм за дюймом.

Роб нервно положил руку Джеку на плечо. Кругляка внезапно поразило какое-то странное чувство, он даже покачнулся и простонал:

— Что это?

— Я... я не знаю, Роб... Я...

«По-моему, это тепло, — подумал Кругляк. — И, кажется, холод. Думаю, это чувство».

Джек заморгал глазами, он почувствовал то же, что и Роб. Тепло, холод, радость, печаль. Он взглянул на свои руки. Куски кожи отслоились, из-под них проглядывала серая сталь пальцев. Раздался резкий крик. Они увидели Блейка, который орал на них, как полоумный. Кристофер пятился от него, с трудом уворачиваясь от очередного удара.

Блейк нарисовал в воздухе какие-то знаки свободной левой рукой и указал пальцем на «Прорицатель». В ответ на это прибор вспыхнул жгучим бело-голубым огнем, и Джека с Робом сбило с ног внезапным выплеском энергии.

Блейк издал торжествующий крик, который превратился в крик боли, потому что Кристофер нанес ему сильный удар по голени. Блейк повалился на помост и, защищаясь, поднял вверх руки.

Мир завертелся вокруг Джека, но у него хватило духа осознать, что намеревался сделать Кристофер. В глазах друга он увидел ярость. И с этой яростью в глазах Кристофер поднял оружие, чтобы нанести удар, который мог стать смертельным.

— Кристофер! НЕТ! — закричал Джек.

Выкрикнув эти слова, он тут же пожалел об этом. Кристофер обернулся всего на секунду, но Блейку этого хватило. Он схватил железный прут и вырвал его из рук противника с такой силой, что Кристофер отлетел к краю платформы и едва успел затормозить, чтобы не свалиться вниз. Рухнув на пол, он наблюдал, как его оружие пролетело по воздуху и скрылось из вида.

Блейк с трудом поднялся на ноги и, хромая, заковылял к противнику. Кристофер пытался подняться, но Блейк уже стоял над ним, занося железный брус для удара, который наверняка разможил бы Кристоферу череп.

Джек хотел крикнуть, но получил какой-то сдавленный лай.

Блейк сделал резкий шумный вдох и начал уже опускать руку с брусом, но был чудесным образом остановлен на полпути. Это был Ривз, крепко ухватившийся за брус обеими руками.

— Пусти! — крикнул Блейк.

Ривз не отреагировал, хотя неотрывно смотрел прямо в лицо хозяину. Он даже не вздрогнул, будто не слышал вовсе грозного окрика, и продолжал сжимать брус, как в тисках.

Блейк ухватился за орудие убийства двумя руками и попытался отнять его у помощника, но ему удалось только немного протащить самого Ривза по платформе. Оба они оказались прямо над Кристофером. Сколько ни бился хозяин, у него не получалось высвободить брус из стального захвата слуги. По лицу разъяренного инженера струился пот. Сделав последнее отчаянное усилие, Блейк рванул его на себя и издал яростный вопль.

И тут Ривз разжал руки. Блейк полетел к краю помоста, но в последнюю секунду успел зацепиться за пальто Ривза и утащил прислужника за собой — оба упали вниз. Ривз соскользнул без сопротивления, смирившись и покоряясь неизбежному.

Оба они пропали из виду.

Мгновение Джек, Кристофер и Роб таращились, раскрыв рты, на то место, где только что стоял Блейк.

Кристофер первым стряхнул с себя оторопь. Он поднялся на ноги, подбежал к друзьям и помог им встать. Втроем они повернулись к «Прорицателю», и все трое испытали одинаковое гнетущее чувство.

«Прорицатель» сиял так ярко, что они даже на расстоянии ощущали, как волны света отталкивают их.

Джек мгновенно принял решение.

— Возьми Роба вниз, — сказал он Кристоферу.

Тот покачал головой.

— Джек, нет...

— Забери его и сам уходи.

— Ты не сможешь сделать это один, Джек, — запротестовал Кристофер.

— Сделать что? — спросил Роб, переводя взгляд с одного на другого. — Что сделать? О чем вы говорите?

Джек начал мягко отпихивать Роба. Тот нахмурился, потом посмотрел на «Прорицатель», и глаза его удивленно расширились.

— Нет, Джек! Нет!

Джек вздохнул.

— Роб...

— Нет, ты не сможешь. Он взорвется, и ты не вернешься, Джек. Ты никогда не вернешься. Как Настоящий Боб и Гриппер! И что я тогда буду делать?!

Джек наклонился к Кругляку и мягко сказал:

— Я должен сделать это сам. Кристоферу нельзя, потому что у него есть дед.

— Тогда это сделаю я. Я разобью «Прорицатель», — с обидой в голосе заявил Роб и двинулся в сторону прибора.

Джек схватил его за руку:

— Нет, Роб.

Кругляк попытался вырваться, но теперь его удерживал еще и Кристофер.

— Почему я не могу? — всхлипнул Роб. — Почему это должен быть ты?

Джек грустно улыбнулся и сказал:

— Я не прощу себя, Роб, если это будешь ты или Кристофер.

Нижняя губа Кругляка задрожала. Мгновение он смотрел в пол, потом покосился на Джека, пристыженный и виноватый.

— Ладно, но ты знай, что я тебя ненавижу за это. Знай это, Джек! Я тебя ненавижу! — Роб тяжело засопел.

Джек продолжал улыбаться, печально и сдержанно.

— Как ты собираешься его уничтожить? — спросил Кристофер.

Джек криво усмехнулся.

— Думаю, сломаю его руками. Кормьер сказал, что он хрупкий.

Джек поднял руки, и Кристофер увидел, что кожа на них ободрана.

— А что будет с тобой? — спросил Кристофер.

Джек пожал плечами, мол, какая разница.

— Все будет в порядке, — утешил он друга и улыбнулся, хотя сам прекрасно понимал, что это неправда.

Кругляк не мог смотреть на него.

— Пошли, — сказал Кристофер, указывая на край платформы. Они вдвоем подошли туда и глянули вниз.

Первым их глазам предстал Блейк — он лежал на спине, раскинув руки и ноги, на груди, под левым плечом виднелось темное мокрое пятно. В этом месте его пронзил стальной прут. Ривз находился в нескольких футах от хозяина и тоже лежал неподвижно.

— Слезть отсюда будет непросто, но мы и не с таким справлялись, — сказал Кристофер Робу.

Кругляк глянул вниз, нахмурился и кивнул.

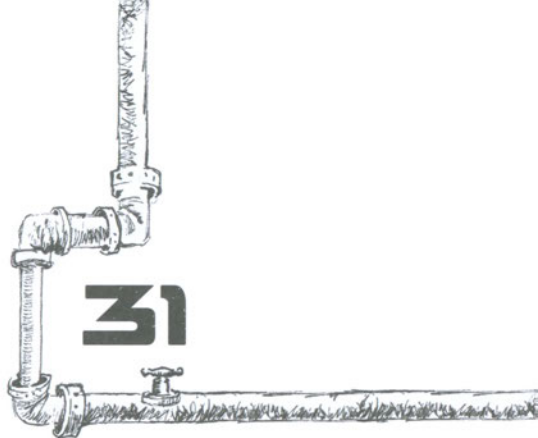
— Высоко, но не для механикла. Кому и знать, как не мне. Сколько раз меня катали с гор. — Он с улыбкой повернулся к друзьям. — Верно?

Джек и Кристофер улыбнулись в ответ. Роб их развеселил. Когда дела шли хуже некуда, они оба знали: на Робу можно положиться, он в любой ситуации отыщет светлую сторону.

Кругляк широко улыбнулся... а потом толкнул Кристофера на Джека и, очень довольный собой, наблюдал, как они оба кубарем слетели с платформы.

Сперва Робу стало стыдно за свой поступок. Но он быстро избавился от этого неприятного чувства, сказав себе, что так будет лучше — ведь его друзья останутся в живых. Это сделало его счастливым. По правде говоря, для Кругляка Роба не было на свете ничего важнее друзей, и он был твердо намерен не допустить их гибели.

Кругляк отошел от края помоста и стал обдумывать свой следующий шаг. Он посмотрел на серое небо, пронизанное голубыми молниями. Увидел «берсерков», которые неуклонно приближались к помосту.

Теперь уже почти все они ожили. По крайней мере двое рухнули под натиском пауков Кормьера, еще трое проигрывали остаткам паучьего войска, но многоногих явно не хватало, чтобы остановить всех монстров. Роб посмотрел на призрачные тени, которые выскальзывали из сияющих голубым светом трещин. Посмотрел на «Прорицатель», блиставший, как звезда, и подумал, что ему лучше сделать.

«Я должен разбить его», — так говорил Джек.

Роб кивнул сам себе. Джек прав. Если им что-то и поможет, так это уничтожение «Прорицателя». Кругляк посчитал, что шансов сделать это у него больше, чем у любого другого в их компании. Он выпятил грудь, ударил в нее кулаком и прислушался к гулкому эху, после чего повернулся к «Прорицателю». Даже с такого расстояния он ощущал исходявшие от прибора волны энергии, которые отталкивали его назад. Это было все равно что попасть в шторм или идти против ветра.

Кругляк прикинул: времени у него немного, и сказал себе: — Значит, надо использовать его как можно лучше, Роб.

Он попробовал задержать дыхание, потом засмеялся, вспомнив, что не умеет дышать. Поднял руку, чтобы придержать бровь, и двинулся к «Прорицателю».

Энергетические волны били его в грудь, но он упорно проталкивался сквозь них вперед. Полосы кожи начали отслаиваться с его лица, но Роб продолжал идти. Он постепенно приближался к цели, не сводя глаз с источника голубого пульсирующего света, и наконец дошел.

Потоки мощной энергии вырывались из «Прорицателя», с рук Роба содрало кожу. Но Кругляка это не беспокоило. Его мысли занимали более важные вещи. Он вспомнил тот день, когда впервые очнулся на захламленном дворе и обнаружил глядевших на него Кристофера и Джека. Он подумал о том дне, когда Эстель сделала ему лицо, и как гордо она при этом улыбалась, не зная, что он смотрит на нее. Пришло ему на память и то, как он смотрел на свалку с верхушки самой высокой груды металлолома, держа за руку Марту, когда солнце закатывалось на западе. Вспомнил он и Гриппера.

Роб протянул руки и взял «Прорицатель». Он снова ощутил странные холод и тепло, покой и ярость, печаль и радость, но ему не было до этого дела. Его ум был поглощен другим.

Кругляк Роб прижал волшебную пирамидку к груди и сдавил ее изо всех сил. Он закрыл глаза, и представил лица своих друзей, и прошептал их имена.

— Джек, Эстель, Гриппер, Марта, Кристофер.

Потом Роб повалился вперед, прижимая к груди «Прорицатель».

Кругляк Роб улыбался.

А мир взорвался.

Джек и Кристофер только успели встать на ноги, как их снова сшибло взрывной волной. Послышался ужасающий скрежет искореженного металла. Джек почувствовал, как его схватила за плечо чья-то рука.

Кристофер прокричал:

— Уходим! — и потащил Джека подальше от платформы.

Она разваливалась на части, валились подпорки и поперечные балки, куски металла пролетали по воздуху и вонзались в землю. На спины Кристофера и Джека дождем сыпались железные заклепки. Первой мыслью Джека было: «Как там Эстель?» Она и Кормьер кое-как оттащили Блейка в сторону. Сейчас Эстель лежала ничком, уткнувшись лицом в ладони. Кормьер накрыл своим телом Блейка, пытаясь защитить его. Тем временем огромная подпорка помоста покачнулась и рухнула, расплющив несчастного Мортимера Ривза.

Стальной дождь наконец прекратился.

Наступило краткое затишье, потом снова загромыхало. Гигантский луч голубого света начал визжать.

«Как может свет — визжать?» — подумал Джек.

Вдруг луч резко сжался, и «берсерки» взвыли в унисон. Сверху надавило так, будто весь воздух притянула к земле какая-то неимоверная сила. Изломанные трещины голубого света начало засасывать в сжимающийся световой столб. Дальше потянулись черные души. Так же быстро, как они влетали в металлические тела, их теперь вырывало оттуда. «Берсерки» валились на колени, потом на землю. Ключья черноты с резким визгом спиралями вылетали из них, втягивались в тонкую колонну света и исчезали под землей. «Берсерки» падали

один за другим, и при каждом падении кладбище содрогалось. Наконец на ногах не осталось ни одного. Пустые серебристые оболочки больше не двигались.

Световой столб замерцал — и исчез, оставив после себя в воздухе только ниточки света, похожие на кровеносные сосуды.

Наступила полная тишина.

Кто-то кашлянул.

Джек повернулся и увидел пытавшегося встать Блейка. Из уголков его рта сочилась кровь — темно-красная, как и кровь на его рубашке.

— Филипп... Филипп... — просипел он.

Кормьер сжал его руку.

— Лежи, Ричард. Тебе нужен покой.

Несмотря на боль, Блейк схватил руку Кормьера — крепко, будто в тиски зажал.

— Я старался, как мог, Филипп, и только, — прошипел он. — Ты победил. Победил и разрушил все.

— Разве дело в победах, Ричард, — устало проговорил Кормьер.

Блейк улыбнулся.

— Он гордился бы, Филипп, правда? Он бы так гордился...

Кормьер, казалось, внутренне боролся с собой, потом сочувственно кивнул, решив, что его следующие слова не принесут вреда, особенно теперь.

— Да, Ричард. Он гордился бы.

Блейк улыбнулся ему. Потом улыбка начала гаснуть, и глаза инженера затуманились слезами. Он издал последний вздох и обмяк на руках у Кормьера.

Старик опустил Блейка на землю. Вдруг из груди мертвеца выросло что-то дымно-черное.

— Что это? — спросила Эстель, сжавшись от страха.

— Это остатки энергии «Прорицателя». Все гибнущие души в радиусе его действия засасывает в потусторонний мир.

Все в испуганном изумлении наблюдали за тем, как душа Блейка плывет по воздуху, словно паутина, несомая ветром. Она приблизилась к тончайшей нити света, и та с едва слышным хрустальным звоном рассыпалась, как тонкое стекло. Душа мгновение повисела в воздухе, после чего начала растворяться, издавая звук, похожий на скрип песка под ногами, и вскоре от нее не осталось и следа.

— Что с ней случилось? — спросила Эстель.

Кормьер пожал плечами.

— Исчезла. И все тут. — Он отвернулся.

Эстель, прищурившись, посмотрела на груды лома, над которыми проплывала душа. В ее взгляде читалось подозрение и глубокое недоверие.

— Роб, — простонал Джек и побежал к нагромождению обломков на месте развалившейся платформы.

Остальные кинулись за ним. Джек был в отчаянии. Он начал расшвыривать в стороны куски металла, не замечая ничего вокруг и крича:

— Роб! Роб!

Тело Кругляка он отыскал быстро. Грудь, к которой Роб прижимал «Прорицатель», была смята, в ней зияла дыра с рваными краями. Джек вытащил тело Кругляка из-под завала и нежно взял его на руки. Головы нигде не было видно. Стояла полная тишина, прерываемая лишь всхлипываниями Джека. Кристофер опустился рядом с ним на колени и положил руку на плечо друга. Широко раскрытыми глазами он смотрел на останки Кругляка Роба и не хотел верить в то, что видел.

Джек поднял взгляд и, шмыгнув носом, сказал:

— Он умер, Кристофер. Он умер. — Джек качал на руках тело Роба и всхлипывал.

Все молчали, но вдруг раздался знакомый звонкий голос:

— Ты обещал, что научишь меня свистеть, когда все закончится!

Это было как удар молнии! Голос Роба — ясно как день.

Эстель вскрикнула и бросилась вперед. Она откинула в сторону железный лист, и под ним обнаружилась голова Роба, которая глядела на них, помятая и слегка закопченная дымом, но, безусловно, это была голова Роба — с теми же криво сидящими бровями.

— Ты жив! — воскликнул Джек.

— Конечно, я жив, — бодро ответил Роб.

Джек схватил голову Кругляка и прижал к груди. Кристофер вырвал ее и тоже обнял, а потом и Эстель выхватила ее у них и горячо обняла.

— Но как? — изумился Кормьер.

— Никудышный ремесленник, — сказал Роб, — мистер Абсалом плохо приделал мне голову. Она отлетела за миг до большого взрыва. — Роб скривился. — Я всего лишь пожал плечами, но вы, наверное, этого не заметили, потому что у меня пока вообще нет плеч.

Эстель завизжала и стала покрывать лицо Роба поцелуями. Тот недовольно хмыкал, но она не унималась.

— Ты сделал это, Роб, — сказал Кристофер. — Ты спас нас всех. Всех и каждого.

Блейк очнулся в полной темноте.

Запаниковал. Потом вспомнил падение, вспомнил боль.

Несмотря на тьму, он начал смутно сознавать, где находится, и вдруг испытал огромное облегчение.

«Я жив», — подумал он.

Следующая мысль была убийственной. Ему не без труда удалось вспомнить, кто он такой, но, когда это произошло, его наполнила холодная радостная ярость.

«Я уничтожу их всех, всех до единого», — подумал он.

Он видел старые деревянные полки, покрытые паутиной пробирки и запыленные бутылки. Сквозь щель над дверью пробивалась полоска света. К двери вели ступени. Это был подвал.

Блейк ощутил порыв броситься к свету.

Но тут перед ним появилась Эстель.

Блейк едва не отпрянул, потом отругал себя за слабость. Что ему эта девушка?

— Я убью тебя, — сказал он. — Ты заплатишься за...

— Не думаю, что вы способны говорить, и полагаю, это для вас очень печально, ведь вы так любите звук своего голоса... — промолвила Эстель и холодно поглядела на него.

«Как она смеет, — подумал Блейк, — меня нужно уважать, бояться!..»

— Как ты смеешь! — закричал он. — Ты еще пожалеешь об этом.

Эстель покачала головой:

— Нет, к сожалению, я вас не слышу.

Она отвернулась и начала искать что-то на полке, а когда снова посмотрела на Блейка, в руках у нее была какая-то прямоугольная штука.

— Первые подозрения возникли у меня, когда ваша душа исчезала. Я подумала про себя: наверняка есть место, куда она отправилась. Потом я заметила что-то странное в куче лома и решила проверить.

Эстель подмигнула Блейку и направила на него прямоугольную вещичку. Это был осколок зеркала, грязный и треснувший, но и такого было достаточно, чтобы он увидел...

— Чудо улучшенной активации в действии, — сказала Эстель и усмехнулась.

Блейк смотрел на лежавшую на столе голову. Эта голова мало чем отличалась от обычной заготовки для механикла: обшарпанный череп с выпученными глазами, зачаточная форма, даже безо рта. «Немой».

«Как же он был?.. Где его?..»

Блейк моргнул, и голова повторила за ним.

И тут он завопил.

Эстель вздохнула.

— Полагаю, ваша душа вселилась в ближайший пустующий объект. Может, сказалось действие «Прорицателя». —

Она нахмурилась. — Наверное, Кормьер все объяснил бы подробнее, но я ничего не скажу ему. *Никогда*.

Блейк ругался, слал проклятья, снова кричал. Грозил, что заставит ее страдать, — но Эстель, разумеется, ничего этого не слышала.

Она опустилаcь на колени, положила локти на стол и подперла подбородок ладонями.

— Вы тут застряли. Надолго. Может быть, навсегда. — Она поднялась. — Времени у вас, полагаю, достаточно. Вполне хватит для того, чтобы вы выучили урок: кто захочет навредить моим друзьям, не уйдет от расплаты.

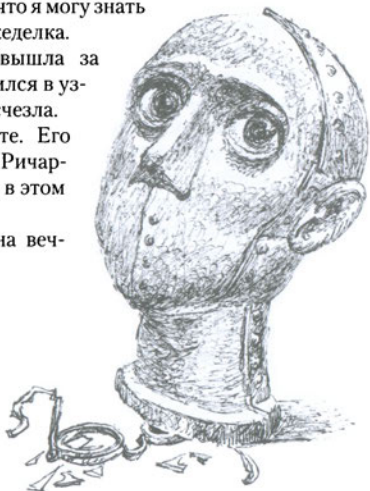
Эстель пошла вверх по ступеням. Блейк снова закричал на нее. Когда она поднялась до середины лестницы, — начал умолять, а когда положила ладонь на ручку двери — уже всхлипывал. Эстель обернулась, чтобы бросить на него прощальный взгляд.

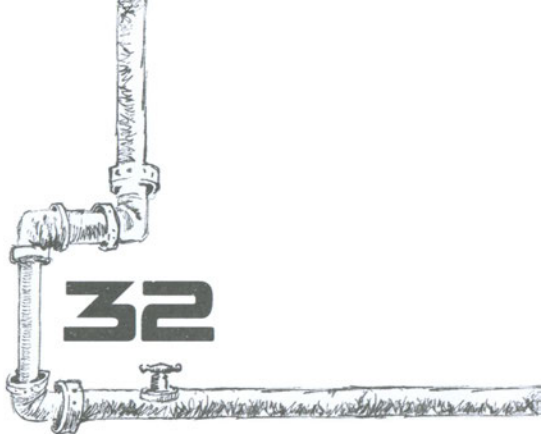
— Не знаю, что с вами будет дальше. Может, вы снова умрете, может, нет. Или останетесь таким, как сейчас, навсегда. Мерзкая глупая железная голова, ржавеющая во мраке. — Девушка пожала плечами. — Но что я могу знать об этом? Я же всего лишь кожеделка.

Эстель отвернулась и вышла за дверь. Квадрат света превратился в узкую полосу, а потом и она исчезла.

Блейк завопил в темноте. Его крик становился тьмой. Для Ричарда Блейка не осталось ничего в этом мире, кроме темноты.

А темнота растянулась на вечность.

Айронхэвен блистал на солнце, когда в город въехал грузовик. Нагромождения склепанного металла сверкали яркими пятнами меди, бронзы и серебра. Хотя все здесь, казалось, было сделано наобум, без четкого плана, Кристофер признал, что никогда еще не видел ничего более прекрасного.

— Все будет хорошо, ты же знаешь, — сказал Джек.

— Что? — не понял Кристофер.

Джек кивнул, не глядя на него, как будто успокаивал скорее себя, чем друга.

— Все будет хорошо, вот увидишь. Воспоминания к тебе вернутся.

Пока они приближались к воротам владений Кормьера, по улице за ними нерешительно следовали механиклы. Кристофер заметил, что большинство из них находятся в разных стадиях распада. Он увидел девушку-механикла, которая провозжала их печальным взглядом. У нее был всего один глаз, а с правой руки отслоилась кожа. Потом Кристоферу на глаза попался мальчик, который нес в руках собственную голову, и два других, обнявших друг друга за плечи. У них была одна

голова на двоих и по одной ноге у каждого, так что передвигаться они могли только в обнимку.

Наконец они приехали, и, выйдя из грузовика, Кристофер увидел пятиногого мальчика, который приближался к ним с исполненной надежды улыбкой на лице.

— Вы вернулись, Джек! — сказал пятиногий.

— Конечно, мы вернулись, Сэм, — отозвался Джек и представил Кристоферу своего старого приятеля: — Это Сэм Шестиног.

Сэм улыбнулся Кристоферу:

— Я тебя знаю.

— Ну что, пошли в дом? — сказал Кормьер чересчур громко и упорно избегая взглядов поломанных механиклов.

Кристофер нахмурился.

— Ты меня знаешь? — спросил он у Сэма.

Тот кивнул:

— Конечно.

— Я тебя что-то не припоминаю...

— Это ничего, — вежливо отозвался Шестиног.

— Все в дом! — скомандовал Кормьер.

— Добро пожаловать домой, — сказал Сэм и нерешительно, будто извиняясь за что-то, улыбнулся.

«Дом, — подумал Кристофер. — Разве это дом? Ничего похожего». Он не знал, что ответить Сэму.

Сэм поглядывал на Кормьера. Он как будто не смел надеяться. Такое выражение нередко встречается на лицах тех, кто слишком часто обманывался в своих ожиданиях.

— Мы еще поговорим, Сэм, — ободряюще сказал Джек.

У ворот собирались механиклы. Кристофер снова заметил одноглазую девушку. Он отвернулся и вошел во двор, не в силах выбросить из головы образы несчастных механиклов.

Кормьер стоял посреди двора, широко разведя руки.

— Вот мы и дома! — провозгласил он.

Открылась входная дверь цитадели Кормьера, и вниз по ступенькам навстречу гостям поскакала Марта. Кристофер

обрадовался, увидев, что она бежит на ногах, восхитительно одинаковых по длине. Лицо девчушки было подправлено, и на нем радостно блестели новые глаза, одинакового размера.

— Вы вернулись! — заверещала Марта, обхватила руками Кристофера и сжала его что было сил. Он засмеялся. — Я знала, что вы найдете его. Я знала! — кричала девчушка.

Закончив с Кристофером, Марта обняла всех по очереди. Она взяла у Джека голову Роба и закружилась, держа ее перед собой на вытянутых руках.

— А где твои остальные части, Роб? — спросила она.

— Милых в ста отсюда, — ответил Кругляк, изогнув бровь, которая тут же отвалилась.

Кристофер поднял ее и положил в карман.

— Потом поправлю, Роб.

— Я не хочу ее возвращать, — сказал Кругляк, — я хочу новые брови, модные, как у джентльмена. Верно, мистер Кормьер?

— Верно, — сказал тот, потрепав Роба по волосам, потом украдкой бросил взгляд на Кристофера и быстро отвел глаза.

— А где Гриппер? — спросила Марта.

Все переглянулись. Никто не знал, что ей ответить. Джек отвел девчушку в сторону и кратко объяснил ей, что случилось. Услышав новость, Марта заревела и несколько минут не могла успокоиться. Она продолжала всхлипывать и когда обратилась к Кристоферу:

— Но он вернул тебя, Кристофер. Это главное, верно? Ты здесь благодаря Грипперу.

Марта снова обняла вновь обретенного друга и долго его не отпускала.

— Ну хорошо, — сказал Кормьер и указал на дом. — Пойдем?

Кристофер услышал, как закрываются ворота. Он обернулся и увидел стоявшего за ними Сэма Шестиного. За спиной у него толпились другие механиклы. Сэм печально смотрел, как захлопываются ворота. Он поднял руку. Кри-

стофер и Джек махнули ему в ответ и пошли в дом следом за Кормьером.

Эгберт подал всем машинное масло в столовой, а Кормьер выпил что-то такое, отчего сильно повеселел. Комната наполнилась взрывами смеха и болтовней, всех охватило радостное чувство облегчения. Кормьер смотрел, как они общаются друг с другом, и на его лице появилась слабая улыбка. Кристофер поймал его взгляд, и губы старика дрогнули. Кормьер быстро отвернулся и попросил Эгберта налить ему еще стаканчик.

Кристофер окинул взглядом друзей. Все выглядели счастливыми, и он впервые за долгое время почувствовал, что ему ничто не угрожает. Но ощущения, что он дома, не возникало.

Он подумал: а появится ли оно вообще когда-нибудь?

Кристофер наблюдал за работой Этель в новой мастерской.

Они провели у Кормьера неделю, и за это время кожевнице приглянулась небольшая каморка сбоку от дома. Этель собрала кое-какие инструменты и взялась за дело. Кормьер был рад, что она нашла себе занятие. Кристофер сразу заметил, как изменилась Этель. Глаза ее горели, все спорилось у нее в руках, она плавно передвигалась по мастерской, помещивала что-то в котелках, взбалтывала содержимое мензурок, растягивала куски кожи. Кристофер знал, что эта увлеченность работой была для Этель ее версией счастья.

Джек сидел в уголке и возился с каким-то куском металла. Он тоже следил за Этель и понимающе улыбнулся Кристоферу. Тот попытался ответить улыбкой, но попытка вышла слабой и неубедительной. Кристофер поспешил отвернуться, пока Джек не догадался, что с ним не все ладно.

Прошло несколько недель. Кристофер никогда еще не был так счастлив. И все равно его преследовало тягучее чувство, что чего-то не хватает. Кормьер занялся его заплатками на следующий же день по прибытии. Он нервничал и то и дело извинялся. Сперва Кристофер разделял его робкие надежды, но с каждым днем Кормьер, казалось, становился все более подавленным, хотя и старался выглядеть бодрым.

Дошло до того, что он начал намеренно избегать Кристофера. Старик отводил взгляд и едва не бросался в бегство, увидев его. В конце концов он впал в отчаяние и прекратил возню с заплатками. Казалось, в присутствии Кристофера он постоянно чувствует сожаление или раскаяние. Это читалось во взглядах, которые он украдкой бросал на внука, и в робких улыбках, которые исчезали, едва успев появиться на его лице. Когда-то горделивый и словоохотливый, ныне Филипп Кормьер выглядел печальным и виноватым.

Кристоферу все это казалось странным. С одной стороны, он вроде бы не помнил этого человека, а с другой — остро ощущал пустоту внутри, будто ему Кормьера не доставало. Он силился вспомнить, но, сколько ни старался, ничего не получалось.

Кристофер вдруг почувствовал, что в камерке Этель наступила напряженная, выжидательная тишина. Джек смотрел на него в упор, и Этель тоже. При этом она вытирала руки о ветошь и усмехалась одним уголком рта.

— Что? — спросил Кристофер.

— Что ты хочешь узнать? — спросила Этель.

— О чем ты? — не понял Кристофер.

— Зачем пришел? Хочешь о чем-то спросить?

Он пожал плечами и просто сказал:

— Мне нравится смотреть, как ты работаешь...

Этель не сводила с него глаз, и выражение у нее на лице было задорное.

— Мне хотелось бы знать... По-твоему, когда я начну вспоминать? — наконец тихо проговорил Кристофер.

Эстель положила ветошь на стол и вздохнула:

— Я не знаю, Крис. На этот вопрос у меня нет ответа.

Он кивнул и постарался не выглядеть слишком удрученным.

— Но одна вещь мне известна, — продолжила Эстель. — Ты вспомнишь. Я это точно знаю. Не забудь мои слова. Воспоминания вернутся к тебе, когда ты меньше всего будешь ждать этого.

Кристофер кивком поблагодарил ее за сочувствие, ощущая внутри все ту же странную пустоту, а потом сказал:

— Он даже не смотрит на меня.

Эстель на мгновение задумалась.

— Он не может. Он чувствует себя виноватым в том, что до сих пор не помог тебе вспомнить. Кроме того, он ведь *вернул* тебя.

— Ты имеешь в виду, из тюрьмы? — уточнил Кристофер.

Эстель покачала головой. Он прекрасно понял, что она имела в виду, но ему было страшно принять эту мысль.

— Вернул твою душу... Это было для него непросто. Вероятно, он переживает, правильно ли поступил. И ты напоминаешь ему о том решении.

— О чем ты, Эстель? О каком решении ты говоришь?

— Не думай об этом. Ты сейчас здесь, и важно только это.

— Но что он, по-твоему, чувствует?

Эстель задумалась:

— Он скучает по тебе, хочет тебя вернуть. — Она помолчала и кивнула самой себе. — Он очень скучает по тебе и хочет тебя вернуть, и неважно, *как* при этом он ведет себя в твоём присутствии.

Кристофер покачал головой. Эта мысль казалась ему слишком сложной. Он помнил своих родителей, но Кормьер оставался для него абсолютным незнакомцем. Тогда откуда это чувство, что чего-то не хватает? Он вернулся к своим дру-

зьям, а друзья для него — это и есть дом. Но почему он не ощущает себя цельным? Чего ему недостает?

Снаружи раздался какой-то лязг, потом издали донеслись приглушенные расстоянием проклятья. Где-то рядом работал Кормьер. Кристофер улыбнулся, услышав знакомые звуки, но одновременно ощутил странную грусть.

В каморку через полуоткрытую дверь заглянул луч вечернего солнца, на стене появилось золотое пятно. Кристофер был заворочен его мерцанием. Вдруг у него в груди что-то слабо шевельнулось. Из транса его вывело появление на фоне пятна света чьей-то тени.

— Всем доброго вечера, — раздался голос из-за спины.

Все обернулись и увидели Кругляка Роба, который вальяжно привалился к дверному косяку.

Хотя правильнее было бы сказать: не совсем Кругляка Роба. Кормьер смастерил ему новое металлическое тело, более стройное, вмещающее все механизмы, шарниры и шестеренки. Обновленный Роб пытался сделать вид, что все это его совершенно не занимает, однако Кристофер не мог сдержать улыбки, видя, как изменилось отношение Кругляка к самому себе.

Роб вошел в каморку широким шагом, уперев руки в бедра, осторожно пригладил новые брови и откашлялся.

— Я тут вышел немного посвистеть, — сказал он, сложил губы дудочкой и засвистел.

Ярким штрихом к новому телу Кругляка стали маленькие меха¹, которые Кормьер сконструировал и вставил ему в грудь. Они позволяли Робу вдыхать, выдыхать и, что было особенного прекрасно, издавать свист.

Кристофер и Джек заулыбались. Солнце опускалось ниже, издали доносился стук молотка Кормьера.

Роб потерял руки.

---

¹ Меха — приспособление со складчатыми стенками для нагнетания воздуха; употребляется для раздувания огня и приведения в действие некоторых музыкальных инструментов (волынок, гармоник, органов).

— Посвистеть и походить, — продолжил он. — Кто хочет прогуляться со мной?

Джек усмехнулся и поднял руку. Роб вопросительно взглянул на Кристофера и поиграл бровями. Тот засмеялся:

— Хорошо, Роб. И я с вами.

Кругляк еще выше задрал брови и поглядел на Эстель.

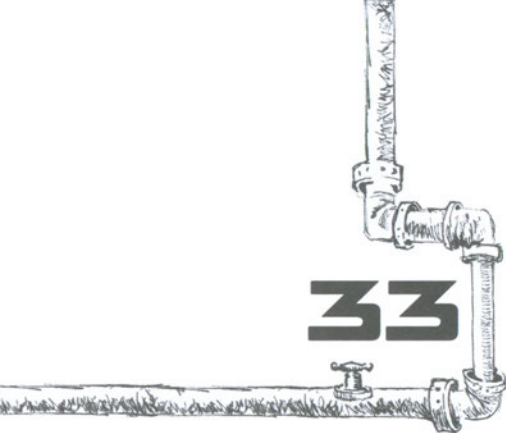
— Мне нужно работать, Роб, — сказала девушка.

Кругляк пожал плечами и присвистнул.

— Ты много потеряешь, Эстель, — сказал он, после чего вышел за дверь.

Кристофер и Джек присоединились к нему.

Прогуливаясь, Роб заткнул большие пальцы за ремень, которым особенно гордился. Как он сам выразился: «Я теперь худощавый, и мне нужен ремень, как у настоящего мужчины, чтобы брюки не падали».

С края облака стекла золотистая капля солнца. Кристофер вновь ощутил знакомый трепет и вздрогнул. Роб болтал, ни к кому конкретно не обращаясь, пальцы за поясом, идет вразвалочку, будто весь мир принадлежит ему. Вдруг он остановился, пнул ногой камушек и посмотрел на них смущенно, почти виновато.

— Что с тобой, Роб? — спросил Кристофер.

Кругляк уставился в землю.

— Я вчера наступил на улитку.

Пауза. Джек усмехнулся:

— Ты раздавил ее, Роб?

Кругляк быстро кивнул и закусил верхнюю губу.

— Ты намеренно это сделал? — спросил Кристофер.

Роб покачал головой:

— Это значит, что я как улучшенный механизм? Как один из этих «берсерков»?

Кристофер улыбнулся.

— Нет, Роб, не значит. Это была случайность. Ты вообще не способен намеренно причинить кому-нибудь вред. У тебя нет души. И она тебе не нужна. Ты не настоящий. Ты лучше, чем настоящий!

Роба как громом поразило.

— Лучше, чем настоящий?!

— Да, — подтвердил Кристофер. — Ты беспорочный, Роб. В тебе нет злобы. — Он посмотрел на Джека. — Ни в одном из вас нет злобы.

Роб задумался над сказанным, потом улыбнулся и прошептал самому себе:

— Лучше, чем настоящий. — Вдруг улыбка исчезла. — Но быть настоящим — означает иметь семью. Джек так говорил. А у меня нет ни мамы, ни папы.

Джек серьезно посмотрел на Кругляка:

— Мы и есть семья. Ты, Роб, и Кристофер, и Марта, и Эстель.

Роб засветился от радости. Кристофер даже подумал, что Кругляк сейчас лопнет от полноты чувств.

Однако широкая улыбка начала сходить с лица Роба, лоб нахмурился — видно, в голову Кругляку пришла какая-то новая мысль.

— Обещание есть обещание, не так ли?

Джек кивнул.

— Верно, Роб.

Кругляк посмотрел на ворота.

— Тогда почему он до сих пор ничего не сделал?

Джек поскреб подбородок и покачал головой. Ответа у него не было.

— Это нечестно, — продолжил Роб. — Эстель говорит, что каждый день у ворот собирается все больше механиклов. — Кругляк скривился. — Это совсем нехорошо.

Кристофер услышал какой-то лязг, обернулся и увидел испачканного машинным маслом, вспотевшего Кормьера, который заглядывал под капот грузовика. Старик крикнул что-то Эгберту, тот сделал шаг вперед и протянул мастеру гаечный ключ. Позади них сидела на стульчике и играла с тряпичной куклой Марта.

Кормьер как раз тянулся за гаечным ключом, когда поймал на себе взгляд Кристофера. Раздражительность почти моментально покинула его, на лице появилось полное надежды, даже жалостное выражение. Он приветственно приподнял руку, но потом как будто передумал, отвернулся и стал изображать, что копается в моторе.

Они пошли дальше. Настроение Кругляка улучшилось, теперь он перемежал свист с восторженным лепетом. Казалось, он не может решить, чего ему хочется больше — свистеть или говорить. В промежутках между этими занятиями Роб с джентльменским шиком проводил пальцами то по одной брови, то по другой.

Небо было залито золотым светом. Кристофер поймал себя на том, что думает о родителях, вспоминает лицо матери, ее голубые глаза, блестящие волосы. Он увидел улыбающегося отца, и на мгновение у него перехватило дыхание.

— Что с тобой, Кристофер? — спросил Джек.

— Что? — Замечтавшись, он не сразу понял, о чем его спрашивают.

— Ты остановился и сказал что-то про сад, — пояснил Джек.

— Правда? — удивился Кристофер.

Роб с Джеком обменялись взглядами. Кристофер покачал головой и сказал:

— Ничего, это ничего. Не обращайтесь внимания.

В отдалении слышался металлический лязг.

— Хочешь увидеть мою новую походку? — вступил в разговор Роб. — Я тренировался. Она довольно быстрая, но выглядит солидно. Старый Роб так не мог, но я теперь новый Роб. —

Он с очень довольным видом приподнял бровь и занес правую ногу. — Я думаю, и на вас она произведет впечатление...

Тут Роб каким-то образом умудрился выбить из-под себя левую ногу и, отчаянно размахивая руками, стал ловить равновесие, но было поздно. Он грохнулся на землю.

Упав, Кругляк испуганно вскрикнул, отчего Кристофер и Джек громко рассмеялись.

Кристофер подошел к Робу и протянул ему руку.

И снова услышал лязгающий звук. Только теперь он раздавался как будто во сне.

Когда рука Роба снова приблизилась к его руке, опять что-то лязгнуло, негромко, словно эхо.

Кристофер увидел садящееся солнце, подсвеченные снизу облака и улыбнулся...

И вспомнил...

Он услышал голос матери:

«Он в саду, — сказала она, — что-то делает вместе с твоим отцом».

Они были на кухне. Мать месила тесто и улыбалась ему.

«Ну, иди же к ним», — усмехнулась она.

Кристофер повернулся к двери. Она была открыта. А за ней — вечерний свет золотил зеленую траву. Он снова услышал лязг металла. И побежал.

В саду был отец. Он стоял рядом с кем-то. Этот кто-то опустился на колени перед металлической рамой, держа в руке молоток. Снова звук удара металла о металл, как колокол, зовущий домой.

Кристофер увидел руку, поднимающую молоток, и сердце у него застучало. Он побежал быстрее.

Мир покачнулся.

«Падаю, я падаю. Сколько мне было лет? Восемь?»

Он отшатнулся назад, будто его ударили.

Джек с тревогой спросил:

— Кристофер? Что случилось?

«Я был в саду. Дело было летом, мама — в доме, а отец — в саду, и я упал, и дедушка был там...»

Кристофер увидел лицо матери, потом отца.

Он смутно сознавал: Джек что-то говорит ему, а Роб испуганно смотрит на него.

«Я пытался подняться, и появилась рука, я взялся за нее... Я взялся за руку, и...»

Он снова оказался в саду, но на этот раз все было иначе. Увидев закатное солнце, которое скрывалось за деревьями, он испытал какое-то новое чувство — чувство обретенного дома, но более сильное, чем в его видениях во время опытов в лаборатории «Утеса». И было тут что-то еще. Он услышал, как кто-то зовет его по имени, и посмотрел вверх.

Мужчина с молотком в руке поднялся с колен и приблизился к нему.

Волосы с проседью, но не совсем белые, глаза голубые, в уголках собираются морщинки, когда мужчина улыбается. Когда его...

Когда его...

Кристофер *побежал*.

Он кинулся туда, откуда доносился лязг. Джек и Роб поспешили следом, окликая его по имени, но он не обращал на них внимания. Он бежал в гаснущем свете дня точно так же, как тогда в саду. Бежал во всю прыть мимо Эстель, которая вышла поглядеть, что там за шум.

Он влетел во двор, и там был Кормьер — зарывшись головой в мотор грузовика. Эгберт так и стоял рядом, держа наготове инструменты. Марта так и сидела на стульчике и играла с куклой.

Словно почувствовав что-то, Кормьер поднял голову, глянул на Кристофера, и глаза его расширились. Он встал.

Кристофер смотрел на него.

— Ты раньше делал игрушки. У меня была заводная мышка, и ты смастерил для нее машинку, которая ездила сама.

Кормьер слегка пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за капот грузовика. Подбородок у старика задрожал.

— Заводная птичка для мамы, поезд для папы и мышка для меня. Ты сделал их однажды на Рождество. И я помогал тебе работать. Чинить разные вещи, потому что ты говорил,

что на свете нет более благородного занятия, чем создавать и приводить в порядок ценные вещи.

Глаза Кристофера защипали слезы, в горле встал ком, отчего было трудно говорить. Ему нужно было сказать одно слово, и он снова обретет дом.

Он попытался произнести его, но душили слезы, и слово не шло с языка. Он тяжело сглотнул и, наконец, сказал:

— Дедушка.

И кинулся к Кормьеру. Тот принял внука в объятия, прижал к себе и заплакал.

Джек, Роб и Этель стояли у мастерской и смотрели на них. Этель скрестила на груди руки, промолвив:

— Ну, я же говорила ему, — и улыбнулась.

Через некоторое время Кристофер разомкнул объятия, вытер глаза и посмотрел в лицо деду. Потом взял старика за руку и решительно сказал:

— Пошли.

Кормьер пошел за ним, как послушный ребенок. Кристофер показал Робу на ящик с инструментами. Кругляк поднял вверх два больших пальца и взял его в руки. Они пошли к воротам. Этель, Джек и Марта потянулись следом.

Кормьер заметно нервничал. Кристофер сжал его руку и попытался ободрить взглядом.

— Обещание есть обещание, — сказал Роб.

Кормьер глубоко вздохнул.

Ворота открылись.

Увидев механиклов, ожидающих их снаружи, Кристофер улыбнулся. Солнце садилось на западе и золотило горизонт — как тогда, давным-давно, в саду.

Кристофер Кормьер теперь точно знал, что он дома.

И они с дедом взялись за работу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАКОНЫ МЕХАНИКИ.....	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	79
Глава 10.....	93
Глава 11.....	102
Глава 12.....	107
Глава 13.....	119
Глава 14.....	130
Глава 15.....	139
Глава 16.....	147
Глава 17.....	158
Глава 18.....	168
Глава 19.....	178
Глава 20.....	186
Глава 21.....	193
Глава 22.....	200
Глава 23.....	210
Глава 24.....	218
Глава 25.....	227
Глава 26.....	236
Глава 27.....	245
Глава 28.....	254
Глава 29.....	262
Глава 30.....	271
Глава 31.....	279
Глава 32.....	287
Глава 33.....	296

*Литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста*

СЕРИЯ «ЗЕРКАЛА»

Порик Кенни

ЖЕСТЯНКА

Перевод с английского *Евгении Бутенко*
Иллюстрации *Ирины Горбуновой*

Original English language edition first published in 2018 under the title
TIN by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

Text copyright © PÁDRAIG KENNY © 2018
The Author has asserted her moral rights.
All rights reserved.

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Руководитель проекта *Елизавета Зверева*
Ведущий редактор *Наталья Тюленева*
Художественный редактор *Андрей Двоеглазов*

Подписано в печать 25.03.2019. Формат 70×100^{1/16}.
Объем 19 печ. л. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Заказ № 18638 . Дата изготовления 25.04.2019

ООО «Издательство Качели»
Телефон редакции: (812) 401-62-67
Адрес для писем: 197022, СПб, а/я 6
e-mail: info@kachellybook.ru

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»: www.labirint.ru
По вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»: тел. +7 (495) 780-00-98
www.labirint.org

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»
196644, Санкт-Петербург, Колпинский р-н, пос. Сапёрный,
территория предприятия «Балтика», д. 6/н, лит. Ф.
тел.: (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru

